

ОСКОЛКИ

zezlibra.com

Часть первая

Серджио лежал на измятых простынях в небольшом номере.

«Интересное чувство, – подумал он, разглядывая обстановку, – будто бы я не должен здесь находиться». Он пытался понять, что же с ним произошло, но долгое время не находил ответа.

Обстановка была знакомой, как и во всех гостиничных номерах: кровать, тумбы с обеих сторон, два обычных светильника, какие-то дешевые занавески, журнальный столик и холодильник с минибаром. Серджио испытывал смешанные чувства: с одной стороны, он прекрасно помнил, как он сюда попал. Прекрасно понимал, что его сюда привело. С другой стороны, он вдруг почувствовал себя по-настоящему «не в своей тарелке».

– Что-то не так? – спросила его русоволосая девушка с сильным русским акцентом, выбираясь из-под одеяла.

– Все нормально, малыш, – отвечал он на автомате. Он всегда говорил «малыш», когда не мог припомнить имени, – продолжай, я просто немного устал.

Серджио старался закрыть глаза и сосредоточиться на ощущениях, но все его мысли вдруг улетали куда-то с невероятной быстротой, как будто в голове у него был сквозняк, такой сильный, который бывает, если одновременно на противоположных сторонах дома открыть окна. «Никогда бы не подумал, что подобное может

произойти со мной, – продолжал думать Серджио. – Раньше всегда срабатывало просто отвлечься и ни о чем не думать!». На какую-то секунду он вдруг почувствовал подобие наслаждения. И вот, «очередная» застегивала блузку, он шел в душ. Серджио мельком заглянул в зеркало и поправил волосы. «Не так уж и плохо, – сказал он самому себе, в какой-то момент даже залюбовавшись сединой, которая начинала побеждать его черные волосы, – хотя... что-то могло быть и лучше!». Он стоял под струями горячей воды, пытаясь смыть с себя все ощущения, ему вдруг стало неприятно, что кто-то прикасался к нему. Ему внезапно захотелось оказаться в другом месте, а еще лучше – в другой жизни, но он не мог.

Он поспешно вышел из душа. Пора возвращаться на работу, дела ждут. Поправил воротник, застегнул дорогие запонки, подарок на день рождения, смахнул пару пылинок с пиджака и вышел. До офиса было примерно полчаса. Это он знал наверняка, он уже не в первый раз проводил свой обеденный перерыв таким образом. Серджио уже не пытался привести свои мысли в порядок: как только он начал действовать по уже известной схеме, ему вдруг стало уютно и хорошо. «Все по плану, – думал он, – а значит, я все-таки управляю всей ситуацией».

Дверь в кабинет закрылась, и вместе с ней как будто закрылась какая-то часть его самого: он снова был невозмутим, непоколебим и уверен в себе на все сто процентов, как и положено любому руководителю. Серджио подписывал подготовленные для него

документы, просматривал планы встреч в органайзере, читал отчеты. Серджио ругался про себя на нерадивых коллег, отмечал, кого стоит вызвать к себе. Серджио с головой погрузился в работу и наслаждался божественным ощущением концентрации: ему ничто не мешало думать о делах, он буквально ощущал, с какой невероятной скоростью работает его мозг и невольно чувствовал уважение к самому себе. Он увлеченно разрешал накопившиеся вопросы и проблемы, как будто боясь снова оказаться в состоянии растерянности. Он настолько сфокусировался на работе, что почти до самого конца рабочего дня так и не встал из-за стола, так и не выпил кофе или даже воды. Возможно, потому что не хотел отвлекаться. Возможно, потому что снова начинал сомневаться в себе. Серджио рассердился сам на себя: «Ну что ты, как дурак! Кого ты пытаешься обмануть? Конечно, ты уже два часа как откладываешь этот звонок, потому что тебе не хочется... Не хочется чего? Ну вот, сам от себя увиливаешь. Да, тебе совершенно нечего бояться, просто позвони и все. Stupido, stupido, stupido...». Серджио быстро набрал внутренний номер «113», про себя подумал: «Чертов номер, – скорее поднес к уху трубку, – надо ответить скорее, только бы не передумать. Что передумать? Что передумать? Какой же я идиот...».

– Инес, будьте добры, как обычно! – выпалил он, и спешно повесил трубку.

Серджио нервно щелкал ручкой. Время тянулось необыкновенно долго, секундная стрелка, издеваясь, медленно прыгала по циферблату. Нужно было отвлечься на что-то, но Серджио снова потерял нить. Он ругал себя за то, что почему-то перестал управлять собой в той области, в которой уже очень долгое время был просто ассом. «Когда же я успел потерять контроль?» в который раз спросил он сам себя.

Инес быстрым шагом зашла в кабинет, аккуратно поставила чашку с эспрессо на рабочий стол, дежурно улыбнулась, произнесла: «Ваш кофе, пожалуйста», и так же спешно удалилась. «Какое счастье, – подумал Серджио, – что она не спросила, нужно ли мне что-нибудь еще!». Он сделал глоток обжигающего кофе. Он любил пить очень горячий кофе, такой, чтобы онемел язык. Все родные над ним смеялись, но он привык такому еще со студенческих лет, когда постоянно торопился куда-то. Теплый и холодный кофе он не признавал в принципе. Кофе должен быть только крепким и горячим.

«Когда же я успел потерять контроль?» снова спросил себя Серджио. И вдруг явственно вспомнил этот момент. В тот день он пригласил Инес к себе в кабинет. Она работала на новом месте, наверное, с неделю, не больше. Она вошла в кабинет. Ему все стало про нее ясно: зауженная юбка серого цвета ниже колена (как положено по дресскоду), белая блузка с добавлением синтетического волокна (начинающая карьеристка), две верхних

пуговицы расстегнуты (хочет подчеркнуть свою грудь, но не слишком уверена в себе), аккуратные руки с отполированными розовыми ноготками, так называемый французский маникюр (нотка элегантности и никакого воображения), очки в темной оправе (хочет казаться старше и умнее), дорогой браслет на левой руке (вероятно, чей-то подарок). «Смотрит в глаза, затем на губы, потом чуть вниз, и смущается, возможно, прикидывается, – вспоминал свои умозаключения Серджио, – нужно проверить, вообще проблем быть не должно». Он тогда беседовал с ней по деловым вопросам, откинувшись в кресле и наблюдая за ней.

– Как вы относитесь к работе во внеурочное время? – спросил он, глядя ей в глаза.

– Абсолютно нормально, это часть рабочего процесса. Если это важно для компании в целом, для меня или для Вас – мне все равно, сколько придется над этим работать, – сказала она четко и уверенно. Во взгляде ничего не промелькнуло, ни единой искры, ни малейшего намека на что-либо.

– Через неделю я уезжаю в командировку в Рим. Вы будете меня сопровождать, как ассистент. Возможно, придется работать до позднего вечера, – продолжал Серджио, следя за ее реакцией.

Ничего. Он решил смутить ее, – если вы конечно, понимаете о чем я! – он рассмеялся.

– Как не понять! – отвечала она, рассмеявшись в ответ. – У Вас забавное чувство юмора, – продолжала она. – Если придется работать до позднего вечера, я буду работать.

– А как же ваша семья? Родные не будут против вашего двухнедельного отсутствия? – спросил Серджио.

– Я живу одна, родные давно привыкли к моему отсутствию, – отвечала Инес, глядя ему прямо в глаза. Ее взгляд был необыкновенно сдержанным и холодным, совершенно лишенным каких-либо эмоций.

– Я смотрю, вы готовы пожертвовать многим ради удовлетворения своих амбиций, – заметил Серджио. Он давно это отметил, еще изучая ее резюме, где помимо ее отличной фотографии в полной рост, кроме относительно молодого возраста, можно было заметить прекрасное образование и неплохой опыт работы, пусть и не очень продолжительный, один год ей даже удалось проработать в Берлине.

– Да, для меня карьерный рост очень важен, – отвечала она.

Когда их разговор был закончен, и Инес спросила, может ли она быть свободна, Серджио встал со своего кожаного кресла, и, медленно и уверенно, подошел к двери. Был конец рабочего дня, он также собирался уехать домой. Он чуть задержался у прохода, открывая для нее дверь, в знак вежливости, но пристально глядя ей в глаза. Серджио постарался нечаянно коснуться ее руки, как он это обычно делал, чтобы проверить настрой женщины. Она вдруг

страшно смутилась и скорее просочилась к выходу. Вначале Серджио ощутил легкое разочарование, затем небольшую злость, но вскоре, буквально через несколько секунд, он, к своему удивлению, почувствовал волнение, не менее сильное, чем волнение молоденькой Инес. Тогда это ощущение его очень позабавило, давно он не чувствовал ничего подобного. Но, прекрасно понимая, что природа этой эмоции случайна, не имеет под собой почти никакого основания, он не ощущал никакой угрозы. «Видимо, зря, – подумал Серджио, – но разве можно было ожидать такого? Я робею перед ней, как мальчишка». Серджио откинулся в своем кресле. Кожа чуть недовольно проскрипела, когда он заерзал, пытаясь найти удобное положение. Удобное положение для размышлений об Инес. Серджио вспомнил, как она робко прокрадывалась на совещания, чтобы делать стенограмму, как садилась за самый дальний угол стола или вовсе уходила и садилась на диванчик у выхода из конференц-зала. Он еще тогда удивлялся, как она все слышит и успевает записывать. Он вспомнил, как она однажды принесла ему чашку кофе: он засмотрелся на ее шею, она смутилась, ее рука дрогнула, и кусочки сахара намокли. Инес немедленно извинилась, быстро развернулась и ушла, чтобы принести новую чашку кофе. Когда она вошла во второй раз, от робости и растерянности не было и следа, она внесла чашку кофе, как королева, отточенным и грациозным движением руки она поставила ее на стол перед ним,

потом произнесла «Ваш кофе», дежурно улыбнулась, еще раз извинилась, и вышла, не задержавшись ни на секунду. Он тогда очень хотел сказать «Подожди, постой!», но повода для этого не нашлось, и он только и успел кинуть последний взгляд на ее изящные икры.

«Она всего лишь моя ассистентка, – думал Серджио, – но я чувствую ее хозяйкой всего положения, хотя, вне всяких сомнений, я мог бы проявить больше силы и напора, так, чтобы она не смогла устоять. Но что-то меня останавливает. Возможно, то же, что и привлекает меня в ней. Ох, эта слабость, зависимость и неловкость, даже неуклюжесть, удивительно соседствующие с потрясающей силой, стержнем внутри, – продолжал свои размышления Серджио. – мне не составит труда завоевать практически любую женщину, но если меня привлекает Инес, значит, в ней действительно что-то есть. Но что же происходит у меня внутри? Почему остальная жизнь постепенно теряет краски? Может быть, я просто устал? Наверное, был не в настроении днем. Серджио сделал пару звонков, и, покручивая ключами от лексуса на пальце, удалился.

Виктория рассерженно встряхнула рыжими локонами и зажгла сигарету.

– И меня совершенно не волнует, что ты по этому поводу будешь врать! – сказала она сердито. – Боже, Серджио! Мне решительно

нет никакого дела до твоей жизни, до мелких подробностей или существенных фактов! Мы занимаемся сексом два раза в неделю, в среду после работы и в воскресенье, после пробежки. Мы знаем друг друга уже много лет, ты думаешь, я не чувствую, что с тобой что-то происходит? Ты можешь быть с кем угодно во все остальные дни недели, это я знаю прекрасно и без тебя, хотя ты постоянно этого как будто стесняешься, хоть и не скрываешь. Ты мне сейчас пытаешься сказать, что устал, но ведь дело в чем-то другом. Я тебя больше не привлекаю? Я слишком стара для тебя? Или, быть может, дело вовсе не в этом, и, раз уж мы почти ровесники, может быть, проблема уже в тебе самом? Прости за откровенный вопрос, но мы же оба взрослые люди, все понимаем. У меня есть контакты, если тебе нужно.

– Вики, ты можешь помолчать хоть секунду? Мне нужно собраться с мыслями, не понимаю, что со мной происходит! – сказал Серджио, не сдерживая раздражения.

– Да хоть минуту, милый! – выругалась Вики. – Может мне станцевать?

– *Mamma mia*, Вики, прекрати немедленно. Я так не могу, правда, не могу больше! – сказал Серджио и стал торопливо одеваться.

– Постой, ну, не обижайся, я была не права! – вдруг заговорила Виктория. В ее голосе чувствовались неподдельные нотки сожаления. – Давай начнем все сначала, как будто ничего не было?

Вот, ты приходишь, а я жду тебя... – сказала она игриво, прыгая на кровать.

– Нет, Вики, нет. Не сегодня, не знаю... – сказал Серджио, растерянно. Ему было немного неловко отказывать ей, но он чувствовал, что так будет правильно.

– Буду ждать тебя в воскресенье, мой мурлыка. Ну, не обижайся, пожалуйста! Я, правда, не хотела тебя обидеть! – сказала Вики, в голосе все еще чувствовалась надежда.

– Нет, Вики, нет, – повторил Серджио. Он вдруг почувствовал себя уютнее от повторения уже прозвучавшей фразы, – я позвоню тебе, когда улажу свои проблемы.

– Ладно, буду ждать твоего звонка. Но помни, в самом деле, все твои *проблемы*, – Вики сделала особый акцент на последнем слове, – могу решить я, тебе нужно только расслабиться.

– Возможно, ты права. Но не сегодня, нет, Вики, нет. И чао! – сказал Серджио, уверенно закрывая за собой дверь.

Он быстрым шагом спустился по лестнице. Ему вдруг захотелось спуститься пешком, не вызывать лифт. Да и что там? Всего шесть этажей вниз. Кое-что прояснилось, но все еще было не до конца понятно. Серджио сел в свой бордовый лексус, снова немного похрустел кожей, устраиваясь поудобнее, поставил диск с любимой музыкой и поехал по направлению к пригороду. Нужно было скорее выехать из всех вечерних пробок, из мерцания огней и нервных остановок, гудков машин и чьих-то гортанных окриков.

Нужно было скорее доехать до какого-нибудь места, где можно выключить фары и побыть одному хотя бы полчаса. Домой совершенно не хотелось. Он остановился, выбравшись из города, на холме, откуда Нью-Йорк был виден, как на ладони. Он остановился и заглушил мотор. «Итак,— начал свое рассуждение Серджио, – очевидно, что проблема была не в русской сегодня днем, и не в Вики. Более того, теперь ясно, что проблема не в моей усталости. Потому что, каким только я не приходил к Вики: и после бессонных, полных волнений ночей, после длительных трансатлантических перелетов, после провальных переговоров, после успешных сделок, после ссор, даже после похорон – никогда не было никаких проблем. Она всегда знала, что со мной сделать. Всегда могла найти нужное настроение. Но не сегодня. Потому что сегодня что-то произошло? Но ничего не происходило. Возможно, я что-то понял сегодня, но сам пока не осознал, что». Серджио открыл дверь и закрыл глаза, наслаждаясь свежим воздухом, поступившим в салон. Он старался ни о чем не думать, но вдруг очень явственно представил, как его глаза зажимают чьи-то прохладные ладони, и нежный, без единой нотки холода и отстраненности, голос Инес спрашивает его: «Ты устал?». Серджио едва заметно кивнул головой. Он явственно представил себе запах ее нежных духов. Вспомнил ощущение от случайного прикосновения к ослепительно белой блузе. Попытался представить, как обнимает ее за юную, тонкую талию, как она

прижимается к нему, робко и чувственно. Как смотрит ему в глаза из-под своих очков в грубой черной оправе. Как он снимает их с нее, откладывая на стол. Еще одно смелое движение: щелкает заколка, волосы Инес, густым каштановым водопадом падают на плечи, вновь окружая его этим потрясающим запахом цветочных духов. Ощущения были настолько явственными, что на какой-то момент Серджио и вовсе забыл, где находится. Мыслями он был с Инес, вдыхал запах ее волос и тела, касался ее нежной кожи, целовал ее лицо. Телефонный звонок буквально вырвал его из этих более чем приятных мыслей. Серджио тяжело вздохнул и долго слушал мелодию вызова, не находя в себе силы взять трубку. – Да, да, дорогая. Я думал позвонить тебе, но совершенно забыл: тяжелый день и эти пробки, сама знаешь, как тяжело на дорогах. Я скоро буду.

Серджио повесил трубку и нервно закурил. Ругательства вертелись на языке, но он выдыхал только дым. Сигарета шипела на самом конце, Серджио ждал, когда пепел вырастет и станет длиннее, чтобы стряхнуть его. «Еще не пора, еще подожду» думал он, ненасытно затягиваясь: «Может быть, моя жизнь и была бы прекрасна, если бы не было в ней баб. Вообще! – в сердцах подумал он. – Хотя нет, все-таки это то удовольствие, от которого очень сложно отказаться. Несмотря на цену, которую приходится платить. За все приходится платить».

***

Было около трех часов дня, когда Рина, как ее называли для краткости подруги, запыхавшись, вбежала в кафе. Кругом было полно народу, она с трудом отыскала глазами знакомое лицо подруги, и принялась протискиваться через узкие проходы между уличными столиками, стараясь никого не задеть. Весной всегда так: стоит солнцу хорошенько прогреть воздух, все сразу высыпают на улицу, как будто уже лето, расстегивают пальто и куртки, закатывают рукава пиджаков, вальяжно разваливаются на террасах всевозможных кафе и ресторанов, подставляя лица под набирающие мощь солнечные лучи.

– Едва успела! Привет! – она поцеловала подругу в щеку и бросила на соседний стул пару бумажных пакетов. – Только что забрала Тину из школы и отвезла ее на танцы, утром была встреча с сумасшедшими клиентами, попросили оценить одно бездарное полотно, купленное за двести тысяч, представляешь? Целый день верчусь, как белка в колесе, а ведь он только начался. Как ты?

– Привет! Я все гадала, успеешь ты или нет. Не виделась тысячу лет, а чтобы поболтать, всего лишь какой-то жалкий перерыв между судебными заседаниями. Мне через два часа уже бежать, а столько всего надо рассказать, – взволнованно говорила Лиза. – Боже, это изумрудное платье тебе невероятно к лицу!

– Спасибо, милая! А у тебя новые серьги? – спросила Рина, разглядывая причудливых птичек, зажавших в клювах каплевидные жемчужины.

– Да, мне стало грустно, и я их купила, – отвечала Лиза.

– Что-то случилось? – уловила настрой подруги Рина.

– Ну, так, может быть ничего страшного, конечно. Мне надо с тобой поговорить, тогда и станет ясно. Ты знаешь, психоаналитики всегда дистанцируются, какой бы ни была проблема, решение все равно всегда за мной и ответственность за это решение буду нести только я. Но иногда не хватает просто человеческого понимания, участия. Я столько всего успела передумать за последнее время, но даже не представляю, что верно, а что нет.

– Лиззи, интриганка. Что там у тебя случилось, в чем я могу быть тебе полезна? Ты же знаешь, в моей жизни уже давно ничего особенного не случается, жизнь давно стала упорядоченной и одновременно обыденной.

– Слушай, мы ведь можем быть откровенны друг с другом? – взволнованно спросила Лиза. Голос ее едва заметно дрогнул.

– Да, конечно, – кивнула головой Рина, – все останется между нами.

– У меня есть некоторые подозрения по поводу моего мужа.

Скажи, ты когда-нибудь своего в чем-нибудь подозревала? – Лиза смотрела прямо в глаза подруге и чуть нервно теребила в руках бумажную салфетку. Рина чуть смутилась, неловко улыбнулась и отвела глаза.

– Знаешь, пусть это и прозвучит странно, ведь мы такая хорошая семья, и он меня так любит, а уж как я его... – Рина улыбнулась, посмотрев чуть вверх. – Но да, было пару раз. Подозревала.

Знаешь, так бывает, когда наступает какой-нибудь кризис, когда на

работе проблемы, или когда что-то волнует, или когда просто сильно увлечены делом: мужчины всегда чуть отстраняются, иногда и вовсе забывают как-то проявлять свои чувства. Нам, женщинам, надо воспринимать это как нечто неотвратимое. И да, когда он подолгу был холоден ко мне, в мой мозг начинали закрадываться какие-то подозрения. Но ты знаешь, что? В итоге все они оказывались совершенно беспочвенными. Может быть вам с мужем надо просто поговорить? Расставить точки над «i», заполнить недосказанность?

– Ты имеешь в виду, дать ему возможность оправдаться? – спросила Лиза, подняв бровь.

– У тебя есть прямые улики? – насторожилась Рина.

– Прямых улик нет, – покачала головой Лиза.

– Тогда, самое разумное: применить в жизни презумпцию невиновности. Так это у вас называется, кажется?

– Да. Пока вина субъекта не доказана, он считается невиновным.

– Вот видишь, чуть не от зубов отскакивает! По отношению к убийцам и ворам ты это применяешь охотно, а по отношению к собственному мужу – нет.

– Ох, Рина, это же совершенно другое. Убийцы и воры лично мне ничего плохого не сделали, иначе я была бы на месте их жертв, а не их адвокатом. А вот мой муж, если я не буду осторожна, может поверить во вседозволенность и тем самым сделает мне очень

плохо. Чувствуешь разницу? Понимаешь о чем я? – сказала Лиза, грустно улыбаясь.

– Да, понимаю, – кивнула Рина. – Но в данной ситуации лучше или расслабиться и не тревожиться, так как явных оснований нет, либо, если уже совсем не можешь успокоиться, поговорить с мужем на эту тему. Уверенна, хорошая откровенная беседа должна помочь. Только будь осторожна, не оскорби его своими подозрениями.

– Господи, Рина, твой муж, наверное, самый счастливый человек на свете! Я так, правда, не могу. Прекрати немедленно, я чувствую себя неполноценной! – рассмеялась Лиза. – Я ведь даже проверяла его телефон, пока он мылся в душе. Я долго пыталась подгадать подходящий момент, он все время брал его с собой, я из-за этого еще сильнее накрутила себя, сама понимаешь. С чего вдруг он постоянно берет его с собой, даже в туалет? Конечно, я начала его подозревать. Но еще больше я стала его подозревать, когда прочитала все сообщения на его телефоне, там были только указания места, времени встречи и какие-то даты, иногда короткие «да», «нет» или «я на совещании». С чего вдруг такая конспирация?

– Может быть с того, что ему действительно нечего скрывать? – чуть снисходительно улыбнулась Рина. – Тебе надо больше доверять своему мужу. Ведь доверие – это основное, на чем держится любовь и семья. Почему ты такая мнительная? Или он раньше обманывал тебя?

– Кажется, нет, – Лиза вдруг счастливо улыбнулась. – Только один раз разве что. Но это не считается, он тогда готовил сюрприз для меня. Помнишь, я тебе рассказывала, как он подарил мне на рождество поездку в Париж, о которой я всегда мечтала?

– Если ты поехала туда одна на рождество, то твои подозрения как раз-таки были обоснованы, – рассмеялась Рина. Лиза расхохоталась и махнула на нее рукой.

– Нет же, дурочка, мы тогда поехали вместе. Да, теперь я вижу, ты, скорее всего, права, и мне не о чем беспокоится. Наверное, со стороны мое поведение действительно выглядит крайне смешно, но я ничего не могу с собой поделать. Странная штука это доверие. Получается, нужно просто верить и все. Если задерживается подолгу, если уезжает в командировки, если возвращается домой поздно ночью, если не отвечает на звонки. Не спрашивать, чтобы не оскорбить. Не проверять телефон и электронную почту, чтобы не вторгаться в личное пространство, не обыскивать карманы, потому что это низко.

– Именно так. Вот тебе понравилось бы, если бы ни с того, ни с сего твой муж подошел к тебе, и крепко обняв, вдруг сказал: «Где ты была? От тебя пахнет сигаретами, но ведь твои подруги не курят!» И долго ты ему будешь объяснять, что на самом деле, многие из них курят, особенно когда немного выпьют, чтобы вспомнить молодость? Или что это курила ты сама? Понравилось бы тебе, если бы он начал изучать твой телефон, и среди многих

случайных сообщений нашел бы что-нибудь вроде: «Котеночек, я тоже по тебе скучаю, когда увидимся? Чмоки!», как мы обычно пишем друг другу. Замучаешься ведь объяснять, что между подружками подобные обращения и нежности абсолютно нормальны, и, как правило, носят шуточный характер.

Понравилось бы тебе, если бы он вдруг нашел в твоей сумочке презерватив, который ты уже год там носишь на случай спонтанного секса с собственным мужем? Ну, или с прекрасным незнакомцем у барной стойки, из самых смелых твоих фантазий, которые ты никогда не решишься воплотить, но презерватив в сумочку все равно положишь, как символ того, что у тебя еще есть запал, что ты еще можешь всем показать. – Рина подмигнула Лизе.

Та уже давно не сдерживала смеха.

– Точно, о да, как же точно! – она улыбалась. – Да, не хотела бы я все это ему объяснять!

– Вот и не лезь в его мир, тогда он не тронет твой. Каждому нужно немного личного пространства. Уверена, в этом нет ничего страшного. Своими подозрениями ты только все испортишь. Все ведь хорошо! Повод для подозрений всегда найдется, потому что если ты хочешь во что-то верить, ты всегда найдешь зацепки. Твоя задача – верить в хорошее, если ты хочешь быть счастливой.

– Что же ты хочешь сказать, что никогда так не мучилась? – спросила Лиза недоуменно.

– Было дело, с другим мужчиной, очень давно, мне тогда было лет двадцать пять, и я мало чего соображала. Ревновала его к каждой юбке, как выяснилось, не зря. Мы расстались в итоге. Ревность съела меня до костей, ничего не осталось. Я не хочу об этом больше, – сказала Рина, отхлебнув кофе. – Позже я встретила того, с кем решила провести всю свою жизнь. Ты знаешь, я почему-то это сразу поняла, чуть не на первом свидании. По тому, как он смотрел на меня, по тому, как обращался ко мне, как называл мое имя. И я сразу решила, что никогда не буду «трогать» его, доверюсь ему полностью, потому что он просто не может быть плохим. Потому что, если он плохой, то хороших просто не бывает, а если так, то и жить больше незачем. Но жить хотелось, поэтому я всем сердцем поверила, что он хороший. И пока не обманулась. Ты знаешь, я вот сейчас чувствую, как я дико в него влюблена. Просто с ума по нему схожу, так хочу постоянно быть с ним рядом, это даже смешно. Я же взрослая женщина, якобы самостоятельная, мать двоих детей. А иногда ловлю себя на том, что сижу на кухне, жду, когда он вернется домой, он задерживается, я волнуюсь. И вот его машина подъезжает к дому, я слышу звук мотора. Скажешь, глупо? У меня сердце выпрыгивает из груди. Я готова, как кошка, нестись к двери, чтобы встретить его скорее. И это после пятнадцати лет брака!

– Везучая... – мечтательно протянула Лиза. – Я и не знала, что так может быть, думала все давно ровно. Привычка, рутина, привязанность, обычное такое счастье.

– В чем-то ты права, жизнь уже давно обрела свое русло, течет по заданным направлениям, примерно в одном ритме. Знаешь, такое же ощущение незыблемости, как в детстве. Как будто мама и папа всегда были вместе, и жизнь всегда была только такой, к которой ты привык. Так и сейчас. Такое ощущение, что никакого другого прошлого никогда не было, а было только так. Всегда были семейные посиделки за воскресным ужином, всегда были шумные игры во дворе, сеансы редкого кино в домашнем кинотеатре, всегда были дети, всегда был он рядом со мной. И всегда все будет так. Конечно, я догадываюсь, – Рина иронично рассмеялась, – что время идет, дети скоро вырастут и покинут «отчий дом», мы состаримся, и жизнь в очередной раз изменится. Но там, наверное, тоже есть своя система: позвонить детям, спросить как они, устроить сеанс «дистанционной промывки мозгов», пожаловаться на боли в суставах, подготовить подарки ко дню Благодарения или сшить внукам костюмы к Хэллоину, съездить в Европу, навести порядок в саду.

– Ой, как все это печально звучит! – вздохнула Лиза. – Сколько у нас еще лет до этого «счастья»? Десять? Пятнадцать? Двадцать?

– Если бы я знала! У всех все по-разному. Еще шесть лет и мой сын будет легально употреблять крепкие спиртные напитки,

достигнув полного совершеннолетия. Страшно подумать! Это ведь скоро! А сейчас он подолгу запирается в своей комнате, не подпускает меня к себе, говорит «мама, я уже большой для твоих телячьих нежностей», репетирует со своей командой в гараже, играют какую-то мерзость, сплошной шум, но я думаю, перерастет. Еще год назад был абсолютным ребенком, а сейчас вдруг стал взрослеть, голос сломался недавно, скоро щетина начнет расти. В такие моменты становится одновременно радостно и грустно. Радуюсь, что растет мой мужчина, мой красавец, самый лучший из всех. И в то же время понимаю, что если он растет, значит я – стареюсь. Ужасное осознание для женщины, которая сегодня купила чудесное кружевное белье. Не зря же я два месяца пахала в спортзале! Хочешь, покажу? – Рина полезла шуршать бумажным пакетом, уловив любопытный кивок Лизы.

Мэринелла потерла виски руками. К вечеру немного разболелась голова, и до сих пор все никак не проходила. Она сидела в гостиной, налив себе чашку зеленого чая. Ей нравилось смотреть, как под действием горячей воды раскрываются чайники. За окном воздух уже давно стал густым и синим, как старые чернила. Было прохладно, ей пришлось закрыть все окна. Мэринелла боялась сквозняка, он всегда приносил одни неприятности. Она устроилась поудобнее в любимое кресло, окружив себя несколькими подушками. Так, казалось, уютнее. Можно сказать, будто бы кто-

то был рядом. «Горячая чашка, белая-белая, такая гладкая, и этот аромат... – Мэринелла медленно вдохнула пар, исходящий от чашки с чаем, – что еще нужно? Нет, ну разве что самую малость. Хотя нет, не стоит, слишком поздно для шоколада, даже для одной клеточки. Нет-нет, не стоит. Так, что мне еще нужно? Ах, мои репродукции... так, все верно, книга здесь». Дом погрузился в тишину. Маркус заперся в своей комнате. Наверное, слушал музыку, читал книги, рисовал или просто терял время в интернете. Тина уже час как спала в детской. Свет горел только в гостиной. Мэринелла допивала свой чай, чуть улыбалась и думала о том, что ее тяжелый день наконец-то закончился. Она перелистывала глянцевые мелованные страницы с картинами русских передвижников, все они были ей хорошо знакомы, как старые друзья, но сегодня ее настроение было странным, и она все никак не могла ощутить желанного покоя. Какая-то тревога посетила ее с самого утра, какая-то «toska» выговорила она русское слово едва слышно. Мэринелла вспомнила, что когда-то давно, еще в университете, дома, в Италии, один из преподавателей объяснял его загадочное и крайне расплывчатое значение. Она не могла понять, что с ней творится. Ей вдруг очень сильно захотелось ощутить тепло чьих-нибудь объятий, чтобы ее крепко-крепко прижали к груди и не отпускали несколько минут. Мэринелла вздохнула и сделала последний глоток. Она поняла, как сильно хочет слышать сейчас голос своего любимого мужа. «Быть может,

быть может... – проговорила она про себя, вспоминая, какое красивое белье она купила для сегодняшнего вечера. – Позвоню ему». Она набрала номер. Он некоторое время не отвечал. «Наверное, за рулем, неудобно говорить, – подумала Мэринелла. – Ох нет, вот, отвечает. Ну, вижу, все в порядке. Скоро будет, уставший, но такой нежный. Как я люблю эти нотки в его голосе... Чуть отстраненный, как кот, будто ему вовсе и не нужно со мной разговаривать, но одновременно нежные и теплые интонации, которые меня наполняют всю, всю без остатка».

Серджио переступил порог, привычным движением положил ключи на полку, повесил легкую замшевую куртку, поцеловал жену в щеку и спросил, что же будет на ужин. Отправился мыть руки. Он любил зеленое мыло: оно приятно пахло терпкими травами. Они с женой постоянно, вот уже несколько лет, покупали эту марку. Когда он пользовался им, он всегда очень четко понимал, что находится дома. От этого он чувствовал себя спокойнее, ему нравилось это ощущение, когда его окружали знакомые запахи, цвета, текстуры. Он долго мыл руки, как будто они были грязными, запах травяного мыла наполнял ванную комнату, Серджио смотрел на обильную пену на дне раковины. Он как будто застыл в этом моменте. И вдруг явственно ощутил холод чьих-то рук на своих глазах: «Я, верно, начинаю сходить с ума, – успел подумать Серджио».

– Устал? – нежно спросила его Мэринелла. Серджи мысленно выругался, тяжело вздохнул, посмотрел на нее, и устало кивнул. – Бедный ты мой! Дай я тебя обниму! – жена прижалась к нему всем телом.

***

Кёрли сидел на полу, потягивая отвертку через полосатую трубочку. Света в комнате было совсем немного, лица людей становилось интереснее разглядывать, когда на них начинали играть тени. Виктор с аппетитом ковырял маленькую дыню ложкой. Джесси, Лора и Ким, все три, с аппетитом смотрели на то, как Виктор ковыряет маленькую дыню ложкой. Он сидел в черной майке, и можно было очень отчетливо разглядеть, как играют его мышцы, в полумраке они казались еще рельефнее. Потом он медленно, предвкушая, подносил ложку с мякотью ко рту, и иногда даже прикрывал глаза от удовольствия. О чем думала каждая из них? Не сложно догадаться. Любая бы подумала. Хотя нет, может быть и не любая. Брит настраивала гитару, медленно поворачивая колки. Кёрли уже давно наблюдал за ней, Виктор ее почему-то не интересовал. Брит дергала струну, зажимая ее на пятом ладу.

– Кто это у нас тут такой колючий? – тоном, которым обычно обращаются к детям, спросила Хуана. Кёрли посмотрел на нее исподлобья. – Можно попробовать, что ты пьешь?

– Можно. Идешь пять метров по прямой, поворачиваешь налево, доходишь до кухонной стойки, наливаешь себе водки. Сколько хочешь. Я налил четверть стакана, сколько нужно тебе – решай сама. Дальше разбавляешь апельсиновым соком, и вуаля, твоя отвертка.

– Ой, а вдруг мне не понравится? Дай я попробую у тебя! – пыталась его уговорить Хуана.

– Размышляя теоретически, если тебе нравится апельсиновый сок, то понравится и отвертка, потому что водка особого вкуса не имеет. Я тебе из своего стакана давать не буду, – сердито сказал Кёрли.

– Да-да, и даже не пытайся его уговорить! – подала голос Брит, – У Кёрли есть такой пунктик, он ненавидит, когда у него что-то отпивают или откусывают и сам терпеть не может так делать. – Брит и Кёрли переглянулись, он улыбнулся, ему было приятно, что она все объяснила за него. Сегодня ему хотелось молчать.

– Ах вот ты какой! – улыбнулась Хуана. – Ненавидишь, когда у тебя что-то отпивают или откусывают! А ухо тебе откусить можно? – спросила она, кокетливо.

– Не стоит, я его сегодня не почистил, – ответил Кёрли, продолжая невозмутимо пить отвертку. Хуана хмыкнула и присоединилась к партии созерцателей Виктора.

Кёрли сидел на полу, неспешно допивал свой коктейль и думал о том, что же многим девушкам от него становится нужно именно тогда, когда он не в настроении. Стоит ему засесть где-нибудь с отверженным и печальным выражением лица, сразу прибегают десятки спасительниц. Но если он счастлив и доволен, их становится меньше! Прямо как с кошками, они всегда садятся на колени тех, кому не очень-то нужны. Тех, кто не будет слишком тискать и постоянно сюсюкать. «Наверное, другой бы этим непременно воспользовался, – подумал Кёрли, и оценивающе посмотрел на Хуану, – но мне интересны не такие как она, что, конечно, странно, но я ведь не такой, как все!». Кёрли фыркнул, ему куда интереснее было наблюдать за своей подругой Брит, которая продолжала дергать нейлоновые струны старой гитары. Он вдруг встал, прошел комнату по диагонали и плюхнулся на диван рядом с ней. Она держала на коленях гитару, Кёрли взял на колени подушку и обнял. «Так, кажется, симметричнее, – подумал Кёрли, – она закрывается от всех гитарой, а я закрываюсь подушкой, ну уж, что есть. Барабанную установку тяжело таскать с собой специально для того, чтобы прикрыться».

– Привет, Кудряха! – рассмеялась Брит и потрепала его по волосам. Кёрли улыбнулся в ответ.

– Давно не виделись, Брит! – сказал он, глядя ей прямо в глаза.

– Ахах, Кёрли и Брит, может, хватит ворковать как голубки, на втором этаже спальня свободная! – рассмеялась Ким, она была новенькой в компании.

– Ты поосторожнее с ними, а то ... – не успела закончить Хуана.

– Глаза выцарапаю! – в шутку сказала Брит, обращая внимание собеседниц на свои тонкие, хищно изогнутые пальцы.

– А, теперь я поняла, почему Кёрли мне и Хуане отказал. Нельзя было сразу сказать, что вы типа встречаетесь? – спросила Ким немного нагло.

– А мы и не встречаемся! – сказал Кёрли. – Мы просто давние друзья!

– Да, Кёрли и Брит, это мега эпические друзья, вместе с детского сада, они еще до первых прыщей успели друг другу так надоесть, что им не до того, чтобы встречаться! – внес свою лепту Виктор.

Все рассмеялись, и громче всех смеялись именно Кёрли и Брит.

– Брит, ты так долго настраивала гитару, может, все-таки что-то споешь? – попросил ее Виктор.

– Нет, я про себя мурчала, еще совсем не готово, – смутилась Брит. Виктор был намного старше их всех, «намного», это на пять лет, не меньше. Хотя никто не знал его точного возраста и чем именно он зарабатывает себе на жизнь, но все знали, что он то выступает в каком-нибудь клубе, то ездит по стране без какой-либо цели, а то и вовсе пропадает. Его родители рано умерли и какое-то время он

жил вместе с бабушкой и дедушкой, а затем он стал навещать их в доме престарелых, а сам жил самостоятельно. Вся молодежь завидовала ему белой завистью, настолько он был свободен. У него постоянно собирались разные интересные люди, и совершенно любой вечер мог плавно перетечь в вечеринку с огромной толпой народа. Надо ли говорить, что подобный романтический стиль жизни привлекал не одну девушку. Но Брит не смотрела на Виктора голодными глазами, он был ей то ли не по зубам, то ли не по душе. Она даже не думала о том, почему он ее не привлекает. На удивленные вопросы подружек она только пожимала плечами и говорила: «Наверное, не в моем вкусе!», после чего они удивлялись еще больше. Таким образом, ее смущение было продиктовано вовсе не тем, что «предмет обожания» попросил ее спеть, а тем, что ее попросил спеть человек, явно больше понимающий как в музыке, так и в стихах. А Брит очень отчетливо понимала, что в свои пятнадцать она еще только начинает понимать, как это делается.

– Как хочешь, не буду настаивать! – улыбнулся Виктор. – Но, когда будет готово, мне будет интересно послушать, – остальные девчонки с завистью посмотрели на Брит. Еще бы! Столько внимания! Ему будет интересно ее послушать! А она еще ломается, не хочет петь! Да любая из них продала бы душу дьяволу за эту возможность. Кёрли сидел и спокойно улыбался. Он знал: то, что Брит придумала сейчас, он услышит очень скоро, в

отличие от остальных. Они так всегда делают, уже очень давно. Обмениваться творчеством это еще и очень забавный способ общаться, общаться без слов. Правда, последнее время Брит почти ничего не показывала, как-то смущалась, или, быть может, у нее чего-то не получалось. Кёрли задумался, у кого же сейчас получается? Весной адская усталость от всего, а особенно от учебы, если можно это называть учебой. «Отсидка» какая-то, потеря времени, которое можно было бы потратить на действительно интересные вещи» – подумал Кёрли, – «Жалко, что всех дегенератов нельзя загнать в один класс, или, еще лучше, в отдельную школу. Хотя нет, умных не так много, нужно для умных отдельный класс, а то пока этим что-нибудь элементарное вдалбливают, обычно тянет блевать».

– О чем задумался? – спросила его Брит.

– О системе образования и о том, что меня от нее тянет блевать! – ответил Кёрли.

– Точно от нее? – переспросила она, – Может быть дело в трех отвертках?

– Да нет, ты что, я и больше пил. И потом, меня иносказательно тянет, а не по-настоящему, – сказал он, почти оправдываясь.

– Ладно-ладно, верю. Кстати, уже пора домой. Пойдем?

– Пошли, я тебя провожу, – отвечал Кёрли, мысленно прикидывая, когда отец вернется с работы, и не застукает ли он его в тот самый

момент, когда его сынуля будет залезать по карнизу в окно на втором этаже.

***

Утро понедельника всегда у всех проходит очень тяжело, это Серджио знал не понаслышке. Совсем недавно тяжелым оно было и для него. И, хотя он страшно вымотался накануне из-за всяких семейных дел, он проснулся раньше будильника и спешно пошел приводить себя в порядок, он хотел скорее оказаться на работе. Тем не менее, он тщательно и долго брился и чистил зубы, разглядывая себя в зеркало: «Нет, неплохо, совсем недурно» – подумал он, разглядывая капли влаги на смуглых плечах. Он подмигнул сам себе.

– Рина, принеси мне полотенце, будь другом! Я опять забыл! – прокричал он, приоткрыв дверь ванной комнаты.

– Слышу-слышу! – отвечала Рина, лениво потягиваясь в постели. Она взяла себя в руки, скорее встала и принесла ему полотенце. Он приоткрыл дверь, и воздух, полный теплой влаги и запаха терпких трав окружил ее. – Может быть, успеем? – спросила она мужа кокетливо, успев кинуть взгляд на его, такое любимое, обнаженное тело.

– Нет милая, совершенно нет на это времени, я очень спешу, – отвечал Серджио, напуская на себя деловой вид. – Не подскажешь, где мой серо-голубой галстук в полоску?

– У тебя сегодня важная встреча? – спросила его Рина.

– Да, – отвечал он, стараясь не улыбаться при мысли об Инес.

Сегодня он был настроен решительно, ему хотелось чего-то добиться от нее сегодня. Чего-то большего, чем дежурная улыбка и «ваш кофе». Но Инес преподнесла ему такой сюрприз, которого он не ожидал.

Он приехал в офис раньше большинства сотрудников, она уже была на рабочем месте, готовила конференц-зал к заседанию. На ней было подчеркивающее все достоинства фигуры строгое серое платье, самое обыкновенное на первый взгляд, но оно необыкновенно ей шло, она подобрала к нему небольшие элегантные серьги с каким-то голубым камнем, который так отлично контрастировал с ее карими глазами. Серджио залюбовался ею, все ее движения стали еще более грациозными и плавными, юбка платья, на его вкус, была длинновата. «Хотя нет, пусть лучше будет такой, ниже колена. Чтобы никто не смотрел на нее, так как я». Серджио едва сдержался, чтобы не сделать ей эмоциональный комплимент. Может быть, в Италии это было бы вполне допустимо, но здесь, в США, он мог быть неправильно понят. Он сдержанно отметил:

– Инес, вы сегодня прекрасно выглядите! – но, как ему показалось, глаза его выдали с потрохами. Как ни странно, Инес ни капли не смутилась, а только улыбнулась, как будто он сказал что-то очевидное. Это его вдруг взбесило, но он сдержал свои эмоции, и, медленно допив ледяную воду из запотевшего стакана, вытер губы

и направился к выходу из зала, все равно никого еще не было. Он должен был рассчитать время так, чтобы прийти туда на две минуты позже всех остальных. Инес вдруг что-то вспомнила, и, резко развернувшись, тоже направилась к двери. Он не заметил ее, и они почти столкнулись в дверях. Серджио непроизвольно взял ее за плечи, потом моментально ослабил хватку, едва прикасаясь к чуть шершавой ткани ее платья кончиками пальцев, и почти промямлил:

– Осторожнее, я мог Вас сбить с ног! – он не узнавал собственный голос: «Господи, какой же я идиот рядом с ней!» – только и подумал он в эту секунду. – «Будь это не она, я бы уже давно завалил ее прямо на отполированный стол, все равно еще пятнадцать-двадцать минут никого не будет! Но почему я не могу сделать этого с ней? Нет, не могу».

– Спасибо, что поддержали меня. Я первый день на этих каблуках, могла и ногу подвернуть! – сказала она, попытавшись снять напряжение неловким смешком.

– Когда женщины носят каблуки, они сразу становятся беззащитнее! Побольше бы таких! – отшутился Серджио, и поскорее скрылся в направлении курилки.

«Слава богу, я здесь один!» – подумал Серджио, зажигая сигарету.

– «Черт, как же я зол на себя! Быть может, если бы мне удалось совладать с собственными эмоциями, я бы изначально не выглядел бы перед ней так глупо, я бы поставил себя иначе, и к этому

моменту, она, а не я, думала бы о том, как скорее остаться наедине со мной. А я бы только вкушал ее мучения, ее сомнения, и ее поражение передо мной. Я бы смотрел, как она мучается, а не страдал бы сам. Старый ты идиот, Серджио, ведь давно знаешь правила этой игры и всегда выходил победителем, а тут вдруг решил стать «мышкой». Хотя, похоже, что она боится меня еще больше, чем я ее. И только иногда она вдруг ведет себя так, что я за секунду, только поймав ее сильный и уверенный взгляд, чувствую себя мальчишкой. Мой сын и тот справился бы лучше!» – продолжал себя корить Серджио. «Какой же план действий? Импровизация всегда отлично срабатывала, но я всегда был уверен в себе, а это необходимое условие для успешной импровизации. Почувствовать уверенность в себе? Но как? Наверное, самый верный способ – обмануть самого себя».

Серджио еще долгое время размышлял над разными известными ему способами самообмана. Сопевание провел на автомате, «...все равно Инес сделает стенограмму и ее можно будет изучить позже. Нет, не Инес. Не Инес. Стенограмму», – поправлял ход собственных рассуждений Серджио, – «Ох, изучить Инес тоже было бы неплохо, очень даже хорошо!». Серджио вдруг стало душно, сердце снова учащенно билось, ведь «эта чертовка» оказалась предательски близко к нему, так близко, что он смог уловить аромат ее духов. Она взяла его пустую чашку, и, ненавязчиво повиливая бедрами, стала обходить препятствия по

направлению к выходу. Серджио вздохнул и снова начал мучительно изобретать, как же ему действовать дальше. Ему вдруг вспомнился субботний разговор с сыном. Тот всегда был достаточно замкнутым ребенком, точнее уже пареньком, и редко говорил с ним о чем-нибудь, но когда им удавалось побыть в своей «мужской» компании между ними всегда возникала какая-то особенная связь, которая иногда бывает между отцом и сыном. Иногда – потому что чаще отношения отца и сына основаны на подавлении, а не на доверии. Так вот эта связь по ощущению чем-то напоминала ему обыкновенную, настоящую дружбу. Ту дружбу, которая у него была со сверстниками, когда он был в том же возрасте или немногим старше, чем его сын. Сейчас у Серджио, как ему казалось, не было таких друзей. Те, с кем дружил в детстве, стали совершенно другими людьми, чуждыми во всем. Те, с кем был близок в юности, разлетелись кто куда, он и сам сейчас далеко от дома. Те, с кем начинал расти и взрослеть, пошли другими дорогами. Кто-то предал, кто-то перерос, кто-то остался на прежнем уровне, кто-то скатился в самый низ, полностью разочаровавшись во всем. Как ни странно, были и те, кто уже умер. Так вот, в эти редкие минуты, когда он ощущал себя скорее другом, чем отцом, он был далек от наставлений, они просто беседовали о чем-то на равных. И в эту субботу сын просто поделился с ним своими соображениями насчет девушек. Помните, в тот момент Серджио чуть самодовольно фыркнул и

потрепал его по плечу в знак одобрения. Хотя он и беседовал с ним на равных, как мужчина с женщиной, именно то, что было сказано, заставило его одновременно с ощущением равенства почувствовать необыкновенную гордость. Сын рос, и сын был во многом похож на него. Конечно, сын высказал давно известную истину, но Серджио именно сейчас, сидя в кабинете, пытаюсь успокоить сердцебиение и понять, что делать дальше, оценил ее в полной мере. И он внезапно понял, как он может обмануть самого себя и прекратить это неуверенное дуракаваляние. Или ему показалось, что понял? «Во-первых, я должен перестать испытывать физическую потребность в ней, следовательно, я должен полностью физически переключиться на другую женщину, таким образом, мой организм, его вегетативная система, будет себя вести так, как будто ему не нужна женщина, какая бы то ни было, даже Инес. Я буду меньше нервничать. Если действовать с таких позиций, то мне больше не будет отвратителен секс с другими женщинами, как это было на прошлой неделе, когда я не мог помыслить себя ни с кем, кроме Инес. Это же будет секс во имя успешного воплощения замысла! А во-вторых, во-вторых... Во-вторых я должен отказать ей. Все равно в чем. Главное – отказать. Может быть, она и думает, что я никогда ей ни в чем не откажу, раз я такой мямля, но я откажу. В любой просьбе. Да-да, в любой. Она почувствует себя оскорбленной, и начнет искать пути, как победить меня, тем самым она войдет в игру, и, в конце концов,

сдастся и проиграет». Серджио довольно улыбнулся, он решил начать воплощать свой план сию же минуту. Он набрал внутренний «чертов» номер, и сказал: «Принесите кофе, да-да, как обычно. Только не пролейте по пути!». Инес зашла в кабинет с гордо поднятой головой. «Видно гордится, что не пролила», – подумал Серджио. Он сделал вид, что не смотрит на нее, стал искать один нужный номер в записной книжке. Стук фарфора о деревянную поверхность стола, дежурное «Ваш кофе», звук удаляющихся шагов, острые каблучки, аккуратно закрывает дверь. Серджио медленно выдохнул, он почувствовал, что выдержал свое собственное испытание. Приближалось время обеда, он уже обо всем договорился, все уладил, ситуация снова была стандартной, такой, как раньше, от этого Серджио чувствовал себя очень уютно. Он покрутил ключами от лексуса между пальцами и торопливо вышел из кабинета, ему еще нужно было успеть очень многое.

Нетронутый кофе он оставил на столе.

– Я смотрю, встреча прошла удачно? – спрашивала Мэринелла у Серджио, развалившегося в кресле. – Ты такой довольный!

– Да, – улыбнулся ей Серджио. – Ммм, я смотрю, сегодня у нас день традиционной кухни! – сказал он, протыкая аппетитную сырную корочку на лазанье своей любимой вилкой с костяной ручкой.

- Все, чтобы тебя порадовать! – сказала, расплываясь в улыбке Мэринелла. Не так уже часто в последнее время у мужа был такой довольный вид. «Видимо, трудности на работе завершились выгодной сделкой», – думала она.
- Надо будет тебя хорошенько отблагодарить за такой чудесный ужин! – Серджио подмигнул ей. Сердце Маэринеллы вдруг сильно забилося в груди. Она не смогла сдержать широкой улыбки.
- Ей, полегче! – сказал Маркус. – Я-то уже не маленький, все понимаю!
- А я маме помогала делать лазанью, ты меня тоже отблаговаришь? – спросила Тина, вызвав у остальных членов семьи приступ смеха. Мэринелла покраснела.
- Еще немного и будем, как Борджиа... – пробубнил Маркус, но его никто не услышал. А если бы услышали, Мэринелла и Серджио бы окончательно поняли, что сын действительно не маленький.
- Конечно! – отвечал Серджио. – Иди сюда, моя маленькая принцесса! Дай я тебя поцелую! – он крепко обнял дочь. – Всегда помогай маме, будь хорошей девочкой.
- И Санта-Клаус тебя тоже отблагодарит, – ехидно заметил Маркус.
- Да-да, только до рождества еще далеко! – заметила Мэринелла.
- Вы что, издеваетесь? – спросила Тина. – Санта-Клауса не существует!

– Тааак... – протянул Серджио, уронив вилку на стол. – Кажется, маленькая принцесса уже начинает догонять своего брата.

– Кто тебе сказал об этом? – спросила Мэринелла, мягким голосом обращаясь к Тине.

– В школе! Я же уже не маленькая! Это-то я понимаю!

– А вот и не правильно! Все, во что веришь – существует. А кто говорит, что Санта-Клауса не существует, для тех и Рождество не имеет никакого смысла. А разве это не чудесный праздник?

– Чудесный! – отвечала Тина.

– Интересная теория... – ковыряя вилкой лазанью, заметил Маркус. – Сейчас напрягусь и изо всех сил начну верить в новую акустическую систему.

– Не язви! – одернул сына Серджио.

– Да и кто знает... – протянула Мэринелла, глядя на Серджио и давая ему понять, что ему следует подумать над этим вопросом, ведь через пару месяцев у их сына будет шестнадцатый день рождения.

Сегодня была очередь Маркуса убирать после ужина, он встал, и, вздохнув, стал складывать грязные тарелки в посудомоечную машину. Мэринелла поцеловала его в щеку, он сделал попытку увернуться, почти на автомате, но на самом деле ему было приятно. Тина взяла мать за руку и, внутренне торжествуя, повела в свою комнату, где их ждал ее новый кукольный домик. Для него она не была «уже большой». Хотя, нельзя с точностью сказать, кто

получал большее удовольствие от подобных игр. Мэринелла каждый раз с умилением смотрела на игрушечный сервиз, у которого так удивительно тщательно были прорисованы листья, розовые лепестки и даже тычинки. Ей нравилось расчесывать локоны у кукол, пышно разодетых в старинные наряды. Нравилось играть с дочерью, сажать Кена в большой кадиллак, махать рукой его жене, Барби, и низким голосом говорить: «Пока, дорогая!». Кукольная жизнь чем-то напоминала ее собственную, но была еще идеальнее: в таком маленьком мирке намного легче навести порядок, все расставить по местам. И только два властелина: она и ее дочь. Тина часто заливисто смеялась над придумками матери, та дурачилась от души. Где же еще, как не в детской? Иногда они говорили по-итальянски, как говорила мать, «чтобы не утратить родную культуру». Мэринелла и Серджио переехали в США за два года до рождения Маркуса, и сразу решили для собственного же блага говорить дома по-английски, поэтому итальянский для детей был только игрой, в реальной жизни они с ним не сталкивались. Хотя, к своему возрасту, Тина и Маркус его отлично освоили, и, как надеялась Мэринелла, это могло быть полезным для них в будущем, ведь немногие американцы учат какой-то второй язык, просто потому, что почти все в мире понимают английский.

Маркус протирает стол влажной тряпкой, из гостиной слышалось начало автомобильной передачи, которую они любили смотреть с

отцом. Он скорее смахнул крошки на пол, повесил тряпку на раковину, вымыл руки, схватил вазу с орешками и поспешил к дивану.

– Ты не наелся? – спросил Серджио немного строго.

– Наелся! Но это же орешки! – отвечал Маркус, аппетитно похрустывая арахисом в какой-то корочке. Серджио только хмыкнул, подумав: «Эти подростки вечно метут все без разбора!». Они сидели рядом, молча созерцая различные детали интерьера и экстерьера автомобилей, изредка кивая в знак согласия с ведущими передачи. Они смеялись над одинаковыми шутками, иногда почти одновременно вскрикивали «ого!», когда машину заносило в крутом повороте. Они смотрели, как три суперкара соревнуются на одной из заброшенных трасс. Маркус непроизвольно отклонялся на диване, когда шла картинка со стороны водителя. Он любил представлять себя за рулем таких крутых «тачек». Зрелище было захватывающее: машины обгоняли друг друга, с ожидаемой мощностью вырываясь вперед, подрезали друг друга на опасных поворотах, тормозили, оставляя темные следы от колес на асфальте. По напряженным лицам водителей было видно, что им приходится нелегко. Но какое же приятное это «нелегко», думал Серджио, думал Маркус.

– Надо будет как-нибудь собраться с силами, и прикупить себе что-нибудь подобное! – сказал Серджио.

– Да, было бы не плохо! – отмечал Маркус тоном знатока.

– Поступишь в университет по льготной программе, может быть, и осилю! – ухмыльнувшись, шутил Серджио.

– Если я стану звездой панк-рока, мне не нужно будет поступать в университет по льготной программе! – сказал Маркус, наблюдая за реакцией отца. Он, в отличие от многих своих сверстников, как раз прекрасно понимал, что университет дело полезное и необходимое, но ему было любопытно проследить за реакцией родителя. Серджио посмотрел на него с хитрым прищуром:

– Ключевое слово «если», но я тебя прекрасно понял, сынок, – сказал Серджио так, что Маркусу действительно все стало ясно, отец его раскусил. Ему стало немного не по себе от этого, и он решил найти, чем подцепить отца. Телевизионный экран мелькал яркими цветами, то и дело озаряя темную комнату. Визжали тормоза, ехидничал ведущий.

– Пап, ты не наелся? – с огромным удовольствием задал Маркус свой вопрос отцу, внезапно обнаружив его руку в вазе с орешками.

***

В среду с утра зарядил сильный дождь. «Хорошо, что офис оборудован подземной стоянкой, – подумал Серджио, радуясь, что ему не нужно доставать зонт, – Надеюсь, у Инес нет машины». Он хмыкнул, представляя, как она заявляется на работу в мокрой белой блузке. С этими мыслями он доехал до семьдесят второго этажа, и только перед входом в собственный кабинет ему удалось, наконец, собраться. Он тут же позвонил по внутреннему «113»,

попросил принести «Как обычно», и так и было: как обычно прошло около двух минут, и она, грациозно покачивая бедрами, вошла в кабинет. Как обычно равнодушно поставила чашку кофе на стол, как обычно равнодушно спросила: «Что-нибудь еще?», и, не дождавшись ответа, как обычно медленно вышла. Блузка на ней была совершенно сухая, волосы, казалось, немного намочили, но по ее зализанному конскому хвосту было не понять. Он разочарованно хмыкнул, когда Инес хлопнула дверью, и принялся размешивать сахар.

Серджио пил обжигающий кофе и с каждым глотком все сильнее погружался в работу, с каждым глотком, к своему счастью и облегчению, отдалялся от мыслей об Инес. Он стучал клавишами, отвечая на письма партнеров, грыз кончик карандаша, в попытке найти нужные слова, не хотелось поручать столь важную переписку кому-либо еще. Разглядывал фото-рамку из пресс-папье на рабочем столе. С фотографии, улыбаясь, на него смотрели жена и дети. Почему-то он редко смотрел на эту фотографию в последнее время, как будто привык к ней, и она стала просто фоном. Пока разглядывал рамку, в голову пришли нужные для убеждения в своей правоте слова, он тут же записал их. За окном все еще барабанил дождь, как будто задавая ритм его мыслям, работе, всему тому, что он должен был осмыслить и сделать. Серджио думал над тем, когда лучше ехать на встречу в Лондон, и, раз уж он прилетит в Англию, не имеет ли смысла сразу

организовать какие-то встречи в других европейских странах, чтобы, как говорил один его хороший знакомый, не тратить зря самолетное горючее в случае неудачной сделки. Серджио улыбнулся. Он написал еще пару писем своим давним партнерам, фактически друзьям, нет ли у них каких-нибудь идей, которые можно обсудить вместе в ближайшее время, когда он окажется в Европе. «Может быть, даже доеду до Рима, – думал Серджио, – Хотя нет, кого я пытаюсь обмануть, не скоро я туда доеду». Инес позвонила, спросила, можно ли принести документы на подпись и обсудить некоторые вопросы.

– Что-нибудь стало известно по поводу Вашей поездки в Европу? Мне начинать заниматься организацией, или еще подождем? – спрашивала она, постукивая бумагами о стол, чтобы положить их в папку.

– Пока ничего нового, скорее всего, поедем на следующей неделе, – отвечал Серджио.

– У меня к вам еще один вопрос личного характера, – начала Инес, доставая из своей папки заявление об отпуске.

– Вы даже не представляете, насколько я внимательно Вас слушаю, – отвечал Серджио, сдерживая улыбку.

– Ничего смешного, – отвечала она, стараясь не улыбаться в ответ.

– Я понимаю, вы можете мне отказать, я ведь работаю здесь всего три месяца, но моя сестра выходит замуж и я не хотела бы пропустить это событие в ее жизни. – Инес чуть пожала плечами,

как будто бы давая понять, что предоставила всю необходимую информацию и теперь находится в его власти. Серджио наслаждался этим ощущением сполна. Он откинулся в кресле, несколько раз медленно щелкнул ручкой, вальяжно произнес:

– Давайте сюда ваше заявление, я посмотрю, что там по числам. – Инес протянула ему заявление, и, выжидая, смотрела, как он читает документ. Серджио пробежал глазами строчку за строчкой, их было совсем немного, стандартные фразы, числа желаемого отпуска, подпись. Собственно, читать-то и нечего совершенно. Но он прочитал еще и еще. Он кинул взгляд на Инес, она сжала мизинец левой руки в правом кулаке и крутила им из стороны в сторону. Выглядело жутковато, будто вот-вот оторвет палец. «Видимо, нервничает, – подумал Серджио, – Значит, для нее это важно, хм...». – Вы все еще здесь? – строго спросил Серджио. – Я вам дам знать о решении позже.

– Хорошо, – отвечала Инес, чуть смутившись, и поспешила к двери.

Она вышла. Серджио вдруг почувствовал себя удовлетворенным. Счастливым. Ему снова стало уютно, он находился в привычной ситуации. Да, вот теперь он точно сильнее ее, она в зависимом положении, ей что-то нужно от него, как, в принципе, и должно быть. Ведь он начальник, а она всего лишь его ассистентка. Он главный, а она подчиненная. Она должна подчиняться его силе и его воле, а не он ее очарованию. Она в его власти, и самое время

эту власть проявить. Не время быть великодушным и добрым. «Нужно показать ей, кто «хозяин». А то ходит тут, покачивая бедрами, думает, важная птица. Она мне равнодушное кофе, я ей равнодушный отказ, – думал Серджио. – Надо подумать, как ей лучше сказать об этом». Он набрал ее номер.

– Инес, я Вас не отпускаю. Неделя – слишком большой срок, – холодным голосом говорил Серджио. – Но, самое важное: у нас на той неделе будет очень много важных встреч, где мы с вами будем работать в команде. Вы же знаете французский?

– Да, знаю, – отвечала она коротко, – немного.

– Нужно будет подслушать, что говорят наши лягушатники. Они, конечно, не ожидают, что американцы знают французский. Мне будет нужно Ваше знание языка. Так что сами понимаете, мне некем Вас заменить. И помните, выглядеть нужно будет как можно глупее. Я думаю, вы справитесь, – ляпнул Серджио и сам себя стал корить за это, а потом вдруг понял, что может быть и к лучшему он так сказал.

– Хорошо, – сдержанно отвечала Инес. – Я справлюсь. – Серджио вдруг показалось, что она улыбается. Последняя фраза прозвучала чуть ли не с издевкой, хотя, очень возможно, что он ошибся. Он пощелкал ручкой, снова посмотрел на фотографию, некоторое время пытался собраться с мыслями, но поймал себя на непреодолимом желании покурить и вышел из кабинета, произвольно сильно хлопнув дверью.

Дождь все шел и шел, но, как ни странно, народа в курилке почти не было. Он слишком поздно заметил, что и Инес решила «поправить здоровье». Серджио старался зацепиться взглядом за что-нибудь другое, машинально доставал из пачки сигарету, но она ему все никак не давалась, зажигалку нащупал, а сигарету – нет. «Да что же такое! – подумал Серджио с досадой. – Да неужели та была последней?». Он оторвался от изучения стены, и, стараясь не скользить взглядом по Инес, посмотрел внутрь пачки. Хуже не придумаешь – сигареты закончились. Серджио бесшумно выругался, поднял глаза, и увидел, что Инес стоит прямо перед ним и предлагает ему сигарету. Их взгляды встретились. Он не увидел в ее глазах желания угодить. Она не смотрела на него, как собака, лижущая руку бьющего ее хозяина. Она смотрела на него открыто и чуть хитро, она предлагала ему сигарету, и он снова был в зависимом положении от нее. «Но не выходить же из курилки, сославшись на то... На что? – Серджио судорожно пытался придумать повод, но не мог. Она даже сигареты курила те же, что и он, и пачка была все еще у него в руках, не выкрутиться. Он решил сдаться. Сигарета, не такое уж и большое одолжение, чтобы он не мог его принять от нее. – С удовольствием, – отвечал он, пытаясь угадать, долго ли на самом деле он думал над этим вопросом. Их пальцы соприкоснулись, Инес не смутилась, Серджио старательно скрыл свои эмоции. Со стороны, наверняка, все выглядело как обычно, абсолютно ничего странного. Но не

для Серджио. Что-то определенно стало яснее для него, но он пока не мог понять, что именно. Однако, он чувствовал какое-то приятное напряжение, такое, которое возникает если начинаешь чувствовать каплю взаимности.

Дождь продолжал идти и вечером. Мэринелла сидела у окна, и смотрела, как крупные капли ударяются о кожистые листья тюльпанов. Они только-только набирали бутоны, на следующей неделе должны были распуститься. Мэринелла смотрела на них, и ей отчего-то было тревожно. Она не могла понять, почему? «Такая странная тревога, будто не эти тюльпаны, а я сама стою на пороге чего-то нового, каких-то изменений, – думала Мэринелла, гадая, каких они будут цветов, потому что в прошлом году малышка Тина, пока они вместе возились в саду, разыгралась и перепутала все луковицы, – и что это будут за изменения?». Она вздохнула, помешивая любимый зеленый чай. Она посмотрела на белую чашку. Все было как обычно, все было в порядке. От этого Рина часто чувствовала себя спокойнее, но в этот раз тревога ее одолевала так же сильно, как и тогда, когда она чувствовала сквозняк не только всем своим телом: всем своим существом. Как хорошо, что тогда Серджио вернулся и развеял ее тревогу, думала она. Ей решительно нечем было занять себя, мысли одолевали, но мысли без явного направления, без какой-то темы. Образы, эмоции – ничего конкретного. Мэринелла начинала злиться на себя. Она скорее допила чай и стала натирать кухонную мебель до блеска.

Вообще говоря, кухня и без этого была в порядке, но Рина заметила, что когда занимается хозяйственными делами, быстро входит в азарт и дурные мысли ее покидают. «Да и с чего вдруг я так тревожусь? – пыталась она разобраться в себе. – Серджио не дает мне повода для таких мыслей, он, напротив, внимателен ко мне, заботлив и нежен. Верно, его бы оскорбили мои беспочвенные подозрения! Именно, что беспочвенные! И я ведь даже не подозреваю его в чем-либо, мне просто тревожно. Тревожно! Что за абстракция, попробуй-ка объясни ему!». Рина уже третий раз проходила по одному и тому же месту влажной тряпкой, постепенно ее раздражение сходило на «нет». Из гаража доносился шум, это Маркус занимался «музыкой», Рина невольно улыбнулась, подумав, как же ему хорошо там! Она подумала, что, наверное, ее сын сейчас очень счастлив. Он сейчас такой свободный, абсолютно ничем не связанный, ну, разве что учебой. Свободное время у него есть, он постоянно то один занимается любимыми делами, то отдыхает с друзьями – в общем, он никому ничего не должен. «Да и мы, – думала Мэринелла, – о многом позаботились и многие сложные вопросы решили за него. Ему остается только следовать намеченному плану, ему не нужно, как многим другим, думать и гадать, откуда взять денег на обучение. Мы с детства давали ему отличное образование, мы уже подготовили его к университету, ему остается только доучиться в школе. Что может быть приятнее, чем действовать по плану? Хотя,

может быть ему, как подростку это и неприятно. Но мы же не создаем ему жестких рамок, пусть сам решает, кем хочет быть. Может быть, захочет на юридический или на экономический, может быть, вдруг захочет на технологический, кто знает?». Рина отвлеклась, размышляя о том, какой путь в итоге выберет ее сын. «Да, ему везет, в его возрасте нет таких тревожных мыслей. Счастливый, наслаждается жизнью, как она есть! Сейчас он сам себе хозяин, его счастье ни от кого, кроме разве что нас, не зависит. Но мы же сами хотим ему счастья, а значит, ему ничто не угрожает. Он в безопасности. Это у меня какие-то мысли последнее время, будто что-то мне грозит. Но что? Что за непонятная тревога! Разве одолевала меня такая тревога, когда я была в его возрасте? Нет. Хотя, может быть, ему вовсе и не так легко, как мне кажется, – Рина вспомнила себя в подростковом возрасте. – Помню, меня однажды бросил один паренек, я так убивалась, так убивалась, будто жизнь моя кончена. А сейчас даже не помню, как его звали. Аугустино? Альберто? Не помню. Да, эмоции на пределе, это точно. В детстве кажется, что все ополчились против тебя, что родители тебя не понимают, что если кто-то тебя не любит, жизнь кончена. Но на самом деле, все эти проблемы только кажутся серьезными, как кажутся настоящими пластиковые игрушки. На самом деле это только тренировка нервов перед взрослой жизнью». Рина вдруг почувствовала навалившуюся усталость. Неопределенные, бледные мысли снова

начали тянуться к ней. Она, растерявшись, оглядела кухню. Кухня сверкала чистотой. На каминной полке в гостиной не было ни пылинки, стол в столовой блестел, как отполированный. Ей было решительно нечего делать, нечем отвлечься. Она села на стул, машинально налила себе чашку чая, но тут же поняла, что он остыл, и более того, что она совершенно не хочет чая. Рина взглянула на часы. Серджио должен был вернуться с работы пятнадцать минут назад. «Наверное, просто задержался на работе. Уже едет, все в порядке, потому и не звонит. А вдруг он пробил колесо? Нет, тогда бы сразу позвонил. А что, если... а вдруг он не может позвонить? Попал в аварию? Слишком занят с оформлением или, или не может позвонить? Ох, нет, Рина, дурочка, что же ты себя так накручиваешь. Все в порядке. Всего пятнадцать минут. А вдруг?». Мэринелла попыталась успокоиться еще минут пять, но, не в силах бороться с тревогой, набрала номер Серджио. Серджио радостно покрутил ключами от машины. «Значит, все-таки моя стратегия вести себя так, как будто она мне не очень-то нужна, стратегия эдакого кота, который не хочет, чтобы его гладили, работает! Наконец-то я понимаю, что мне делать!». Серджио хлопнул дверью машины, не без удовольствия завел мотор, посмотрел на зажегшиеся огни приборной доски, пристегнулся, включил дворники и фары. Он, казалось, мгновенно нашел удобное положение, включил музыку и, насвистывая любимый мотив, выехал со стоянки в город. Дождь крупными

каплями молотил по лобовому стеклу, размывая неоновые огоньки рекламы. Каких-то полчаса и он уже поднимался по лестнице. Вот наверху щелкнул замок: это Вики открыла дверь. Серджио огляделся в прихожей, вешая не успевший промокнуть плащ на медный крючок. Серджио почувствовал себя уютно и спокойно. Он был в своей реальности, реальности среды после работы, субботы после пробежки. В этой реальности у него не было Мэринеллы, не было Маркуса или Тины, даже Инес не было. В этой реальности щелкала пряжка замка, жужжали молнии, бесшумно расстегивались пуговицы, и одежда скользила на спинку стула или на пол.

– Я за вином! – Вики вскочила с постели и направилась на кухню.

Через полминуты она вернулась с наполненными бокалами.

Серджио приобнял ее за талию.

– Я не буду, я за рулем! – сказал он, покусывая ее за плечо и отставляя бокал.

– С каких это пор это тебя останавливает? Ты всегда за рулем! – удивилась Вики.

– Сегодня дождь сильный, видимость плохая, вот выпью вина и меня будет клонить в сон. Да и ты меня сегодня утомишь, разве нет? Утомишь меня? – спросил он, шутливо.

– О, мой тигр вернулся! Конечно, утомлю! Рррр! – Вики улыбалась. – Ты сегодня в хорошем настроении? Не то, что в прошлый раз?

- О, да! – отвечал Серджио.
- Ты ведь задержишься? – с надеждой в голосе спросила Вики.
- Нет, все как обычно. Не хочу, чтобы жена волновалась, – отвечал Серджио.
- А хочешь, я ей позвоню от имени твоей секретарши, и скажу, что господин Скварчалупи задерживается?
- О нет, только не от имени секретарши! – улыбаясь, ответил Серджио.
- А что, она у тебя симпатичная? – спросила Вики, поигрывая рыжими кудрями.
- Ты еще спрашиваешь! Зачем еще нужны секретарши! – наигранно равнодушно ответил Серджио, стараясь не вспоминать, насколько на самом деле симпатична Инес.
- Ну да, Серджио, как я могла забыть твою кобелиную сущность...
- беззлобно пошутила Вики.
- О моей сущности, милая, не стоит забывать! – отвечал Серджио, забирая у Вики ее бокал.
- Так это она тебя утомила в прошлый раз? – спросила Вики, деланно обижаясь.
- К сожалению, нет! – отвечал Серджио абсолютно искренне. Но Вики приняла это за искусную актерскую игру, и это ее только раззадорило.
- Было около девяти вечера. Серджио млея, развалившись на темных простынях. Он произвольно искал рукой голову Вики,

наматывая на пальцы ее шелковистые локоны, зарываясь всей пятерней в копну ее пышных волос. От этого удовольствие чувствовалось еще острее. Мысли в его голове потеряли явные формы, осталось только наслаждение, ничего кроме. Разве что еще желание, чтобы это длилось как можно дольше. Внезапно зазвонил телефон. Переборов внезапное раздражение, Серджио решил не брать трубку.

Мэринелла от волнения постукивала ложечкой о край фарфоровой кружки. Серджио не отвечал на ее звонки. Тина уже спала, Маркус сидел в своей комнате, чем-то занимался. Вдруг послышался шорох шин. Мэринелла обрадовалась и заметалась по кухне, не зная, куда себя деть. Серджио вошел в дом, устало положил кейс у шкафа, засунул мокрый зонт в кованную стойку у обувной полки, вздохнул и стянул с себя плащ.

– Прости! Совершенно замотался, забыл тебе позвонить, а потом сама знаешь, за рулем отвечать не удобно! Эти пробки постоянные меня уже достали! – сказал он вместо приветствия. Рина хотела было его обнять, но он отстранился. – Сначала руки помою!

– Да-да, конечно... – немного растерянно отвечала Мэринелла. Она поспешила разогреть ужин, накрыла на стол для двоих. Она старалась не есть, пока муж не вернется с работы.

– А ты разве забыла, – послышался голос Серджио из ванной комнаты. – Что в среду я задерживаюсь?

– Ой, а сегодня разве среда? – спросила Рина, она напрочь забыла, какой сегодня день недели. Выходит, зря она тревожилась, зря волновалась. И как она могла забыть, что сегодня среда?

Серджио вытер руки о белое махровое полотенце. Запах травяного мыла окончательно вернул его домой. Он вышел из ванной комнаты, поцеловал жену в щеку и сел на свое место.

– Устал? – заботливо спросила Мэринелла, дожидаясь рассказа мужа о том, как прошел день. Собственно, ей было не так уж и важно знать в подробностях, как именно прошел его день, но она хотела показать, что интересуется им, внимательна к нему. Так, по ее мнению, она еще раз проявляла свое уважение и любовь к нему.

– Ой, и не напоминай. Не хочу даже говорить об этом! – отвечал Серджио, показывая раздражение и усталость. Ему не хотелось придумывать, что он на самом деле делал после обеденного перерыва, да и до него... Для Мэринеллы это значило только, что она может оставить формальности и не делать вид, что ей интересно выслушивать, с кем он подписал контракты и на какие встречи съездил.

– Конечно-конечно, отдыхай! Надеюсь, ты голодный? – спросила Мэринелла, протягивая ему тарелку с овощами и запеченным мясом.

–О, Да! – отвечал Серджио. Голод действительно был зверский, день потребовал от него массу энергетических затрат, и он с удовольствием принялся за еду. Он жевал нежную спаржу,

сваренную на пару, наслаждался сочным куском свинины, приготовленным с какими-то травами, накалывал на острую вилку небольшие желтые помидоры, хрустел салатными листьями, вдыхал аромат свежего хлеба с хрустящей корочкой. Мэринелла любила красиво сервировать ужин. Сегодня она рано вернулась с работы, и у нее было время заскочить в пекарню за багетом. Серджио любил свежий хлеб к ужину. Она нарезала его перед самым приходом мужа, выкладывая кусочки хлеба на белоснежную накрахмаленную салфетку в плетеной корзинке. Так любила делать его мать, и Мэринелла переняла эту привычку, точнее – этот ритуал. Кто-то из американских подруг считал, что она чрезмерно опекает детей и мужа, стараясь во всем им угодить, Мэринелла прекрасно понимала, что они имеют в виду, но ей и самой было приятно так делать. Она чувствовала, что должна так делать, потому что так было принято, и потому что ей самой нравилось жить по таким правилам. Все упорядочено, все имеет смысл. Иногда утомительно, но зато всегда знаешь, что делать. Мэринелла ела вместе с мужем, ей было приятно смотреть на него. Она гордилась его уставшим лицом, его волчьим аппетитом, его глазами, смотрящими в никуда: «Он действительно устал, а ты его еще в чем-то подозреваешь! Ни искры радости в глазах, только усталость!».

– Ну а как твой день прошел, как дети? – стараясь проявлять заинтересованность спросил Серджио.

- Все как обычно, дорогой, не о чем волноваться. Маркус как всегда, полвечера провел в гараже, сейчас, наверное, доделывает уроки. Я после работы забрала Тину с танцев, она поела, поиграла, сделала уроки и уже спит, наверное, час как.
- Действительно, все как всегда, – хмыкнул и чуть улыбнулся Серджио.
- На работе, и сам понимаешь, ничего нового. Студенты, студенты, студенты. Скоро конец учебного года.
- Зажжужали, как пчелы в улье?
- Можно сказать и так, – отвечала Мэринелла. – Пора им поплатится за веселье в середине семестра! – она беззлобно рассмеялась. Серджио рассмеялся в ответ.
- Строгая и справедливая ты моя... – он нежно посмотрел на жену. Мэринелла загремела посудой, Серджио задвинул стулья, вздохнул и пошел в спальню, сегодня было не до телевизора. Он привычным движением достал из шкафа любимый махровый халат, он чем-то приятно пах, Серджио никогда не мог понять, чем именно пахли вещи из шкафа: чистотой, цветочным мылом, чуть хлопком, чуть деревом или чем-то еще, возможно, всем вместе. Рина, довольная зашла в спальню.
- Смотри, что я сегодня купила! Никак не могла удержаться, давно хотела такое белье нам в спальню! – она развернула сверток и с гордостью показала Серджио новое постельное белье из какой-то

черной блестящей ткани. – Черный атлас! – с придыханием произнесла она. – Летом будет совсем не жарко спать!

– Ну, если тебе нравится, будем спать, – говорил Серджио. – Вообще не люблю черные простыни, это как-то не по-домашнему, не знаю, не знаю... – качал головой Серджио. Мэринелла сразу расстроилась, упаковала комплект обратно и положила его на верхнюю полку шкафа.

– Значит, тебе не понравилось? – она вздохнула. – Тогда, быть может лучше отложить, пока ты не передумаешь?

– Милая, ты же знаешь, я в этих вопросах консерватор, едва ли я передумаю... – Серджио старался подсластить пилюлю интонациями.

– Раз так, я подарю кому-нибудь, – пожала плечами Мэринелла.

– А ты лучше купи такое же, только светлое, белое, бежевое или розовое, для нас. – Серджио улыбнулся, идя на уступку, – и летом будет не жарко спать.

– Наверное, ты прав, я посмотрю завтра, есть ли в продаже светлое, а то я так обрадовалась темному, что даже и не смотрела остальной ассортимент. – Мэринелла старалась скрыть степень своего огорчения. Уже не в первый раз Серджио таким образом не давал ей делать то, что хочется или нравится. Конечно, все это мелочи. Но вот иногда хочется сделать что-то по-новому, как-то внести свежести в их сложившийся мирок. Не сильно, так, слегка что-то поменять, что-то сделать иначе, но он решительно

выступает против. Наверное, ему так приятнее. На работе много стрессов, а дом приносит умиротворение, но все равно. Как-то раз отругал ее за красное нижнее белье «как у проститутки», а ведь ей очень шло!

– Ну не расстраивайся, вечно ты из-за мелочей! – Серджио поцеловал ее в щеку. Мэринелла улыбнулась.

***

Голос у Брит чуть дрожал, прошло две недели, она решилась спеть свою новую песенку для компании. Не так уж и страшно, но все равно волнительно. Кёрли сидел рядом, на полу, как всегда обнимал подушку.

– Неплохо-неплохо! – Виктор одобрительно закивал. – Очень миленько! – ему нравилась Брит, ее песенки были простые и очень наивные, но от этого даже очень прелестные. Он-то мог оценить их, в отличие от ее сверстников. Виктор пробовал проявлять к ней внимание, но она оставалась к нему холодна: «Видимо, еще даже не думает о мужчинах! – подумал тогда Виктор, – А жаль, кажется достаточно взрослой и умной. Хотя, может быть именно потому, что умная, я ее и не интересую как сексуальный объект. Все же пятнадцать лет, могут и засудить. Но не ее же! Зачем ей быть осторожной? Значит, дело в другом!». Виктор чуть приобнял

сидящую рядом Ким, негоже обижать девушку, если она пытается добиться твоего внимания целый вечер.

Кёрли смешал ром и кока-колу, но решил пить не много сегодня, ведь завтра важный день. Хотя, конечно, никого это никогда не останавливало. Но Кёрли не любил, когда у него болела голова. Он поглядывал на Брит, она забавно нервничала. И песенка в этот раз вышла смешная, только до конца не понятно, о чем. То ли про зверей, то ли про людей. «Хотя, если и в обычной жизни иногда не понятно, то ли люди, то ли звери, – подумал Кёрли, – чему же тогда удивляться?».

– Будешь чай? – спросил он у Брит, она сегодня не хотела пить, да и вообще всегда пила немного, только чтобы не выглядеть странно.

– Да, и пару тостов, как я люблю, сделай! – сказала она ему вдогонку.

– Вы прямо как пара женатых пенсионеров, все друг о друге знаете! Не скучно вам так? – прыснула Ким. Она себя чувствовала увереннее обычного и не боялась пошутить над Брит. Брит улыбнулась.

– А ты себя сегодня чувствуешь любимой женой в гареме нашего красавца? – спросила она, чтобы не оставаться в долгу. Виктор почувствовал, как по его телу пробежал ток: «Та еще штучка!» – подумал он, чувствуя, что еще больше ее уважает и еще сильнее хочет заполучить ее. Кёрли в это время намазывал горячие тосты

тонким слоем масла, а сверху выкладывал абрикосовый джем.

«Нет, не зря я обещал на ней жениться, когда мы пошли в первый класс! – с гордостью подумал он, – Хорошо, что об этом обещании никто не знает, а мы все еще держим его в тайне, а то бы устали отвечать на их шутки. Да и куда нам торопиться? Не хочу я с ней прямо сейчас при всех целоваться, еще успею ее поцеловать. Хотя нет, конечно я хотел бы, но мне как-то... Да ладно, что там, страшно мне, конечно. Но ничего, у меня еще есть время...».

Кёрли принес Брит горячий чай с молоком и тосты:

– Ну вот, все так долго этого ждали! Я принес почти завтрак почти в постель! – хохотнул он.

– И правда! – обрадовалась Брит. – Почти завтрак!

– Почти не считается! – вставил свое слово Виктор. – Завтрак в постель это нечто более *тонкое*, чем просто тосты и чай. Впрочем, те, кто просыпался и удостаивался этой чести – знают, – отметил он самодовольно. Откуда-то послышался девичий вздох.

– Да ты мастер *тонких* намеков, Виктор! – продолжала упражняться в остроумии Брит.

Кёрли снова поймал себя на том, что гордится Брит. Нет, не зря их все боялись, и у него, и у нее были очень острые языки. Брит посмотрела на часы.

– Уже совсем поздно! – она торопливо засобиралась.

– Так уж и совсем! Почти одиннадцать, детское время! – возразил Виктор.

– Если ты не забыл, я еще совсем ребенок! – рассмеялась Брит, чуть покраснев от собственной смелости. Она обмотала вокруг шеи широкий шарф горчичного цвета. Вечерами было еще холодно, а она ненавидела, когда у нее болит горло. Кёрли уже давно стоял у порога, зашнуровывая высокие ботинки.

– Ну что, пойдём? – спросил он. – Провожу тебя, уж так и быть!

– Велико одолжение! – хмыкнула Брит, – Живет двумя домами дальше! – все рассмеялись.

Они вышли из дома Виктора. Вечерами на улице было еще холодно, и изо рта вырывался пар. Кёрли шел рядом, что-то насвистывая. Брит разглядывала чужие окна, ей нравилось смотреть, как домашнее тепло сталкивается с уличным холодом, но не смешивается из-за оконного стекла. Текстиль в цветочек для домов в традиционном стиле, блестящие гардины с огромными кистями для тех у кого, наверное, какие-то комплексы, или для тех, кто как Скарлет О'Хара в случае следующей гражданской войны планирует сшить из них шикарное бальное платье, ну, или парку. Обычные жалюзи, для тех, кто не решил, что лучше выбрать. Разные люстры. С нелепыми, расставленными в разные стороны рожками, хрустальные, металлические, в ярких тканевых абажурах, современные пластиковые, штампованные и оригинальные, кому какие больше нравятся. И вправду интересно, кому нравится вон тот светильник с расцветкой, похожей на зебру и на жирафа одновременно? Брит хмыкнула. Кёрли не обратил на

это внимание, она часто была занята своими мыслями. Он шел и пружинил в новых ботинках, его походка выглядела более уверенной в них. Он посмотрел на свою тень, когда они с Брит проходили уличный фонарь. «Я определенно смогу ее защитить, в случае чего...» думал он. На секунду он представил, каким крутым он бы выглядел, если бы победил пару-тройку хулиганов. «Может быть, она бы посмотрела на меня другими глазами!» – думал Кёрли Он вдруг взял ее под руку. Она не возражала, и они пошли дальше.

– А хорошо вот так гулять! – сказала она, счастливо вздохнув. – Главное, чтобы предки не узнали!

– Ну, до сих пор же не узнали! – сказал он уверенно.

– Рано или поздно придется им узнать! – сказала Брит.

– Рано или поздно мы уже успеем повзрослеть! – ответил Кёрли.

– И то правда! – она рассмеялась. – Если бы мама знала, что я вылезая в окно!

– Если бы мама знала, что я пью отвертку и ром с кока-колой! – продолжил список Кёрли.

– Если бы папа узнал, что Виктор ко мне пытается подкатить! – не без хвастовства заметила Брит. Кёрли даже немного приревновал ее, но тут же перестал, вспомнив, как Брит отвечала Виктору на его «ухаживания».

– Какие-то вещи предкам лучше не узнавать никогда! – рассмеялся Кёрли.

– Это точно! Впрочем, как и нам о них... – заметила Брит. Кёрли молчаливо согласился.

– Ну что, я пошла! Пожелай мне удачи! – сказала она, улыбаясь. Кёрли вдруг захотелось ее поцеловать. Он посмотрел на нее, набираясь смелости, но она резко повернулась на пятках и пошла в сторону дома. «Снова не успел!» только и подумал Кёрли.

***

Был прохладный поздний вечер, но в салоне такси было тепло. Серджио развалился на заднем сидении, хмель ударил в голову, приятное тепло разлилось по всему телу, особенно обессилели конечности. Серджио смотрел в окно, улицы были чужими и знакомыми одновременно. Последний раз он был в Лондоне около двух лет назад. Вообще, в Европу по делам он ездил достаточно часто, но в Лондон Серджио не заезжал давно. Иногда, когда он смотрел на отдаленные от туристических мест улочки, ему чудилось что-то родное, нет-нет, не итальянское, но что-то близкое, как будто он уже бывал там, но это, конечно глупости. Он смотрел в окно, и пытался угадать, как скоро они доедут до гостиницы. Рядом сидела Инес, ее бедра, как всегда затянутые в узкую юбку, едва касались него, когда машина совершала крутой поворот. Она держалась отстраненно, но не как всегда, что-то было иначе в этой отстраненности. Серджио не мог

объяснить самому себе, откуда у него возникло такое ощущение, он не мог понять, что же, в самом деле, изменилось в ней, что она делала иначе? Он пытался выделить это ощущение, как редкий элемент, чтобы ощутить его реальность. Но ее образ в голове Серджио был настолько целостным, что не поддавался разделению на составные части. Серджио хотел дотронуться до ее руки, она была рядом, она непроизвольно цеплялась длинными пальцами с аккуратными ноготками за сидение. Но вот, они доехали до отеля, Серджио первым вышел из машины и придержал для нее дверь. Она смутилась, и, выходя из машины, чуть не подвернула ногу. Серджио в какой-то момент даже пожалел, что Инес обрела равновесие. Ему так бы хотелось подхватить ее! Дистанция между ними неумолимо увеличивалась. Она быстрым шагом шла к лифту, но Серджио нагнал ее, пока медленно открывались его двери. Снова повисло неловкое молчание, они оказались там одни, и от этого становилось как-то не по себе. Будто бы можно что-то сделать, а будто бы и нельзя. Совсем нельзя ничего сделать. Серджио едва заметно постукивал замшевой туфлей по железному полу, пока лифт черепашьим шагом продвигался вверх.

– Пятый этаж, а такое ощущение, что на все пятьдесят уже должны были подняться, – проговорил он чуть сварливо. Инес улыбнулась и отвела взгляд.

– Да, – сказала она, не найдя, что еще можно сказать, и вышла. Серджио последовал за ней. Их номера были через один друг от

друга. – Ну, я пошла. Приятного вечера! – сказала она. Хлопнула дверь. Серджио остался один в коридоре. «Да и что я мог сделать!» только и подумал Серджио, доставая электронный ключ.

Он зашел в номер, ощущая под ногами мягкое ковровое покрытие. Темно-синее в какую-то нелепую мелкую крапинку. За окнами начался дождь, Серджио раздвинул плотные темно-зеленые шторы, чтобы посмотреть на город. Но город был мокрым и серым, ничего удивительного, особенно с высоты пятого этажа. Серджио открыл ноутбук и стал читать прессу, чтобы отвлечься. Новости со всего мира облаком окружили его. Да уж, есть о чем подумать. Экономические проблемы у ряда европейских стран, теракты, проблемы с неонацистами, мигранты бьются за свои права, вышла пара технических новинок, ученые открыли очередной ген бессмертия, где-то прошел какой-то модный показ, некий «герой» съел шестьдесят восемь хот-догов. Серджио цокнул языком. «Удивительно, чего только не сделают, чтобы прославиться! Герострат поджег храм, а этому хватило поесть хот-догов!». Фотохроники, сплетни, информационный мусор, мемы, шутки, мемы. Серджио пару раз даже рассмеялся в голос. Потом снова переключился на какую-то серьезную статью и с головой ушел в прочтение сухих фактов и аналитики. От этого он чувствовал себя уютнее, никаких лишних мыслей, максимальная концентрация на деле. Не важно, что именно сейчас эта информация ему не так уж и нужна, важно, что он ее воспринимает

с максимальным вниманием, а значит, когда она будет ему нужна, он без труда извлечет ее из своей головы. Возможно, к удивлению собеседников. Возможно, она будет ему очень полезна когда-нибудь. Серджио хмыкнул, что-то ему показалось интересным. Серджио был не в настроении спорить с автором статьи сегодня, хотя обычно он очень любил вступать в некий внутренний диалог, высказывать свое мнение и сравнивать его с тем, которое было высказано в статье. Он получал от этого удовольствие, особенно если его собственные аргументы разбивали всю теорию на раз. Серджио вообще сегодня вечером чувствовал себя необыкновенно добрым. Непонятно, зачем и почему, правда. А еще хотелось расслабиться. Серджио достал купленную заранее бутылку коньяка, протер салфеткой фужер и развалился в кресле, предвкушая приятное продолжение вечера. Пробка характерно скрипнула о стеклянное горлышко, он медленно наполнил фужер, покачал его в руке, вдохнул аромат и сделал первый глоток. Коньяк приятно обжег губы, язык, и согрел горло, спускаясь вниз. Серджио прикрыл глаза. «Хорош!» – успел подумать он. Вдруг, в дверь робко постучали. «Кто бы это мог быть?» – спросил сам себя Серджио. Поздновато для уборки номеров...». Он нехотя встал и пошел к двери.

– Инес? – удивился Серджио. Вот уж кого он действительно не ожидал увидеть, и, благодаря немалым усилиям над собой даже не мечтал.

– Ужасно неудобно Вас беспокоить, но еще вроде бы не очень поздно. Я сначала хотела выйти погулять, но погода ... сами видите. В общем, я решила выпить вина, но у меня не получилось открыть бутылку. Совсем! – извиняясь, говорила она. Сердце Серджио екнуло.

– Конечно! Ничего страшного! Давайте сюда, я вам помогу! – может быть для этого он и чувствовал себя лучше обычного? Серджио улыбнулся собственным мыслям. Потянул штопор на себя, но пробка не поддалась с первого раза. – Действительно, крепко засела! – сказал он, тоже смущенно улыбувшись. Инес улыбнулась ему в ответ. Сердце Серджио забилося еще сильнее. Он почувствовал прилив сил. Раздался хлопок. – Ну, вот и все! – сказал Серджио, протягивая девушке открытую бутылку.

– Может быть, выпьете бокальчик? Теперь мне неловко пить одной! – сказала Инес, обезоруживающе улыбаясь. Серджио замешкался. Он даже подумал, не отказаться ли, сославшись на то, что у него нет настроения пить, но Инес прекрасно видела, что фужер коньяка стоит на кофейном столике. Он кивнул головой.

– С удовольствием! – Серджио старался скрыть, насколько он рад. Внутри него все затрепетало, радость была готова вырваться наружу и выдать его с потрохами. Мысли закрутились в голове. К чему могло привести общение в такой неформальной обстановке? Кто знает, кто знает! Инес медленно прошла по комнате, оглядывая ее.

– А у Вас все немного иначе... – задумчиво проговорила она и присела на край дивана. Серджио отметил про себя, что это хороший знак. Ведь если бы она села в кресло, он не смог бы сесть рядом с ней. Она вздохнула. – А я так давно мечтала прогуляться по Лондону, и что же? Погода такая ужасная, прямо как будто не последний месяц весны, а осень. Я уже не верю в теорию о глобальном потеплении! – пожаловалась Инес.

– Любите Лондон? – спросил Серджио, наполняя бокалы.

– Я первый раз здесь. Всегда хотела посмотреть, какой он, Лондон. Но пока получается только из окна автомобиля или отсюда. Я не люблю гулять в дождь, – отвечала Инес. – А раз уж я его еще не знаю, как я могу сказать, люблю ли я его?

– Ну, раз вы говорите о городе, как о мужчине, значит, любите, – улыбнулся Серджио.

– Возможно, – улыбнулась Инес, – любопытная мысль. Я многое читала о нем, и конечно, всегда хотела здесь побывать, но, кажется, тот Лондон, который в книгах, это совершенно другой город. Современный Лондон... – Инес вздохнула, – конечно, очарователен, но так как я уже привыкла к Нью-Йорку, он меня пока не удивил. Возможно, мое мнение изменится, когда мне удастся погулять по центру, посмотреть на старинные дома и почувствовать его атмосферу. А пока идет дождь, я предпочитаю выпить вина.

–И вино, надо отметить, неплохое, – сказал Серджио. – Терпкое, насыщенное.

– И охлажденное до правильной температуры! – отметила Инес.

– Может быть, чтобы понять Лондон, гулять надо как раз в дождь?

– спросил Серджио.

– Вы выгоняете меня? – рассмеялась Инес. – Нет, моя мексиканская кровь против такого издевательства.

– Что вы, я же итальянец! Я просто предположил. Хотя нет, судя по всему, лучше дождаться тумана. Говорят, так лучше. Правда, когда бы я ни приезжал в Лондон, мне почти всегда везло с погодой, и туман я видел всего лишь два раза.

– И как вам Лондон в тумане? – спросила Инес чуть игриво.

– С некоторой долей очарования! – ответил Серджио внимательно глядя на Инес. Ему показалось, или она строит ему глазки?

Серджио сделал глоток вина, чтобы скрыть довольную улыбку.

Ему становилось любопытнее с каждой минутой, что же будет

дальше. – Давайте я долью вам... – сказал он, протягивая руку за

бутылкой. К своему ужасу он заметил, как подрагивают его

пальцы. «Кошмар! Надеюсь, она не заметит. И с чего вдруг я так

разволновался?» – спрашивал себя Серджио. Он и сам знал ответ

на этот вопрос. Он кожей чувствовал возрастающее напряжение

между ними. Приятное напряжение, которое уже однажды было,

там, в курилке. Только теперь в несколько раз сильнее и без

свидетелей. Когда такое напряжение возникает, не хочется делать

никаких движений, а если что-то делаешь, это получается как-то нелепо и неловко. Наступило молчание. Оно тоже было нелепым и неловким, и в то же время, не хотелось его нарушать, потому что оно что-то определенно обещало. Мысли снова оглушили Серджио. Они ворвались в голову, они не имели никакого направления, у них не было строгой последовательности, реальность смешивалась с вымыслом. Серджио чувствовал, как его тянет к Инес, не против его воли, но против здравого смысла, против стеснения, которое одновременно с желанием овладело им. Он почувствовал, как она держит его руку и что-то говорит ему. Он был настолько околдован ею, что не мог различить, что же она говорит. Он смотрел на ее губы и не слышал ни слова. В следующую секунду он уже целовал их. Все, что он чувствовал: ее запах, ее вкус, ее тепло. Ее волосы щекочут его лицо, она крепко сжимает его руку, она робко целует его. Серджио так до конца и не мог поверить, что это происходит с ним, хотя он отчетливо чувствовал, что все реально, что этот поцелуй – не сон, не фантазия. «Чем бы ни был вызван ее порыв, ее ответная эмоция, я не должен дать ей опомниться!» думал Серджио. Он крепко обнимал ее, она была немного скованна, но не сопротивлялась. И она целовала его. Этого было достаточно, чтобы Серджио перестал чувствовать себя робеющим мальчишкой. Он перешел к действию. Он был решителен, но он не слишком торопился, чтобы и у нее было время подумать, хочет ли она этого. И одновременно, чтобы

времени на раздумья было не слишком много. Еще более желательно, чтобы раздумий вообще не было.

Вещи падали на ковровое покрытие. Темно-синее, в какую-то нелепую мелкую крапинку. С блузки оторвалась пуговица: «Это не важно», только и подумал Серджио. «Главное – запомнить, куда упала», – подумала Инес.

***

Мэринелла сидела за столом. Джин, ее студентка, подробно рассказывала ей, как именно она будет защищать свою научную работу.

– Джин, не переживай, у тебя хорошая работа, ты проделала большой путь и очень многое смогла сделать и доказать. Поэтому тебе не нужно волноваться, умерь свои эмоции, они могут подвести тебя в последний момент. Если будешь реагировать нервно на какие-то вопросы, могут подумать, что ты «плаваешь» или недостаточно глубоко изучила свою тему, но мы обе знаем, что это не так. Тебе нужно держаться увереннее и научиться более четко выражать свои мысли не только на бумаге, но и в речи. Твоя работа хорошо структурирована, в ней достаточно материала и анализа, все сбалансированно. Для многих студентов именно правильное соотношение различных частей работы, раскрытие

темы и доказательство тезисов является большой проблемой. Если ты будешь держаться неуверенно, твоим словам мало кто поверит. Ты должна верить в себя, ведь ты сделала все очень хорошо. Ты знаешь, я, как твой научный руководитель, пристрастна и не смогу повлиять на твою оценку, но пока есть время, я могу дать тебе несколько советов. Вот, я вижу, ты уже начинаешь успокаиваться. Это то, что нам нужно, – говорила Мэринелла спокойным ровным голосом. – Перейдем к конкретным замечаниям, – добавила она, открывая свою записную книжку, в которой чуть неровным подчерком были по пунктам расписаны ее идеи по поводу дипломной работы ее ученицы.

Джин перестала нервно щелкать постукивать пальцами по столу и принялась что-то записывать в свою тетрадь. Она деловито кивала, старалась ничего не упустить. Мэринелла радовалась, глядя на нее. Удивительно, как молодые люди способны отдаваться с неподдельной страстью какому-то делу. Возможно, именно поэтому Мэринелла и любила свою работу. Она любила смотреть в их горящие глаза. Кто-то поначалу был равнодушен, кто-то так и оставался равнодушен, и только писал и писал в свой конспект ее лекции, а потом просто, механически и заученно отвечал на экзамене. Но таких были единицы. Кто-то смотрел на нее дружелюбно, кто-то с любопытством, кто-то даже со страхом. Кто-то, наоборот, смело задавал неоднозначные вопросы. Кто-то обожал ее, не пропуская ни единого занятия, некоторые из таких ее

студентов уже и сами были молодыми преподавателями и учеными в других штатах и даже в других странах. Мэринелла вспомнила, как давным-давно они с Серджио переехали в Америку. Ее, еще совсем молодую преподавательницу, все-таки позвали в Университет, как же она радовалась тогда! И одновременно боялась. Она хотела уехать из Италии, на год-два, не больше, чтобы поработать в Штатах, но она не хотела расставаться с Серджио. Знала ли она тогда, что и ему понравится в США, и что их дела пойдут в гору, да они так и останутся здесь? Откуда ей было знать! Она прилетела в новую страну с такими же горящими глазами, полными надежд и амбиций. И (даже страшно об этом сейчас думать) сбылись все ее даже самые смелые мечты. И сейчас, слушая, какие хорошие работы делают студенты последнего курса, которых она учила столько лет... Сейчас она чувствует только гордость и счастье. За себя и за них. И еще грусть. Потому что многих из них она больше никогда не увидит, они разлетятся кто куда, как птенцы, которые уже научились летать. Снова радость от осознания того, что это она научила их летать. И гордость, потому что, наверное, они ее никогда не забудут. А она их. Мэринелла вздохнула. Да, обычные мысли в конце семестра. Ничего, осенью придут новенькие. Джин собрала бумаги в папку, поблагодарила ее и вышла из кабинета. Дел сегодня вечером было не очень много – после Джин ее ждали еще два студента, потом нужно было заехать за дочкой и отвезти

ее на танцы. Маркус еще неделю назад сказал, чтобы они не приходили на концерт его группы, потому что им все равно не понравится то, что там будет. Мэринелла рассмеялась тогда и сказала: «Спасибо, что освободил от этой обязанности!». Она невольно улыбнулась, вспомнив это. И зачем она это сейчас вспомнила? «Маркус, правда, смешной. Девчонки с такими дружат, но влюбляются – редко», подумала вдруг Мэринелла, «что ж, так только лучше для него. По крайней мере, в этом возрасте!». Мэринелла продолжала думать о своем: «Значит, вопрос с ужином решен: Серджио в Лондоне, Маркус на концерте, а мы с Тиной будем есть фрукты с йогуртом! Господи, почему я об этом думаю сейчас? Зачем я об этом думаю?» – отругала себя Мэринелла, вспоминая, кто именно должен подойти к ней и что они должны успеть обсудить за следующие полчаса. «Нет, все-таки я понимаю, почему ученых-мужчин больше, чем женщин. Они не должны думать о том, кто забирает детей и что готовить на ужин, их никто не обвинит в том, что они полностью сфокусированы на науке, и они при этом могут быть абсолютно счастливы, если найдется та, которая захочет подарить им тепло и уют. Сиди себе в кресле с монографией, думай о высоком, а все остальное сделают за тебя. Можешь даже сварливо бурчать что-нибудь о поверхностных людях и земных радостях, никто тебя не осудит. Более того, можешь быть абсолютно счастлив даже не имея жены и детей, сиди себе в своей холостяцкой квартире или любимом

захламленном кабинете, делай, что хочешь, и никто не будет жалеть тебя: «Несчастный, пожертвовал семьей ради науки!» А мы, женщины, должны умудриться балансировать хитрым образом, чтобы успевать все, что нужно и все что действительно хочется». Мэринелла вздохнула. Иногда ей хотелось, чтобы у нее было несколько жизней, так, чтобы она могла максимально сильно сфокусироваться на интересующих ее вещах в каждой из них. «Жалко, так сделать нельзя», продолжала думать Мэринелла. «Так бы я вместо летней сессии и домашних дел вернулась бы в Рим и провела там целое жаркое лето в архивах и на побережье, встретила бы со старыми друзьями и жила бы хоть немного в свое удовольствие, не заботясь ни о ком. Но увы... увы...».

***

Кёрли бросил велосипед в высокую траву.

–Эй, Брит! Давай, сюда! – прокричал он, показывая жестами место своего «приземления». Брит подъехала несколькими секундами позже, почти так же небрежно кинула велосипед среди осоки, тот чуть громыхнул звонком и стал, как будто сам собой, медленно опускаться, приминая своим весом густую, упругую, едва начинавшую желтеть траву. Брит рассмеялась и легла рядом с Кёрли.

– Вкусная? – спросила она, вынимая у него изо рта травинку.

Кёрли рассмеялся, как ему показалось, немного неловко. Он чуть растерялся от этого ее жеста: «Зачем же ты так со мной?», подумал он.

– Ну и как тебе? – спросил Кёрли, прищурившись.

– Ммм, – сказала она, открывая один глаз и хитро глядя на него. – Не пойму. Фу! – Брит резко вынула травинку изо рта и выкинула ее. – Я тут подумала, а вдруг тут гуляла какая-нибудь собака и пописала на нее, а потом все это высохло, мы же не можем знать? О, фу, какая же гадость! – она высунула язык и сделала вид, что оттирает его от грязи.

– Ну ты и дурочка! – Кёрли рассмеялся. – Тебе нечего опасаться, я же первый ее в рот взял, так что, можно сказать, принял удар на себя! – попытался он утешить Брит.

– Да ты герой! – рассмеялась в ответ Брит. – Ахаха, теперь я не буду с тобой целоваться!

– А что, ты раньше хотела? – продолжая улыбаться, спросил Кёрли. Он старался придать голосу нотки издевки, чтобы она не подумала, что его очень сильно волнует ответ на этот вопрос.

– Господи, какой же ты дурачина! – улыбнулась Брит, посмотрев ему прямо в глаза. Наверное, она вкладывала в этот ответ какой-то смысл, но Кёрли никак не мог взять в толк, что же это значит. То, что она, конечно же, хотела с ним поцеловаться, или то, что она ни при каких обстоятельствах не стала бы с ним целоваться. Он

рассмеялся, у него хорошо получилось, естественно. Он уже натренировал такой смех, чтобы она ни о чем не догадалась. Хотя иногда ему до смерти хотелось, чтобы она все-таки догадалась, а еще больше ему хотелось, чтобы она сама хотела целоваться с ним так же сильно, как этого хочет он. «И почему все так сложно?» подумал Кёрли. Брит взъерошила его густые кудри.

– О чем задумался? – спросила она. Кёрли не мог собраться с мыслями, он чувствовал, как ее тонкие пальцы чуть касаются кожи головы, запутавшись в его темных кудрях. Голова чуть кружилась от этих прикосновений. Но разве она могла знать? Стала бы она так делать, если бы знала, *что* она в самом деле делает с ним в эти секунды?

– Не скажу, – хитро улыбаясь, отвечал он.

– Такая ужасная тайна? – Брит снова посмотрела ему в глаза. – Ты в кого-то влюбился? – она прищурилась и посмотрела ему в глаза. Кёрли ненавидел, когда она так смотрела на него: он был готов сразу признаться в убийстве папы Римского, в том, что спал с королевой английской Елизаветой Второй или в тайном сговоре с КГБ – короче говоря, был готов признаться в чем угодно на полном серьезе, когда она так смотрела на него. Потому что отрицать свою причастность и смеяться ей в лицо бессмысленно – она не поверит ему, а он почему-то только так и мог реагировать на этот ее взгляд. Он сразу начинал глупо улыбаться. Он не знал, что ей ответить на этот вопрос. Он как будто проглотил язык. –

Все, можешь не отвечать, я поняла! – отвечала Брит, многозначительно приподняв брови. И снова Кёрли не знал, что же значит это ее «я поняла». Вот что она поняла? Что он влюблен? Что он влюблен в кого-то? Что он влюблен в нее? Мысли крутились в голове Кёрли и он совершенно не знал, что делать. С одной стороны, он чувствовал в себе достаточно смелости, чтобы взять и выпалить все, что он думает о ней прямо сейчас. С другой стороны, момент был не очень подходящий, потому что он был не уверен в ее чувствах, а он хотел быть уверен. Потому что он не хотел, чтобы ей было неудобно или неловко, и, конечно, не хотел показаться дураком на полном серьезе. Ведь «дурачиной» она его называла не со зла, так как-то повелось, и было это совершенно не обидно. Он посмотрел на нее и уверенно произнес:

– Конечно! – по крайней мере, думал Кёрли, ему не нужно уточнять, кто это.

– Все с тобой ясно! – отвечала Брит, поправляя розовые солнечные очки.

– Помогает видеть жизнь в правильном свете? – спросил Кёрли.

– О, да! Особенно круто в пасмурную погоду! – отвечала Брит. – От солнца и от глупых вопросов про розовые очки, к сожалению, они не спасают.

– А еще ты похожа на внучку Джона Леннона, – сказал Кёрли специально, чтобы ее еще больше позлить какой-нибудь избитой фразой. Брит очень не любила предсказуемые сравнения. Она

шутливо стукнула его по плечу. Этого он и добивался, довольная улыбка расплылась по его лицу.

– Ты еще и радуешься? – она привстала на локтях, глядя ему в лицо. Кёрли продолжал улыбаться. – Ух, был бы это не ты, я бы тебя поколотила! Ты ведь знаешь, как я бешусь!

– Ты сразу такая хорошенькая, когда злишься! – добавил он еще больше предсказуемости.

– Кёрли, ты знаешь... – лицо Брит покраснелось.

– Ну поколоти меня, поколоти пожалуйста! – шутливо взмолился Кёрли. Он и вправду хотел этого, чтобы она колотила его, а потом потеряла равновесие и упала на него, и чтобы они целовались в траве, или чтобы он ее, прямо как в кино, крепко обнял, пытаясь сдержать напор кулаков, а потом поцеловал бы, чтобы она не ругалась.

– Ни за что! Слышишь, ни за что не сделаю то, о чем ты меня так просишь! – отвечала она, мотая головой. Кёрли подумал, какое же искушение попросить ее ни в коем случае его не целовать. Но, конечно, он понимал, что это выдаст его с потрохами и что... это не сработает. Он хмыкнул и стал смотреть на небо, плывущие мимо облака успокаивали его: они плыли себе и плыли, медленно и плавно меняя свои очертания, сливаясь друг с другом или разделяясь на несколько частей, стебли травы чуть щекотали лицо, когда дул ветер. Лето было в самом разгаре, приближался его день

рождения. Кёрли понимал, чего хочет больше всего на свете, и старался думать об этом как можно чаще и как можно незаметнее.

***

Инес торопливо встала с кровати.

– Ну что ты, совсем как мужик, сразу вскочила? – спросил Серджио.

– Не терпится! – бросила она. Серджио смутился. Он не понимал, чем мог огорчить ее.

– Я тебя обидел чем-то? – спросил он вкрадчиво. Инес подернула плечами.

– Нет, с чего ты взял? Просто я хочу курить! – отвечала она, роясь в сумочке.

– Полежи со мной немного! – попросил ее Серджио, ему почему-то совершенно не хотелось, чтобы она куда-то уходила.

– В этом номере можно курить? – спросила она, приподняв бровь.

– Нет, но у меня есть электронная сигарета. Полежишь со мной зато! – отвечал Серджио.

– Я не терплю компромиссов, – сказала она, накинула на голые плечи свой длинный пиджак и вышла на балкон. Серджио вздохнул и тоже встал, чтобы к ней присоединиться. – Надеюсь, ты не хочешь, как всегда побыть одна? – спросил ее Серджио.

– Нет, все нормально, кури, – отвечала она. Серджию ничего не мог с собой поделаться. С того времени, как они впервые оказались наедине, с той ночи в Лондоне, прошло чуть больше трех месяцев, а Инес очень изменилась. Хотя, возможно, он просто лучше ее узнал. На работе она была все той же, сдержанной, скромной, покладистой и исполнительной, иногда даже робкой, но уже не с ним. Часто она вила из него веревки, и он это прекрасно понимал. Она добилась, чтобы он предоставил ей больше полномочий, теперь она была не просто ассистентом руководителя, но и получила свои собственные проекты, пусть и несложные. Она позволяла себе быть очень смелой и амбициозной, и это нравилось ему, но одновременно – пугало. В отношениях она была то нежной и понимающей, то колкой и даже равнодушной. Она никогда не звонила ему, никогда не писала, на все его письма, точнее, почти записки (такими короткими, но эмоциональными они были) отвечала холодно. И только во время их встречи Серджию мог понять, что же она на самом деле чувствует, скучала ли она, нужен ли он ей как человек, как мужчина, как любимый, или только как средство достижения целей. Хотя возможно, именно во время встречи он и заблуждался больше всего в том, что же он значит для нее. Легко обманываться, когда тебя страстно целует обнаженная женщина, в которую ты влюблен как мальчишка. Легко и приятно, поэтому неприятные мысли Серджию старался от себя отгонять. Его даже заводила эта ее холодная

манера. Он устал от того, как себя ведет его жена. Он хмыкнул, осознав, что сейчас по поведению больше похож на Мэринеллу, чем на себя самого. А вот Инес как раз ведет себя так, как он раньше. Ему нравилось, как она резко говорит ему что-то. Раньше ему не нравилось чувствовать себя в ее власти, потому что он становился робким и не знал, как себя вести. Теперь он был готов расцеловать ее всю, но за что? За то, что она так холодно посмотрела на него, но все же разрешила покурить с ней на балконе. За то, что перед этим холодно подернула плечами. Она сидела, курила, и вообще не смотрела на него. Серджио, наоборот, любовался ею. У нее смазался макияж и от этого ее карие глаза казались ему еще выразительнее и красивее. Она сидела на стуле, положив ногу на ногу. На ней был только ее пиджак, был ранний вечер, и город еще не успел остыть от дневной жары. Она курила, сигарета иногда подрагивала между ее тонких пальцев, на одном из которых поблескивало кольцо с каким-то крупным черным камнем. Она однажды попросила его, засмотревшись на витрину, пока они гуляли по городу, а Серджио любил исполнять маленькие женские капризы, которые иногда стоили как большие мужские. Серджио понимал, что любит ее сильнее, чем она его, если она вообще что-то к нему испытывает. Впервые в жизни это его не волновало. Впервые в жизни он чувствовал зависимость от женщины, слабость перед нею. И ему одновременно нравилось и не нравилось это ощущение. Но больше нравилось. Точнее, он уже

иначе не мог. Когда он думал об этом, ему казалось, что Инес – его персональный наркотик, без мыслей о котором он не может жить и дышать. Стоило ему хлопнуть дверью, уходя от нее, он уже начинал скучать. Вся жизнь начинала проходить по касательной, он вел себя как робот, как существо, лишенное эмоций, по старым схемам, которые были прописаны в нем годами. Он делал все по привычке, и если раньше ему было от этого уютно, то теперь ему просто было никак. Потому что жил он только в те моменты, когда Инес была рядом. Серджио понимал, что это не правильно, плохо, в первую очередь, для него самого. Моральная сторона вопроса его в принципе не задевала, поскольку Мэринелле он изменял давно и успел настолько сильно к этому привыкнуть, что супружеская измена не казалась ему чем-то из ряда вон выходящим. Если не принимать во внимание тот факт, что каждый раз, когда он пытался поспорить с собой и представить, что Мэринелла тоже изменяет ему, его передергивало, и он тут же говорил себе: «Мэринелла – это другое». Что именно «другое» он формулировать не хотел. Одним словом, связь с Инес не вызывала у него угрызений совести и он не навешивал на нее ярлык «порочная связь». «Разве обожание может быть порочным?» – думал Серджио.

***

Было ранее летнее утро. Мэринелла потянулась на свежих атласных простынях нежно-сиреневого цвета. Серджио что-то пробурчал во сне и перевернулся на другой бок. Она закрыла глаза и постаралась представить, как бы она хотела провести эту субботу. Она вдруг отчетливо почувствовала, что совсем не хочет будить Серджио, Маркуса, Тину, готовить всем завтрак, погружаясь в приятную рутину выходного дня, которую так любят изображать производители кукурузных хлопьев и стиральных порошков. Она почувствовала, что хочет оказаться где-нибудь в самом сердце Нью-Йорка, побыть одной, погулять среди всего этого шума и суеты, наслаждаясь... Ощущением наполненности. Чтобы ее заполнили не суетливые мысли, не обыденные планы, не банальные размышления, не пустые тревоги, а просто звуки, просто образы, просто людские голоса. И чтобы все это не имело не малейшего значения, как какофония звуков настраивающегося оркестра. В такие моменты она как нельзя лучше чувствовала себя саму. Но как же редко ей удавалось прислушаться к тому, чего она хочет! Мэринелла вздохнула. Она не могла найти ответа, почему так получилось. Может быть потому, что ей всегда было важнее быть такой, какой ее все знают. Может быть потому, что она давно привыкла жертвовать своими желаниями ради других людей. Может быть потому, что иначе слишком страшно. Или бесполезно и бессмысленно. Кому станет хорошо, оттого, что она проведет день одна, созерцая мир вокруг, размышляя о себе и своем в нем

месте? Едва ли это кому-то нужно, даже ей самой. Ведь это ни к чему не приведет. А зачем ей пути, которые никуда не ведут? «Жить нужно ради результата! Ни к чему все эти твои пустые размышления! Размышления – воздух, а ты дело сделай, сразу поймешь, что к чему!» – так часто говорила ее мать. Она была очень строгой, и Мэринелла не всегда находила с ней общий язык, но эту фразу она запомнила очень хорошо. Для себя она сократила ее до: «Жить нужно конструктивно», и вот уже, наверное, лет тридцать ей удавалось следовать этому девизу. Она нехотя встала с постели, накинула халат, умылась. И вот она уже делает субботние вафли, которые все домашние так любят. Мэринелла поняла это, уже когда ее руки украшали первую порцию свежей малиной, мятой и сахарной пудрой. Она снова успела подумать: «Как же так получилось, что я не помню даже как вбивала в тесто яйца или наполняла раствором раскаленную форму?». Мэринелла не нашла ответа на этот вопрос. Размышляла она над этим недолго. В голове пульсировало слово «конс-трук-тив-но». «Как будто я робот и у меня что-то заело в микросхемах», – вдруг подумала Мэринелла, улыбнувшись, – «Пора будить Серджио и детей, завтрак готов».

До спальни доносился приятный запах свежеприготовленных вафель. Серджио уже давно проснулся, но все лежал, не отваживаясь спустить ноги с кровати. Ему казалось, что его день начнется, как только большой палец ноги коснется пола. Серджио не хотел, чтобы этот день начинался здесь. Ему

хотелось очутиться в совершенно другом месте, возможно даже в другом времени. Ему хотелось, чтобы рядом была Инес. Не важно: вечер это, день или утро. Ему хотелось смотреть на нее и обожать ее, насытиться ею, в конце концов. «Хотя это невозможно», – думал Серджио, – «Инес ведь бесконечна, и наслаждаться ею можно очень долго». Серджио хмыкнул, посмеявшись над самим собой: «Я стал излишне романтичным, это может плохо кончиться для меня». Серджио смотрел в потолок и думал, как восхитительно можно было бы провести эту субботу, если бы не домашние. Дети всю неделю ждут субботы, потому что ее они почти всегда проводят вместе с родителями, в кругу семьи: веселятся в парке развлечений, едят сладкую вату, катаются на американских горках, взлетают вверх на ракетах, любуются на огромных аквариумных рыб, пьют газировку, шутят над мамой, гладят смешных косматых пони, с любопытством разглядывают зверей в зоопарке. «Звучит здорово, – продолжал думать Серджио, – но это только первое время. Как же это успевает надоест! Детям нравится до поросычьего визга, да и Мэринелла радуется как ребенок в такие дни. Было бы глупо лишать всех домашних такой радости просто из-за своей прихоти побыть с молодой любовницей. Со своей молодой любовницей, ммм, как же сладко! Вот бы притвориться больным, остаться дома, удрать к ней, быть с ней, медленно раздевать ее. Нет, быстро раздевать ее...». Серджио настолько

глубоко задумался, что не заметил, как Мэринелла вошла в комнату. Она бросила взгляд на Серджио и довольно улыбнулась. – Может быть, не стоит пока будить детей? – спросила она с надеждой в голосе.

Кёрли сидел на переднем сидении автомобиля и смотрел на быстро сменяющиеся друг друга виды в окне. Он ждал, когда же, наконец, в окне можно будет увидеть что-нибудь вроде мелькающих деревьев или поля. Дома рябили в глазах. Хотелось видеть небо. «Когда ты видишь небо, ты видишь меня» – напевал он песенку, недавно написанную Брит. Он приоткрыл окно и высунул руку. Встречный поток уже нагретого солнцем воздуха был плотным и густым, почти осязаемым. Он старался не думать, куда едет и зачем. Кёрли закрыл глаза и старался явственно запомнить только одно ощущение: как рука сталкивается с воздухом, и как возникает иллюзия, что можно его схватить и удерживать между пальцев как тонкую материю. Ему нравилось это ощущение. «Все равно, что пропускать между пальцев светлые волосы Брит. Интересно, что она подарит мне на день рождения, ведь уже совсем скоро! Что бы ни подарила, все будет приятно, конечно. Но Брит любит знаковые подарки, и мне интересно, что же она скажет мне...», – думал Кёрли, выезжая из коттеджного поселка. Они проезжали мимо поля. Вдалеке паслись лошади. Кёрли подумал, как было бы круто ехать не на машине, а на

велосипеде. Чтобы чувствовать ветер не только рукой, но и всем телом, всем своим существом. Как будто комфортабельный автомобиль отрезал его от прекрасной реальности. Там, за окном, был настоящий мир: можно было четче ощущать дорогу, наезжая тонкими колесами на маленькие камешки, можно было остановиться и провести рукой по пушистым зеленым колоскам, можно было вдыхать настоящий воздух, у которого есть вкус. Тот воздух, который в машине, он как пластиковый: вычищенный и охлажденный специальной системой кондиционирования. А тот, который хочется вдохнуть – вдохнуть невозможно, потому что если открыть окно авто на большой скорости он набивается в рот и в нос, как густой безвкусный пудинг, и его остается только проглотить. Кёрли думал, как было бы здорово взять фотоаппарат и поснимать все, что он видит. Медленно, никуда не торопясь. Сейчас, через окно, все равно ничего не получится. Они приехали к месту назначения через полчаса. Кёрли нехотя вышел из машины, поправил фотоаппарат на шее и сделал пробный кадр, проверяя настройки. Он вдруг подумал, что единственный способ получить удовольствие от сегодняшней поездки удовольствие, это переосмыслить ее. Он довольно улыбнулся. План того, что и как он должен снимать четко вырисовывался в его голове. Кёрли увлеченно снимал облака розовой сахарной ваты и думал, как симпатично будут смотреться счастливые дети, если применить обработку «негатив». Одна иссиня-черная вата чего стоит? Кёрли

снимал, как проезжают мимо разноцветные вагончики с кричащими людьми. Он старался скомпоновать кадр так, чтобы динамика вращения поневоле вызывала тошноту. Кёрли снимал капризничаящих детей, виснувших на руках у родителей, уставшие лица мам и пап, пытающихся уговорить свое чадо вести себя спокойно. Кёрли с наслаждением поймал момент, когда ребенок, весь зеленый после аттракциона с вращением, не успевает предупредить родителей о грядущей катастрофе. Мать ругает его, доставая влажные салфетки, начинает вытирать девятилетнего пацана как маленького, тот ударяется в слезы. Тогда отец пытается его успокоить, потом резко берет за руку и ведет несчастного сына в туалет, а там наверняка очередь. «Парк развлечений!», – думает Кёрли и смеется, потому что в его голове только что созрело отличное название для серии снимков. «Могут ли подростки быть счастливы в этом месте?», – продолжал думать Кёрли, – «Комнаты страха лет с десяти не вызывают никакого страха, с колеса обозрения не увидеть ничего нового, в тире призами служат дурацкие мягкие игрушки. Американские горки, даже самые страшные, только в первый раз вызывают легкий приступ паники и страха, а потом быстро к ним привыкаешь». Кёрли вдруг подумал, что если бы тут была Брит, все, возможно было бы иначе: «Что если я бы ее поцеловал прямо там, где вагончик набирает высоту перед «свободным падением»? Что если бы я подарил ей вот того

огромного плюшевого медведя? Нет, дурачина. Она же ненавидит предсказуемость...».

Кёрли принялся снимать свою сестру, та с грустью в глазах жевала мармеладных змей.

Тина смотрела на брата и думала, какой же он везучий, что у него есть фотоаппарат и он может делать то, что ему нравится, а не кататься на всех этих аттракционах. Они ездили сюда почти каждые выходные. Вначале ей нравилось, но сейчас все детские горки ей уже надоели, а на взрослые ее не пускали из-за маленького роста, да и, честно говоря, страшно. Не зря же все так кричат! Что же Маркус здесь делает? Он же совсем большой и может делать все, что захочет. Это ее родители сюда затащат в первой половине дня и вытащат около семи вечера, а он-то что здесь потерял? Уже тысячу раз Тина намекала маме, что хочет сходить на какой-нибудь мюзикл, чтобы посмотреть вживую, как танцуют взрослые. Тина обожала танцевать, танцы ей нравились до того сильно, что она была бы готова заниматься ими постоянно, каждый день. И желательно вместо школы. Зачем ей математика, зачем ей география? Хотя нет, может быть на гастролях нужна география. Но математика точно не нужна. С подсчетом гонорара она как-нибудь справится сама. Тина вдруг представила, какой она будет, когда будет большой. У нее будет грудь, как у мамы. И бедра будут. И красивая талия, и ноги как у преподавательницы по танцам: красивые, длинные, и видно каждую мышцу. А не как

сейчас: тонкие палки. У нее будет взрослое черное трико и профессиональная обувь, а не какие-нибудь чешки. Она будет важно натягивать теплые гетры перед тренировкой, чтобы согреть мышцы. И еще у нее будет большой чемодан бежевого цвета, из кожи. И много-много наклеек из разных стран на нем. «Весь заклю!» подумала она и улыбнулась. И конечно, у нее будет много поклонников. «Мама говорит, что у меня от них отбоя не будет!», – вспоминала Тина, представляя те самые толпы поклонников. Ей почему-то представлялись танцоры из русского балета, мимы с красными розами и взрослые дядьки в смокингах. «Что же со всеми ними делать?!» думала Тина и морщила лобик. – Ну что, решила, на какую горку ты хочешь? – спросил ее папа, вкрадчивым голосом.

– Нет! Не хочу на горку! – сказала Тина, набравшись смелости.

– Как это не хочешь? – спросила Мэринелла, нежно улыбаясь. – Мы что с папой зря сюда приехали? Смотри, вот Маркусу все нравится! Он уже прокатился раз пять, и все бегаёт, щелкает. Разве не здорово? Может, ты проголодалась? Хотя нет, ты уже испортила себе аппетит этими змеями. Они ужасно вредные! Может, ты хочешь пить? Или в туалет?

– Я не маленькая! – Тина топнула ногой от досады. – Я должна сама решать, что я хочу, а что нет! Вот вам хочется, вы и катайтесь!

– Тина! – неодобрительно осадил ее Серджио. – Веди себя хорошо, не капризничай, пожалуйста! Никто тебя не заставляет кататься на горках. Устала – иди посиди с мамой в кафе, выпей сока, а потом иди кататься. Ты еще не пробовала ту карусель с лошадками? Она новая, только на прошлой неделе поставили! Тебе должны они понравиться!

Тина вздохнула, понимая, что от карусели с дурацкой музыкой ей не отвертеться. Вот если бы там была красивая музыка, как было бы классно сесть верхом на одну из белых лошадок с фиолетовой гривой! А то, что там играет, похоже на сломанную музыкальную шкатулку. Тина терпеть не могла, когда фальшивит музыка, ей казалось, что ее уши этого не выдержат, а голова треснет как попкорн. Но разве это можно объяснить родителям? Только скажут «не задавайся» или «не придумывай», им и в голову не приходит, что ей не приятно. Чтобы как-то оттянуть этот момент она смиренно сказала, сделав вид, что поменяла свое решение: – Хочу сока!

Мэринелла сидела в кафе с Тиной, та очень медленно пила холодный сок через трубочку. Мэринелла снова ощутила себя не в своей тарелке. Все звуки: смех детей, голоса взрослых, стук подносов, звон посуды, шум аттракционов, особенно того вагончика, который проезжал над ее головой каждые пять минут, начинали ее раздражать. Как будто каждый из них был не на месте, был лишним. Тина начала пускать пузыри.

- Прекрати баловаться! – невольно повысив тон, сделала замечание Мэринелла.
- Ну мааам! – Тина перестала пускать пузыри. Мэринелла медленно выдохнула.
- Прости меня, я не хотела на тебя кричать. Просто голова разболелась.
- Дать тебе твою сумку? – спросила Тина, уже протягивая ее матери.
- Спасибо, зайка моя! – отвечала Мэринелла.
- Теперь можно пускать пузыри? – Тина смешно подняла брови.
- Нет, я еще не успела выпить таблетку, – отвечала Мэринелла, снисходительно улыбаясь.

Несколько минут Мэринелла сидела, дожидаясь, пока таблетка подействует. Потом ей вдруг никуда не захотелось уходить: вот еще! Звуки станут еще громче, лучше здесь подождать. Она предложила Тине молочный коктейль, та, обрадовавшись возможности еще как-то потянуть время перед ненавистой каруселью с радостью согласилась. Они сидели в кафе, наверное, больше получаса. За это время Мэринелла успела подумать, как же хорошо, несмотря на ее смешанное настроение, проходит этот день: Тина наслаждается шоколадным коктейлем, ее прошлый каприз всего лишь от переизбытка впечатлений: ей всегда очень нравилось в парке аттракционов, да и какому ребенку не понравится? Маркус куда-то давно запропал, наверное, стоит в

очереди на самый экстремальный аттракцион. Серджио, скорее всего, с ним: редкая возможность, когда они могут побыть вместе – отец и сын. Мэринелла улыбнулась про себя – она радовалась, что между Серджио и Маркусом с самого начала установилась и сохраняется какая-то удивительная связь. Они любят общаться друг с другом, у них много схожих черт, они часто понимают друг друга с полуслова, с полувзгляда. Она редко наблюдала подобное в других семьях, чаще у сыновей с отцами, особенно в подростковом возрасте, постоянное противостояние. Возможно, это везение. Возможно, все еще впереди. Но Мэринелла надеялась, что все обойдется. Потом она вдруг начала продумывать, все ли успела предусмотреть к грядущему дню рождения сына.

***

Мэринелла сделала еще одну пометку в ежедневнике, было двадцать первое июля, завтра Маркусу исполнится шестнадцать, нужно чтобы вечеринка прошла идеально. Как-никак первая относительно «взрослая» дата. Будет много приглашенных. «Наверное, весь дом поднимут вверх дном!», – ухмыльнулась Мэринелла. Она готовилась к этому событию уже месяца два, нужно было заранее продумать, что и как будет организовано, заказать еду и напитки. Ей совершенно не хотелось готовить на ораву его друзей и знакомых, да что там – целую толпу. По грубым

подсчетам на праздник должны были прийти уже около ста человек. Серджио был страшно занят по работе, постоянно задерживался вечерами и возвращался очень уставшим, ей не хотелось вешать на него лишние заботы, тем более, что все финансовые вопросы он взял на себя. Мэринелле оставалось только все спланировать наилучшим образом. Она была в отпуске, поэтому весь процесс ей доставлял настоящее удовольствие, профессионально она ничем подобным никогда не занималась, но иногда ей казалось, что она неплохо справилась бы, в случае чего. Ей нравилось все планировать. Еще больше ей нравилось, когда все шло по плану, как и сейчас. Мэринелла очень надеялась, что все пройдет без накладок. Единственное, что ее огорчало, так это то, что Маркус сам не принимал ни малейшего участия в организации собственного дня рождения. Его как будто совершенно не волновало, кто придет его поздравлять и как все пройдет. С огромным трудом она добилась от него, чтобы он ей предоставил список приглашенных или хотя бы примерное количество ожидаемых гостей. Чего уж говорить о его предпочтениях? Мэринелла должна была, видимо, обо всем догадаться сама. Маркус только сказал: «Мама, я не знаю. Придумай что-нибудь сама!» и пошел в гараж, снова играть свою так называемую музыку. Иногда Мэринелла злилась на него и думала оставить все как есть, не предпринимать никаких попыток, бросить все, раз ему ничего не нужно. Но она, в отличие от самого

Маркуса, понимала как важно для его социализации среди ровесников, чтобы шестнадцатилетие прошло на высшем уровне. Маркус должен быть не просто не хуже других, он должен быть лучше других. В этом мире все, а особенно подростки, судят друг о друге по внешним проявлениям. А что любят подростки? Много музыки, разноцветные огни, какого-нибудь модного ди-джея пригласить, потом пару команд на импровизированную сцену: наверняка среди друзей Маркуса такие найдутся, да и сам он захочет выступить перед друзьями. Наверняка какие-нибудь легкие закуски и прохладительные напитки будут восприняты «на ура», возможно, следует предусмотреть и алкогольные напитки для друзей старшего возраста. Роскошная пирушка, небольшой салют, вручение подарков от родителей – и всем «снесет крышу», выражаясь его же языком. Будет успех среди ровесников – будет уверенность в себе, будет уверенность в себе – не будет проблем с противоположным полом, это добавит еще больше уверенности и устранил романтическую заикленность на одной девушке. Излишняя влюбленность может помешать учебе, а этого «нам не надо». Так размышляла Мэринелла.

***

Двадцать первое июля было в самом разгаре и Серджио был абсолютно счастлив. Честно говоря, он даже не помнил, что уже

пятница и какое сегодня число. Он полностью отпустил себя, отдавшись своим чувствам, купаясь в них, наслаждаясь каждой секундой своего бытия. Ничего в последние три дня не имело для него значения: он бессовестно приходил домой позже двенадцати, в офисе даже не пытался изображать хоть какую-то деятельность, да и кому это нужно, если он начальник? Ничего не произойдет за три дня легкого помешательства. Подчиненные работают, как и прежде. Подчиненные работают, как прекрасно отлаженный механизм. А кто его отладил? Правильно, он сам. А сейчас Серджио может пожинать плоды грамотно выстроенного менеджмента. Но те волны счастья, которые ласкали все его существо, были теплее и притягательнее любого прежнего успеха. Инес была нежна с ним. Нежна как ребенок, как ангел. «Странные сравнения для размышлений о «порочной связи», а значит, она не порочна, – думал Серджио, закрывал глаза и наслаждался, слушая звуки падающей воды. Инес мылась в душе. У нее была такая забавная черта: после бурной любви она обожала сразу побежать в душ, побыть там, наверное, полчаса, или даже больше, а потом она снова возвращалась и отдавалась его ласкам. Серджио однажды посчитал, она могла принимать душ и три, и четыре раза в день... В этот раз он ждал ее, наверное, минут сорок. И вдруг она появилась: на ней было платье с огромными красными маками. Когда он выбирал это платье для нее, ему казалось, что Инес, как брюнетка, оценит их насыщенный красный цвет. Но, когда она

нетерпеливо развернула сверток, ее лицо показалось Серджио немного разочарованным. Она сказала тогда: «Я не люблю цветы», но сейчас она надела это платье и была в нем так безмерно хороша! Серджио довольно улыбнулся и принялся одеваться. – Хочу заглянуть в один магазинчик на Грин-стрит! – как бы между прочим заметила Инес крася ресницы.

***

Кёрли сидел на заднем сидении, за рулем был его друг, Виктор. Все-таки – открытый верх великое изобретение, даже когда нещадно палит солнце! Кёрли барабанил пальцами по нагретому сидению.

– Передай газировку! – обернулась с переднего сидения Брит. Кёрли бросил ей обжигающе холодную бутылку апельсинового лимонада. – Ммм, запотевшая! – довольно улыбнулась Брит, – Холодненькая, даже трогать приятно, не говоря уже о том... – она открыла бутылку с характерным «пшиком» и принялась жадно пить.

– Ой, ой, смотрите какая смешная собака в соседней машине! – показывал Виктор пальцем на разряженного терьера.

– Это он так на дорогу смотрит! – засмеялась Брит.

– Именно так и смотрю! – деланно огрызнулся Виктор, чтобы позлить Брит. Он заметил, что она очень красиво злится.

– Ты уже целую передачу ведешь, «Жизнь Нью-Йоркских дорог» называется! – продолжала смеяться Брит.

– Только жизнь какая-то застывшая... – заметил Кёрли.

– Смотрите, какие милые лесбияночки в том красном пикапе! – отвлек от себя внимание Виктор.

– Фу, господи, опять ты придумываешь! Только дайте ему двух красивых девчонок в одной машине! – заметил Кёрли.

– Ты зря на них смотришь, если ты прав! – Брит внимательно следила за реакцией Виктора.

– Они, в отличие от тебя, находятся там, куда я должен смотреть! – отвечал Виктор. Он знал, что Брит особенно сильно бесится, когда он оказывает ей какой-нибудь знак внимания. Кёрли смеялся на заднем сидении. Сегодня у него было чудесное настроение. Сказывалась подготовка к завтрашнему дню рождения, праздник уже начинал чувствоваться. Он чувствовал себя, без явной причины, как будто он и есть та самая бутылка газировки. Кто-то уже начал крутить крышку, но медленно-медленно, и в нем начали играть пузырьки, поднимаясь и поднимаясь сотнями и тысячами на поверхность. Он как будто закипал, но не от гнева, а от радости. Без явной причины. Они проезжали невысокие дома на Грин-стрит, желтые, серые, розовые. Он смотрел на блестящие витрины магазинов, на по-летнему разодетых прохожих, и каждая деталь, каждый всплеск цвета: будь то яркое платье проходящей мимо девушки, едущая впереди машина или рекламный щит – все

вызывало радость. Кёрли был рядом с друзьями, ему было комфортно и уютно как никогда. Уже давно он не чувствовал себя так в семье: и все ведь было хорошо, родители старались, не сильно лезли в его жизнь, но он рядом с ними постоянно ощущал себя ребенком, как будто он ровесник Тины. Он постоянно играл какую-то роль. Хотя почему какую-то? Роль примерного сына. А как иначе? На конфликт он идти не хотел и смысла в этом пока не видел, наверняка позже найдутся более подходящие поводы, лучше побережь их нервы, пока это возможно. Да и к чему все эти мысли? Кёрли встряхнул головой, пытаясь таким образом от них избавиться. К чему? Сегодня прекрасный летний день, завтра еще более замечательный, несмотря на всю эту мамину возню и грядущую суету, шумиху, которой Кёрли почему-то страшно хотелось избежать. Не по нутру это было, не по настроению. Конечно, он хотел бы провести этот день только с одним человеком... Но ему было неизвестно, хотела бы она? И судя по тому, что она не предлагала, она бы не хотела. Кёрли снова встряхнул головой. «Какой бред! Ведь это я должен решать, как провести этот день и с кем! Но все уже определено. Надо думать, как это изменить или как этому радоваться!», так думал Кёрли, поглядывая то на Виктора, то на Брит. Виктор опять что-то нес про встречных водителей, пассажиров, прохожих.

– Нет, ну ты посмотри, Брит! Обещай никогда в жизни своей так не делать! Обещай великому и ужасному мне! Я найду тебя и

покараю!– Виктор показывал на пару страстно целующихся любовников.

– А что такого, уж и целоваться на улице нельзя! – возмутилась Брит.

– Нет, ты посмотри, он же ей в отцы годится! – фыркнул Виктор. – Небось, благодарит его за те три пакета из бутика напротив. За что еще можно так целовать старика, у которого вся голова уже седая?

– Ну, по крайней мере, он не толстый! – возразила Брит. – И какое тебе дело, Виктор?

– Это ужасно!

– Прежде чем осуждать других, подумай, не хотелось бы тебе лет в шестьдесят целовать молоденькую девушку! – вставил свое слово Кёрли. – Правда, я до сих пор не понимаю, о ком вы.

– Да и нет ему шестидесяти и не такой уж он, судя по всему, старик! – продолжала гнуть свою линию Брит. – Вот смотри, недалеко от перекрестка. Там еще маки такие на платье яркие. Видишь? Нет, сейчас не видно, их заслонили. Смотри туда!

Скажешь, что думаешь! Может, разрешишь наш с Виктором спор. Кёрли вглядывался в указанном ему направлении. Сначала он увидел девушку. Кёрли не видел ее лица, но он сразу понял, что за *сорт* перед ним. Он таких про себя называл «пластиковыми»: ухоженные, модно одетые, с блестящими волосами и укладкой, на каблуках. Длинные ноги, стройные, смуглые. Тонкая талия, платье сидит отлично, того мужика можно понять. Он мог бы не смотреть

больше. С этой парой ему все было ясно. Они больше не целовались, он что-то уронил, наклонился, чтобы поднять, вот они, кажется, смеются над этой случайностью. Типичный «папик» и его «девочка», но взгляд вдруг зацепился за мужчину. Эти двое все еще были слишком далеко, чтобы разглядеть их в подробностях, можно было видеть только общие очертания, но руки мужчины, его силуэт, цвет его волос казались Кёрли знакомыми. До боли знакомыми. Кёрли ощутил, что не может ни вдохнуть, ни выдохнуть. Виктор и Брит что-то оживленно обсуждали и смеялись – он уже не понимал, о чем они говорят, будто они говорили на чужом для него языке. Нет, ему показалось. Или он не ошибся? Кёрли не мог отвести от пары глаз. Они уже не целовались, она смеялась. Машина подъезжала все ближе, и вот уже Кёрли мог разглядеть их достаточно хорошо. «Действительно, он годится ей в отцы. В отцы. Отец! Но этот человек не может быть моим отцом!», – пронеслась за доли секунды мысль в голове Кёрли. В это же мгновение мужчина повернулся лицом к машине, в которой ехала вся компания, и их взгляды встретились. Кёрли почувствовал, как кружится его голова. Если бы он стоял, он бы вероятно почувствовал, как земля уходит из под ног, будто она превратилась в футбольный мяч, и кто-то с легкостью выбил ее из под его ног. Но он сидел в машине. И он не знал, что думать, что делать. Вся его радость вдруг выключилась, как бывает, выключается свет, если вышибает пробки. Одна секунда как будто

длилась целый час. Кёрли оцепенел. Он все еще смотрел на чужое лицо, которое мгновение назад было счастливым, а теперь стало растерянным и виноватым.

– Кёрли, ты что молчишь? – нетерпеливо спросила Брит.

– Это мой отец, – вдруг изменившимся голосом отвечал Кёрли.

***

Серджио, оцепенев, смотрел в сторону, где только что стояла машина Виктора. У него было такое ощущение, будто его только что заслуженно отхлестали по лицу. Взгляд сына все еще был перед его глазами, хотя сам Маркус уже давно уехал вперед, и Серджио оставалось только гадать, что с ним происходит. В первую секунду Серджио хотел было кинуться к нему, все ему объяснить. Но что ему объяснить? «Это не то, что ты подумал?», но какое же «не то», если именно «то». И сын уже давно не маленький, многое понимает. Но поймет ли это? Да и как это понять? Серджио уже осознал, что повел себя слишком неосторожно. Но он еще не понимал, что же дальше с этим делать?

– Прости, я должен идти! – сказал он своим обычным чуть резким тоном. Инес недовольно подняла бровь.

– Разве у нас не было планов на сегодняшний вечер? Куда это тебе нужно идти? Ты ведь все уже уладил! – Серджио вдруг взбесился,

ему не хотелось ничего обсуждать. Тем не менее, он сдержался, нежно привлек к себе Инес, поцеловал ее в щеку и сказал:

– Мне правда пора, милая. Обстоятельства изменились. Ты же помнишь, у моего сына завтра день рождения.

– Ты не купил подарок? И только сейчас это вспомнил? – с деланным ужасом спросила она. – Ничего, завтра...

– Он нас видел, – оборвал ее Серджио.

– Ну и что? Я так поняла, у тебя все давно решено! – отвечала она.

– У меня, конечно. А вот у жены... я должен сегодня приехать домой раньше Маркуса, и поговорить с ним, чтобы он не успел ничего наплести матери!

Серджио ехал по Нью-Йоркским пробкам, и ужасно нервничал. Он поймал себя на мысли, что уже очень давно он так не спешил домой, но мысль эта была не веселая. Он прекрасно осознавал, что за эту неосторожность придется платить и платить дорого.

«Поймет ли Маркус? Поймет ли хотя бы как ему лучше себя повести?» вопросы, которые его мучали. Они все громче и громче звучали в его голове. Серджио думал над тем, как лучше говорить с сыном. Что именно ему нужно сказать, как сделать так, чтобы все было принято с минимальными переживаниями. Спустить все на тормозах? Нет, разговор необходим. И почему это произошло накануне дня рождения? Как всегда! Хуже не придумаешь!

Серджио барабанил пальцами по рулю. Машина двигалась рывками. Серджио знал четко только одно: «Мэринелла не должна

знать правды». Ей это ни к чему, начнутся постоянные обсуждения, слезы, просьбы, обещания. Серджио не хотел этого. Он не хотел давать обещаний, которые все равно не сдержит. Более того, он совершенно не хотел отказываться от Инес, особенно сейчас, когда, кажется, начинал добиваться такого долгожданного эмоционального отклика от нее. Серджио хотел насладиться этим своим ощущением, таким свежим и ясным ощущением победителя, влюбленного, добившегося своего. Сколько ему еще нужно времени, чтобы насладится этим напитком? Сколько еще времени это чувство будет приносить ему удовольствие? Он не хотел знать ответа на этот вопрос. Он хотел наслаждаться текущим моментом. Кому какое дело до того, что он испытывает, что твориться у него внутри, да даже у него в постели? Жалоб к нему о том, что он плохой семьянин, плохой муж или отец не поступало. Неужели он не имеет права на личную жизнь? Неужели у него не может быть личного пространства, в которое никто не сует нос? До сих пор ему удавалось все совмещать, жить так, как ему хотелось и нравилось. Но теперь? Что будет делать, что будет думать Маркус? Сможет ли он найти с ним общий язык? Хотя, может быть, все эти переживания излишни. Нынешнее поколение молодежи ко всему привычно. Они в открытую обсуждают чужую и даже свою сексуальную жизнь, в том числе гомосексуальные отношения. Что уж говорить о банальной супружеской измене? Наверное, много часов уже

провели в беседах, смеясь над рассказами о тех или иных похождениях своих родных, будто это анекдоты, а не жизненные истории. Может быть, Маркус доедет до дома и сделает вид, что ему все равно. А может быть, скажет маме, чтобы из любопытства проверить ее реакцию. Поведение подростка непредсказуемо. Серджио наконец вырвался из затора и понесся по автостраде. Домой, скорее домой! У него было такое ощущение, что кто-то наступает ему на пятки. С каждой минутой хотелось ехать все быстрее – только бы успеть все объяснить сыну.

***

Мэринелла сидела в плетеном кресле на террасе дома. Все дела были завершены, все было готово. Она предвкушала грядущий праздник, мысленно хвалила саму себя за хорошо проделанную работу. На душе было удивительно спокойно. Она смотрела на то, как закатное солнце прячется среди темных листьев садовых кустарников. Белые розы казались золотисторозовыми и чуть покачивались от легкого ветра. Мэринелла сделала глубокий вдох, медленно и с наслаждением выдохнула воздух и, придирчиво осмотрев левую руку, открыла нежно-розовый лак для ногтей. Стоило ей накрасить мизинец, как к ней подбежала Тина:

– Мама, мама, смотри какую открытку я нарисовала для Маркуса! – она протянула ей свой рисунок, сложенный пополам.

– Тина, милая, видишь я занята? Покажи мне так! Не хочу брать в руки! – Мэринелла едва слышно вздохнула: «Почему всегда так, только думаешь, что тебя никто не тронет хотя бы двадцать минут – сразу находится какое-нибудь «неотложное» дело, требующее моего участия!», – думала она.

– Смотри! Вот это Маркус, а это я! И я его люблю! Как думаешь, ему понравится?

– Конечно, понравится, он ведь тоже тебя любит! – отвечала Мэринелла ласково, глядя на каракули своей дочери. В конце концов, художественные навыки она, возможно, разовьет позже. «Хотя бы сочетание цветов красивое», – думала Мэринелла, разглядывая акварельный рисунок. У Маркуса были черные кудри, черный овал лица и черный нос. Голубые глаза расплываются, выходя за черные линии. Тина в темно-синей пачке и розовых пуантах, ноги и руки черные, тонкие, как у паучка (недалеко от истины!) и между ними большое розовое сердце. – А почему сердце цвета фуксии?

– Потому что красное сердце, это когда я люблю какого-нибудь мальчика! – отвечала Тина. Мэринелла улыбнулась и приласкала дочь. Та прижалась к ней щекой, нежно сказала: «Мамочка, тебя я тоже люблю, просто день рождения у Маркуса!». Мэринелла засмеялась и подумала, какая же она все-таки счастливая! Как

будто в подтверждение этой мысли, она услышала, как к дому подъезжает Серджио. Серджио, стараясь сохранять спокойствие, вышел из машины.

– Удалось вырваться пораньше, милый? – спросила Мэринелла, чувствуя, как ее накрывает теплая волна нежности к мужу.

– Да, родная! – отвечал Серджио. – Маркус уже дома?

– Нет еще! А что, у тебя для него какой-то сюрприз?

– Да нет, просто спросил, ничего особенного! – отвечал Серджио.

Мэринелла обняла мужа. Она чувствовала запах его туалетной воды, вперемешку с запахом его сигарет, запахом его тела. Это буквально сводило ее с ума. Она сама удивилась и обрадовалась этому чувству. Она старалась запомнить каждое мгновение своей жизни, когда ее охватывала такая любовь к мужу. Это, к ее счастью, происходило довольно часто. Иногда каждую неделю, иногда с перерывами на пару месяцев, но затем снова и снова. Иногда даже как будто в первый раз. Последний раз она чувствовала себя такой влюбленной весной, потом она какое-то время пожила относительно ровно, а сейчас, вдруг, в эту самую минуту, прижавшись к нему всем телом, Мэринелла ощущала удивительный покой и огромное счастье.

– Я такая счастливая сейчас, а ты? – спросила она шепотом, утыкаясь носом в горячую шею мужа. Серджио обнимал Мэринеллу и чувствовал, что его язык как будто прилип к небу. Он знал, что следует сказать: «Да, я тоже», но... он не мог, ему не

хотелось. Он вздохнул. – Устал на работе? – участливо спросила Мэринелла. Серджио кивнул. – Но ты же приехал пораньше, отчего ты не рад?

– Я рад! – отвечал Серджио, он старательно придал своему голосу необходимую мягкость. Он понял, что у него получилось, когда Мэринелла счастливо вздохнула, и, чуть отстранившись, с любовью посмотрела на него.

Серджио поспешил в дом, скорее в ванную комнату! Он долго, даже с некоторым ожесточением мыл руки. Запах травяного мыла распространялся по всему помещению, наполняя ванную комнату характерным, давно знакомым, приятным чуть горьковатым запахом. Серджио мыл руки и старался успокоиться: «Она еще не знает, она не знает и не должна никогда знать, она не должна знать! Она не должна знать!» Серджио старался думать о доме, как обычно, отключиться от всех посторонних мыслей. Думать о жене, об ужине, о Тине, о предстоящем дне рождения сына. Старался думать так, как если бы Инес не было и инцидента с Маркусом тоже не было. Но, возможно потому, что он очень старался, у него не получалось не думать о Маркусе и об Инес. И о том, что теперь будет. Он пытался предугадать развитие событий на несколько шагов вперед, его бы это очень хорошо успокоило, но мысли шли в другом направлении и ничего не получалось, будто бы сегодня была пройдена некая точка невозврата, после которой все

последующие события слишком сильно подвержены изменениям, которых он предугадать не может.

– Ты что молчишь, разве не вкусно? – спрашивала Мэринелла, внимательно глядя ему в глаза. Серджио вдруг понял, что он уже давно вышел из ванной комнаты, и ужин уже в самом разгаре.

– Вкусно, милая, разве я не сказал? – удивленно спросил Серджио. Про себя он даже посмеялся, потому что он и вправду не помнил, что он говорил, а чего нет. Он как-то слишком глубоко ушел в себя, чтобы замечать такие мелочи.

– Ты сегодня какой-то рассеянный! – заметила Мэринелла, покачав головой.

– Мам, а как это – «рассеянный»? – спрашивала Тина с набитым ртом.

– Ну, это когда... человек сразу думает о многих вещах одновременно, – отвечала Мэринелла спокойным ровным голосом.

– Просто у папы очень много дел и ему все это надо держать в голове.

– Тогда получается, что папа не рассеянный, а перемешанный, потому что у него все собрано в голове и перемешано! – отвечала Тина.

– Да, как салат! – улыбаясь, отвечал Серджио. «Сегодня все и вправду может так перемешаться, что костей не соберешь», подумал он про себя.

– Тем временем Маркуса все нет, – вздохнув заметила Мэринелла.

– Не рановато ли он отмечает? Он тебе ничего не говорил, какие у него были планы? Мне он сказал, что собирается в город, а к ужину вернется домой. Но его нет.

– Маркус сегодня тоже рассеянный, куда-то взял и рассеялся! – посмеялась Тина.

– Когда придет, я с ним поговорю, – отвечал Серджио, стараясь придать голосу строгости. Отличный повод, чтобы оправдать необходимость мужского разговора с глазу на глаз.

Шло время, вот уже Тина отправилась спать, а Маркуса все не было. Стемнело. Мэринелла начинала волноваться.

– Да что же это такое! И на телефон не отвечает! Я ему уже три раза звонила. Серджио, позвони ему, позвони, пожалуйста! – умоляла она мужа.

– Подожди, еще не так уж и поздно. Ну, загулял с друзьями. Так у него же каникулы! – успокаивал он Мэринеллу. Ему совершенно не хотелось звонить сыну, хотелось просто дождаться и поговорить. Но, судя по всему, у его сына был совершенно другой настрой. Серджио хотел только одного, чтобы Маркус все же ночевал дома, а не где-то. Кто знает, сколько всего может успеть произойти в голове подростка за все это время? – Не переживай, я поговорю с ним. Лучше иди, отдохни, сегодня был тяжелый день. Я все равно хотел еще телевизор посмотреть.

– О, нет. Телевизор я с тобой смотреть не буду, пойду лучше книгу почитаю! – сказала Мэринелла, вдруг успокоившись. – Ты и вправду с ним поговоришь? Только аккуратно, я не хочу, чтобы вы поссорились перед самым днем рождения! – сказала она, понимая, что ответственность за воспитательную беседу полностью переложена на плечи мужа.

– Конечно поговорю, – стараясь максимально успокоить жену своим уверенным и мягким тоном, проговорил Серджио. – Не волнуйся, все будет в порядке. Если он не придет после полуночи, я позвоню родителям Брит, они наверняка должны знать, где они колобродят. Да вспомни себя в его годы! Меня, например, дома почти не было, особенно в каникулы! – Серджио улыбнулся.

– Ты же знаешь, я была совсем другой! – Мэринелла пожала плечами и, улыбаясь, пошла в комнату. – Ты ведь придешь ко мне через какое-то время?

– Да, родная! – отвечал Серджио мягко и нежно. Он даже улыбнулся, порадовавшись за свое актерское мастерство. Мэринелла поднялась по лестнице и скрылась в спальне. Серджио развалился на диване в гостиной и медленно выдохнул. Он одновременно порадовался тому, что, наконец, остался в одиночестве и может быть собой, и был озадачен, потому что одиночество сегодня означало только то, что он через несколько мгновений останется наедине с очень неприятными мыслями. «Как перед приемом у зубного врача!», подумалось ему, «Впрочем, я

ничего не предугадаю наперед, лучше включить телевизор». Серджио щелкнул пультом и принялся внимательно смотреть какую-то передачу, всем своим существом стараясь направить внимание на быт южноамериканских индейцев.

– О, южноамериканские индейцы! – обрадовалась Мэринелла за его спиной. Серджио невольно вздрогнул.

– А я решила выпить еще чаю, проходила мимо... – сказала она, как будто оправдываясь. Не успел Серджио ничего предпринять, как его жена уже сидела рядом, прильнув к нему. Серджио постарался расслабиться и сделать вид, что чрезвычайно заинтересован передачей.

– Я не знала, что тебе интересна антропология! – улыбнулась Мэринелла.

– Ну, нужно же мне о чем-то новом с женой разговаривать! – ответил Серджио, хитро глядя на жену. Мэринелла поцеловала его в щеку.

– Меня сейчас стошнит! – сказал Кёрли, глядя на своих родителей.

– Господи, Маркус! – Мэринелла и Серджио вздрогнули от неожиданности. – Ты так неслышно пришел!

– Я подкрался незаметно... – едва выговорил их сын.

– Маркус, ты пьян? – взволнованно спросила Мэринелла сына.

– Конечно, мама, я пьян, но волноваться *об этом* тебе не нужно, – сказал Кёрли ровным и спокойным голосом.

– О, Боже! Серджио, ты слышишь, как он говорит с матерью?
Боже! Он пьян, а ему ведь еще нет шестнадцати!

– Ну, это не беда, скоро будет... – отвечал Кёрли. – О Боже, Серджио, о Господи! – передразнил он мать. – Видишь, папа, как мама на тебя *полагается*?

– Перестань так разговаривать с родителями! – строго сказал Серджио.

– А то что? Я раньше никогда не нарушал правил, не знаю, что за это полагается! Меня лишат сладкого?

– О, Маркус! Ты – невыносим! Да что же это с тобой! Я никогда тебя не видела таким!

– Мама, только, пожалуйста, не расстраивайся. Не надо, береги нервы, они тебе еще пригодятся... – Серджио нервно встал с дивана и строго посмотрел на сына. Кёрли продолжал говорить заплетающимся языком, – Мама, я пьян. Папа, я пьян. И вы должны к этому потихоньку привыкать! Меня ждет взрослая жизнь, а я совершенно не хочу взрослеть, потому что во взрослой жизни чудовищно много дерьма, с которым я не хочу иметь дела!

– Мэринелла, милая, тебе лучше идти в спальню... – примирительным голосом сказал Серджио.

– Ой-ой-ой, меня сегодня почему-то тошнит от нежностей... – сдавленным голосом проговорил Кёрли. – И почему же это? Может быть, папа знает, почему? – Кёрли посмотрел на отца. Серджио почувствовал себя неуютно и виновато.

– Прекрати немедленно! – сказал он, придав голосу как можно больше жесткости. – Мало того, что у тебя хватило наглости явиться домой в таком состоянии...

– О, я, оказывается, мог и не являться! – обрадованно воскликнул Кёрли, направляясь к двери. Серджио поймал его за одежду.

– Стоять! Я не договорил!

– О наглости? – с издевкой в голосе спросил Кёрли.

– Я не могу этого больше выносить! – сказала Мэринелла и быстрым шагом скрылась на втором этаже. – Маркус, я с тобой поговорю завтра, когда ты протрезвеешь! – донеслось оттуда.

– Ты что творишь, Маркус? – строго спросил Серджио.

– Что я творю? Да то, что я творю – детский лепет по сравнению с тем, что творишь ты! – громким шепотом сказал Кёрли. Он уже казался не таким пьяным.

– Ты притворился пьяным? – недоуменно спросил Серджио сына.

– Я притворился пьяным в салат, чтобы мать не выдержала и скорее оставила свои причитания при себе, а нас наедине. Но я, конечно, пил и пил много, – ровно отвечал Кёрли. Серджио вдруг понял, что его сын не так уж прост.

– Слушай, сын, я должен тебе кое-что объяснить... – начал Серджио, с трудом подбирая слова.

– Даже интересно, как ты собираешься это объяснить! – хмыкнул Кёрли, складывая руки на груди. – Я с ребятами ставки делал, на то, что ты мне скажешь!

– Ты? С ребятами?! – пытаюсь перебороть приступ гнева, задал вопрос Серджио. – Делал ставки?!

– А чему ты удивляешься? Вы там лизались на виду у моих лучших друзей так долго, что они успели все обсудить! И только потом я понял, что это – ты! Мой отец с какой-то... какой-то... курицей! Чем моя мама заслужила такое отношение к себе?!

– Послушай, все это очень сложно, и ты прав, мне будет нелегко объяснить тебе, что же произошло, – Серджио судорожно пытался придумать «смягчающие обстоятельства», – Я и мама, мы очень давно в месте, у меня был сложный период на работе, а тут подвернулась она, ну ты наверное понимаешь, средний возраст, кризис... – слова сами вылетали из уст Серджио.

– Старая как мир история. Мне уже скучно... – пожал плечами Кёрли. – Я думал, ты у меня другой, особенный. Я думал, у вас с мамой все по-настоящему! Я всю свою жизнь думал, что у кого-кого, а у вас с ней настоящая любовь! Ты что же, не видишь, как она до сих пор любит тебя, как постоянно добивается твоего внимания? А ты... а ты... Ты – предатель!

– Не надо делать поспешных выводов, Маркус! Да, я ошибся. Я это понял, но ты зачем-то делаешь из всего этого трагедию!

– А ты ломаешь комедию! – возразил Кёрли. – Ты ничего не понял, если считаешь, что это не серьезно!

– Мир это не только черное и белое! Есть еще и полутона! Я тоже был как ты, был максималистом, и видел только правильное и не

правильное, но в жизни все сложнее! Иногда бывает, что ты что-то делаешь, и это кому-то кажется не правильным, но ты иначе не можешь! – отвечал Серджио.

– То есть ты иначе не можешь? Ты не можешь не изменять маме?

– Нет, я вовсе не то имел ввиду. Не цепляйся к словам!

– Нет, ты именно это имел ввиду!

– Мне лучше знать, что я имею ввиду! Слушай, это был разовый эпизод. Да, я ошибся. Знаешь, говорят, седина в бороду – бес в ребро, всякое бывает. Я – человек и я могу ошибаться. Но это не конец света!

– Ничего себе не конец света! Да я... я не знаю, как можно тебе верить после всего этого!

– Я не предавал тебя!

– Ты предал маму!

– Послушай, это наше с мамой личное дело. В конце концов, ты не можешь и не должен принимать участие в том, что у нас с ней происходит. Ты же не собираешься... меня шантажировать?

– Нет, боже... Нет, отец! Я сейчас же просто пойду и все расскажу ей, какое ты чудовище! Как ты мог подумать обо мне такое, как ты можешь вообще...

– Стой! погоди!

– Я не хочу тебя слушать! Она должна знать правду! – Маркус направился в комнату к матери.

– Нет, выслушай меня, пожалуйста, выслушай! – Серджио остановил его.

– У тебя минута, чтобы убедить меня в обратном. Ми-ну-та!

– Слушай, давай поговорим как мужчина с женщиной! Я понимаю, ты расстроен, твой мир как будто рухнул, ты чувствуешь себя потерянным и это ужасное чувство. Это ненормально, вся ситуация по сути своей ужасна, и я очень жалею, что оступися и ты стал тому свидетелем, я очень жалею, что так поступил, и я больше не совершу такой ошибки. Тебе больно, но подумай, каково будет маме, если она узнает? И должна ли она об этом знать, если это был первый и последний раз? Это и вправду был последний раз. Я уже сказал ей, что все кончено. Хочешь, проверь, позвони ей. Она никто и она ничего не значит для меня, я просто поддался сиюминутному желанию. Ты же сам должен знать, что происходит с женщиной, когда он видит симпатичную сексуальную девушку. Я потерял голову. Но я благодарен судьбе, что ты увидел меня. Я понял свою ошибку, я чудовищно облажался, я даже не понимал насколько это ужасно, пока не стал говорить с тобой. Но сейчас я все понимаю, и ты должен понять меня: если мама узнает об этом, это разрушит ее мир, только ей будет в сотню, нет, в тысячу раз больнее, чем тебе, потому что для нее наша семья значит очень-очень много. Я понял свою ошибку, я больше ее не повторю, и ты тому свидетель, но я прошу тебя, не рассказывай матери!

– Я подумаю над твоими словами.

Кёрли чувствовал себя странно. Отец сейчас казался ему необыкновенно слабым и раздавленным, зависимым. «Неужели это и есть взросление, когда ты понимаешь, что твой отец не сильнее и не лучше тебя самого? Должна ли мама знать правду?» впервые задумался Кёрли. До разговора с отцом ему было очевидно, что должна. Теперь он начинал сомневаться.

– Ну, что ты молчишь? – спросил Серджио срывающимся голосом, его нервы начинали сдавать от напряжения, ему казалось, что его сын в данную минуту принимает важное решение.

– Оставь меня. Не бойся, я пойду не к маме. Мне нужно побыть одному! – сказал Кёрли, направляясь в свою комнату. Серджио простил ему его грубый тон, сейчас было не до воспитания. Да и какое воспитание? Его сын, кажется, внезапно повзрослел. Кажется, его сын все понял. Пусть не правильно (да и можно ли эту ситуацию понять *правильно*? И что такое «правильно»?), но так, как было выгодно самому Серджио. А ему было выгодно, чтобы он молчал. Но будет ли Маркус в таком же настроении завтра, в день своего рождения? И вообще, как он будет себя вести завтра? Не заподозрит ли Мэринелла чего? Серджио глубоко вздохнул, достал невысокий стакан и плеснул себе пятьдесят грамм виски. Не успел он поднести его к губам, послышались шаги. Это была Мэринелла.

– Ну что, буря миновала? Что там у него случилось? Расстался с девушкой? Ты что тут делаешь? – засыпала она мужа вопросами.

– Размышляю о пагубном влиянии алкоголя на детскую психику, – отвечал Серджио, стараясь не показывать, как он расстроен, что ему не удалось побыть одному хотя бы до тех пор, пока он допьет.

– Не расстраивайся, – примирительным тоном начала Мэринелла, – я конечно, тоже в шоке, но не будем акцентировать на этом внимание, а то еще решит, что таким образом может нами манипулировать. Я пока была в спальне, пыталась уснуть, так и подумала, что всякое бывает, все-таки подростки, новое поколение. Главное, чтобы наркотики не употреблял.

– Да, ты права, – сказал Серджио, одним махом осушив стакан, – Пойдем скорее спать, сегодня был тяжелый день и вечер, и кто знает, что будет завтра?

– Пойдем, милый! – отвечала Мэринелла.

Тем временем Кёрли сидел на полу своей комнаты, прислонившись спиной к кровати. Опынение как рукой сняло, но он только острее понял, как бы ему сейчас хотелось забыться и скорее заснуть, и чтобы его больше ничего не мучало, особенно этот вопрос. Есть ли на него ответ? Кёрли злился. Может ли быть ответ на такой вопрос? Его ли это дело? Как ему теперь жить с этим знанием и молчать? С другой стороны, если его отец говорит правду, и это разовый эпизод, лучше смолчать и «прикрыть его задницу», может быть, в таком случае, лучше держать все в тайне.

Имеет ли право он решать, что верно для матери? Имеет ли право отец решать, что верно? И что верно? И кто такой на самом деле его отец? Знает ли он этого человека? И что на самом деле меняет новое знание? Можно ли ему доверять теперь? Похоже, он действительно раскаивался. Хочется верить. А должен ли он верить отцу? « В конце концов, он прав, он не предавал меня. Имею ли я право вмешиваться в то, что у них с мамой? Что же такое получается? Мама, папа, Тина и я – самые близкие друг другу люди, но то, что творится у мамы с папой не мое дело. Впрочем, логично. Мне бы не хотелось, чтобы они совались в мою личную жизнь. Но ведь если бы я женился, и моя жена мне изменила на глазах у мамы или, скажем, папы, они бы мне сообщили. А если у них с мамой больше ничего нет и давно нет? Зачем они тогда вместе? Но как же нет, если мама так его любит? Значит, с ее стороны что-то есть. А раз он ей изменил, значит, он ее не любит. Я же не хочу целовать никакую другую девчонку, кроме Брит. Почему тогда не скажет правды? Боится, что мама его не простит и они разойдутся? А для чего семья, где нет любви? Для детей? Я уж как-нибудь, перенесу это. Тина тоже привыкнет, сейчас почти все разводятся рано или поздно, и ничего. Вот если я когда-нибудь женюсь, то только по любви и никогда не буду делать, как отец. Если он не любит маму, то пусть кто-нибудь еще ее полюбит. Это нечестно, если она всю жизнь будет любить его, а он будет целоваться со всякими курицами. А вдруг, это все-таки

было в первый и последний раз? Как было, когда я однажды по пьяни или из любопытства (сам не пойму до конца) поцеловался с Ким?» Так думал Кёрли, мысли его метались из стороны в сторону, принимая то позицию, которую озвучил отец, то ту, которую он сам считал правильной и честной. Он чувствовал, что немалая часть ответственности лежит сейчас именно на нем. Ему решать: говорить правду, или нет, и в какой форме, и зачем говорить, и зачем умалчивать. Но как такое возможно решать?

Кёрли шумно выдохнул. «С меня хватит на сегодня!» подумал он, включил компьютер и стал искать чего бы такого послушать.

– Привет! – написала ему Брит. – Ну, как ты?

– Да ну, скажешь тоже! Как я? – ответил он.

– Сам не знаешь? И то верно, и как можно знать это наверняка?

– Давай пока закроем эту тему. Я хочу отвлечься, – ответил Кёрли.

– Ладно, но ты там дров не ломай и не торопись. Посмотри, как будет развиваться ситуация. Все, молчу-молчу.

– Поехали завтра к черту на рога? Не хочу участвовать в этом фарсе!

– Я подумаю, что можно сделать! Я думаю, можно будет...

– Только мама там что-то грандиозное затеяла. Я говорил ей, что не хочу, а она готовилась, наверное, месяц, если не больше. Ну и что с этим делать? – Кёрли хотел добавить: «Что делать с тем, что я не хочу завтра видеть никого, кроме тебя?», но смолчал.

- Дай-ка пораскинуть мозгами! А что если там будет так много народа, что они не заметят твоего отсутствия?
- Угу, отсутствия именинника. Или предлагаешь в срочном порядке искать мне двойника?
- Лучше клонировать. Хотя нет, это нарушает наше законодательство. Придется найти вход в параллельный мир, где есть Кёрли, который не против лишней раз отметить собственный день рождения.
- Рассмешила! – Кёрли нежно улыбался, глядя на светящийся экран.
- Ладно, хватит париться, иди лучше поспи, давно пора, три ночи уже. Я завтра приду к тебе на день варенья с мешками под глазами, бледная и всклокоченная.
- Не заливай! В нашем возрасте недосып проходит бесследно! Надо пользоваться преимуществами! Давай еще поболтаем?
- Неугомонный Кудряха! Ладно, так и быть, стихи тебе скину! – Брит поставила смайлик.
- Ура! – ответил Кёрли и впился глазами в восьмистишье. Он вдруг разволновался и почувствовал, как теплая волна накрывает все его тело. «Неужели это мне? Неужели это про меня?»
- закружились в голове новые мысли, теплые и дрожащие, такие далекие от предыдущих волнений, как будто это два разных человека и два разных мира. «Тонкие бледные пальцы и кудри в

танце», – прочитал Кёрли шепотом, непроизвольно запустив пятерню в свою шикарную шевелюру, как будто проверяя, на месте ли его итальянские кудри. «На месте!», Кёрли почувствовал, как по его лицу широко расплывается улыбка. Это про него. Это про него! Что это значит? Да много чего значит! « Это значит, что я что-то значу для нее. Что за каламбур?», настроение Кёрли кардинально изменилось, ему захотелось прыгать от радости. Нет, стихи не были признанием в любви, скорее в симпатии, хотя от простой симпатии едва ли будешь обращать большое внимание на глаза, волосы и пальцы в стихах. Мурашки побежали по коже. Ох, как же любопытно! Она же не случайно дала мне их почитать?

– Что ты думаешь? – спросила Брит.

– Ты еще спрашиваешь? – удивился Кёрли. – Это потрясающе! Мне так понравились!

– Смущаешь, – отвечала Брит.

– Кто кого смущает! – печатал Кёрли.

– Какой ты... впечатлительный! – удивилась девушка. – Иди спать, достаточно впечатлений на сегодня.

– Да, пожалуй... – послушно отвечал Кёрли, про себя подумав «уснешь тут после таких стихов».

Вот уже Брит вышла из сети, а он все слушал музыку, совершенно забыв о тревогах и потрясениях дня. Все его мысли занимала только она. Он был ей небезразличен. Если плохое – как гром среди ясного неба, то это, это... как случайно найденная,

неожиданная музыкальная гармония. Кёрли наслаждался внезапно обретенным спокойствием, оно было неожиданным и приятным, и, соединившись с накопившейся усталостью, как компоненты одного причудливого коктейля, нежданное спокойствие и оправданная усталость превратились в крепкий здоровый сон. К сожалению для Кёрли он оказался недолгим: уже в девять утра его разбудила взволнованная мать.

- Маркус, хватит спать! Сегодня такой день! Нужно столько всего успеть! – она теребила его за плечо.

– Мааам, – застонал, с трудом прорываясь сквозь сонливость Маркус, – Можно хотя бы в мой собственный день рождения... дать мне... поспать!

– У тебя нет времени на «поспать», да и разве не достаточно! Давай, вставай, приводи себя в порядок, я выхожу, чтобы тебе не мешать, – сказала Мэринелла, направляясь к двери. – Что будешь на завтрак, глазунью или омлет?

– Мааам, – протянул Кёрли, – Ты же знаешь...

– Не «мамкай»! – послышался голос сестры за дверью, Тина удачно передразнила интонации Мэринеллы и теперь смеялась за дверью. Кёрли размахнулся и кинул в дверь подушку, чтобы она захлопнулась.

– Ну и семейка! – воскликнул он. – Какие угодно издевательства, вместо нормального поздравления! Лучше бы дали поспать часов до одиннадцати, а еще лучше до двенадцати, торт в постель,

аудиосистему в подарок и отпустили бы на все четыре стороны! Вот это был бы подарок! – продолжал он бубнить себе под нос, нехотя одеваясь. Кёрли посмотрел на себя в зеркало. Удивительно свежий вид для того, кто так поздно, точнее – рано лег, а еще и пил накануне. Воспоминания прошедшего вечера стали медленно возвращаться в его выспавшуюся голову, утро потеряло надежду стать добрым. Кёрли мысленно выругался про себя. Он натянул первую попавшую футболку, джинсы и, нехотя перебирая ногами, пошел вниз.

– Сюрприз! – оглушили его голоса домашних. Кёрли недоуменно разглядывал их, будто они были пришельцами из другой вселенной. «Господи, как же нелепо все это выглядит! Как фальшиво и неправильно!» подумал он, глядя на нарядную сестру, одетую в пышное бирюзовое платье, на отца в праздничном костюме и бирюзовом галстуке, надетым, видимо, по настоянию матери. Мэринелла была в нежно-голубом платье-футляре и держала в руках небольшой шоколадный торт, сверху украшенный вишней. В нем горели шестнадцать свечей.

– С Днем рождения, сынок! – Мэринелла вдруг растрогалась и голос ее чуть дрогнул.

– С Днем рождения, Маркус! – подхватил отец, обняв маму.

– С Днем рождения, братишка! – почти запищала Тина, потряхивая связкой воздушных шаров.

– Эээ... – протянул Кёрли, не зная, что и сказать. – Спасибо! Очень приятно! – он постарался широко улыбнуться. Они так мило старались, нельзя их обижать. Да и потом, как он объяснит свое дурное настроение? Кёрли вообразил себе диалог: «Сынок, ты что такой грустный в свой день рождения?», спросила бы мама, а он бы ей тут же ответил: «Да ничего мама, сущие пустяки, наш папа тебе изменяет с какой-то курицей, но это норма вещей, сама понимаешь, средний возраст, вы давно вместе, а она молодая. Ну что ты, мама, не была молодой, не знаешь, как мужики западают на хорошеньких девушек? Дуреют, сами с собой ничего не могут поделать. У всех ведь бывает, так что ты не переживай!».

– Ох, как же я люблю дни рождения! На завтрак торт и какао! – щебетала довольная Тина, подскакивая к своему стулу. Кёрли подумал: «Зато на ужин была свежая измена, сдобренная алкоголем, чтобы жевать было не тяжело, и двойной ложью».

– Ты не переживай, для твоих гостей я заказала большой торт, так что всем хватит! Этот мы вчера испекли с Тиной для тебя, родной!

– проговорила мама, отрезая ему большой кусок, пропитанный шоколадным кремом. Кёрли улыбнулся и поблагодарил мать, но мысли его были далеко: «Все предусмотрела, все спланировала, и ко всему относится с такой душой... всегда, но разве могла она предусмотреть?».

– А наш большой подарок мы вручим тебе вечером. Будет очень торжественно! – говорил отец, мягко и счастливо улыбаясь. Его

голос был бы приятным и успокаивающим, если бы не одно «но»: теперь Кёрли имел основания усомниться в его искренности. Что его бесило больше всего сейчас, так это то, что он сам должен быть неискренним в эту минуту. И он старался улыбаться и изображать счастье, чтобы не пришлось выдумывать для мамы каких-то новых оправданий своего вчерашнего поведения и сегодняшней грусти.

– Ну, сынок, ты окончательно проснулся и все, я смотрю, в порядке. Я уж боялась, ты сегодня встал не с той ноги, такой у тебя был вид поначалу.

– Похмелье, оно такое! – хохотнул Серджио. Кёрли строго посмотрел на него.

– Серджио, не подкалывай его, сегодня праздник, давайте забудем обо всем, что было вчера! – примирительно сказала Мэринелла.

– Отличная идея! – поддержал жену Серджио, глядя на сына вопросительно.

– Идея и вправду отличная! Хотел бы я забыть об этой боли! – сказал Кёрли, ответив отцу другим взглядом, который должен был означать, что он-то ничего забывать не собирается.

– У тебя болит голова? Сейчас поищу таблетки... – сказала Мэринелла, уже капаясь в аптечке.

– Не надо, все равно не поможет! – ответил Кёрли.

– Ничего нет от головы, надо сходить за рецептом на неделе... – сказала Мэринелла скорее самой себе. Кёрли успел подумать:

«Как хорошо, что нет таблеток, а то если мама случайно узнает, кто знает, может она решит их наглотаться?».

– В следующий раз будет думать, перед тем как напиваться! – прыснула Тина.

– Тина! – шикнула Мэринелла.

– Мы же договорились! – напомнил Серджио дочери. Та кивнула.

– Прости, Маркус, я больше не буду портить тебе настроение!

– Едва ли у тебя получится, даже если будешь стараться! – двусмысленно сказал Кёрли.

День начался. Началась суета. В дом стали заносить какие-то коробки, во дворе уже все было украшено, кругом суетились наемные работники. Кёрли конечно понимал, что шестнадцатилетие принято отмечать с размахом, но почему – в толк взять не мог. Ему в принципе все это было чуждо: казаться каким-то другим, разряженным, всем своим видом олицетворяя «успешность», но не свою. Рисоваться перед всеми, изображая взрослого. Кёрли казалось, он был выше этого. С нетерпением он ждал только самого конца вечера – когда он будет выступать со своей командой, потом подарки, и после этого он может быть абсолютно свободен! О, он ждал этого. Он торопил время. Но время ползло медленно, как слизняк. Даже Брит еще не позвонила. Ко всему, конечно, добавлялось похмелье, которое не собиралось исчезать только из-за того, что о нем перестали вспоминать. Сам виноват, но, вроде как, имел право напиться. День начинался, и

день обещал быть жарким. Уже во всю припекало солнце. Кёрли сидел на небольшой сцене. Еще столько всего нужно было сделать с ребятами! «Подключить аппаратуру, настроить звук... да нет, дожить до вечера, или до того, как придет Брит, что намного быстрее, надеюсь» думал Кёрли. «Да, думать о Брит куда приятнее...» размышлял Кёрли, вспоминая позднюю переписку. Серджио следил за возней Мэринеллы. Он хотел было ей помочь, но совершенно не знал, за что хвататься, что делать, куда нести, да и она сказала, что лучше бы он ей не мешал своими вопросами, ведь ей проще все сделать самой, чем объяснять ему, как все должно быть. Раньше Серджио воспринял бы подобное освобождение от дел «на ура», но сейчас ему просто необходимо было чем-то заняться, чтобы отвлечься от невеселых мыслей. Судя по всему, сын и так не рад всей этой шумихе (а он говорил жене, что не обязательно устраивать все это безумие), а он вчера окончательно испортил ему праздник. Да, незавидное положение у Маркуса. Что ж, бывает и такое. Позлится, позлится и успокоится. Главное, чтобы матери ничего не говорил. Кажется, в этом он убедил его еще вчера, первоклассно разыграв раскаяние. Раскаивался ли он? Конечно, нет. Как можно раскаиваться в том, чего он хотел всей своей душой? Он хотел быть с Инес и он был с ней. Да, если подумать, Маркус в чем-то прав и это не честно по отношению к Мэринелле, но с другой стороны – ее же все устраивает, пока она ничего не знает? А если все устраивает,

почему он не может жить так, как ему хочется, если он это делает не затрагивая ничьих интересов? Разве не достаточно ей того, что он женат на ней все эти годы, и что у них двое совместных детей? Да и потом, он ведь любил ее. Любил и сильно. Даже скучал по ней иногда. Но как-то все это по-другому, совсем иначе, не так как с Инес. Да, Инес бы так ни за что и никогда не стала делать. Она бы никогда не окружила его такой любовью и теплом, никогда бы не заботилась так о детях и вообще едва ли когда-нибудь их захотела. Это Серджио прекрасно понимал. Как же ловко Мэринелла со всем управлялась! Как красиво двигалась, то относя куда-то украшения для сцены, то ставя в холодильник самодельные закуски «только для домашних», которые невозможно было заказать нигде, потому что они были приготовлены по семейным рецептам.

– Ты что так смотришь? – спросила Мэринелла, смутившись.

– Как «так»? – спросил Серджио недоуменно.

– Как влюбленный! – радостно отвечала Мэринелла. – Как тебе мое платье? – спросила она, расправляя чуть помявшуюся ткань на бедрах. Серджио посмотрел на нее. Фигура у Мэринеллы чуть расплылась за последние годы, особенно ниже талии, но это ее не портило. Наоборот, она была такая милая, такая домашняя. «Разве сыщешь хоть одну такую где-нибудь?» подумал Серджио.

«Конечно, среди домохозяек есть разные. Но моя-то не домохозяйка вовсе. В Университете преподает и все ею довольны,

студенты любят, коллеги боготворят, некоторые даже слишком, некоторым следовало и поменьше. Другая бы на этом остановилась, а она еще по дому хлопочет и хлопочет!».

– Ты не ответил. Мне не идет? – чуть расстроено спросила она.

– Нет, милая, я просто задумался, – отвечал Серджио.

– О чем? – спросила она любопытно.

– О том, что ты у меня уникальная! – с любовью в голосе сказал Серджио.

– Вот именно, папа, она у тебя уникальная! – сказал Кёрли, зайдя на кухню в поисках питья.

– Знаю, сынок, знаю... – отвечал Серджио вздохнув. «Интересно, сын так и будет меня постоянно подкалывать? Главное, чтобы незаметно для Мэринеллы, конечно, но меня все равно начинает бесить!» подумал он.

– Засмущали меня, мальчики! Я такая счастливая сегодня, и сама не знаю почему! – тараторила Мэринелла, пробуя пальцем, остыл ли заварной крем.

– Мама, они уже давно не мальчики! – комично нахмурившись заявила Тина.

– Да уж! – хмыкнул Кёрли, и, прихватив с собой еще один стакан сока, скрылся на втором этаже.

– Мам, он так много пьет! Ужас! – пожаловалась Тина.

– Сегодня просто очень жарко! – отвечала Мэринелла, обменявшись понимающими взглядами с Серджио.

– Вы хотели сказать сегодня у него «похмелье»? – спросила Тина хитро.

– Тина! Договорились же! – Серджио подавил смешок.

– Он ничего не слышит!

– И в кого она такая язва растет? – спросил Серджио Мэринеллу. Жена улыбнулась. Тина обиделась.

– Наверное, в бабушку! – заявила она, напоминая о нелегком характере матери Серджио.

– Поговори мне еще! – строго осадил ее отец. – Посмотрим что ты будешь говорить о похмелье через десять лет!

– Серджио! – воскликнула Мэринелла. – Ей будет всего восемнадцать!

– О, вот и узнаю! – довольно сказала Тина.

– Ты что? Не смей! Не дай Бог! – отругала ее мать.

– А что, Маркусу вот шестнадцать только сегодня исполнилось! А мне в восемнадцать нельзя? А когда можно?

– Никогда! Ты же девочка! – отвечала Мэринелла.

– Конечно, мама права, лучше никогда! Но так не получится! Мама и сама знает... – сказал Серджио, хитро улыбаясь.

Мэринелла любя толкнула его локтем. Серджио придвинулся к жене, от нее так приятно, по-домашнему пахло, и вся она... стала вдруг необъяснимо притягательной. Мэринелла чуть смутилась, глядя на дочь. Тина понимающе посмотрела на отца и мать и побежала к выходу из дома.

– Не забудь надеть шляпу, милая! Голову напечет! – прокричала вслед Мэринелла, придерживая руку Серджио на своих бедрах. Кёрли нехотя переоделся по настоянию матери, уже через час все должно было начаться, а он сидел на сцене как свадебный музыкант, разодетый в белую рубашку и черный костюм. На шее висела не завязанная бабочка, ему почему-то не хотелось ее завязывать до последнего, как будто оставить ее висеть так – это последний шанс хоть что-то оставить незаконченным, не идеальным. Его снова начинал тяготить предстоящий день, и настроение его портилось с каждой минутой все сильнее и сильнее. Брит так и не позвонила, Кёрли начинал беситься. Он вспомнил, что в ее день рождения он едва дождался утра, чтобы ее скорее поздравить, и .. может быть, может быть ее голос это единственное, что сейчас для него важно, что сейчас ему будет приятно, а она все не звонит. «Долбанутый день рождения намечается...» успел подумать Кёрли, когда увидел, как к нему направляется мама при полном параде.

– Маркус, сынок, ну что ты снова грустишь? Скоро придут твои друзья, знакомые, будет весело! – Мэринелла постаралась его ободрить. Сама она чувствовала себя прекрасно, настроение было приподнятое, все получалось именно так, как ей хотелось, еще и Серджио, о, Серджио...

– Да, мам. Просто так, мам. – Кёрли не знал, что еще ему сказать, он снова старался улыбаться как можно более естественно. «Вот

что ей сказать? Мой день рождения полный отстой, я вообще никогда не хотел его так отмечать, я никогда не хотел всей этой возни. Вот может быть Тина и получила бы удовольствие от всех этих шатров, шаров, скоро еще приедут аниматоры и жонглеры, как будто я, черт возьми, королева Виктория. А я, будь оно не ладно, совсем не королева, ну совсем! Я – Кёрли, и я хочу быть с Брит, со своими самыми близкими друзьями, играть музыку и... нет, пить виски с колой я не хочу. Еще я хочу уехать куда-нибудь подальше, чтобы не видеть, как папа-предатель тебя обнимает, и как ты ему приклоняешься, как язычница, как будто он твой идол. А он, наверное, такой и есть! Камень! Господи, какой же кругом идиотизм...». – Спасибо мам, я сам, я сам... – остановил ее Кёрли, когда она попыталась завязать его бабочку. Мэринелла растрогалась:

– Твой отец наоборот, любит, когда я завязываю ему галстук или бабочку. Я знаю, что ты самостоятельный, но мне было бы приятно сделать это и для тебя.

– Меньше всего я хочу сейчас быть похожим на отца! – заявил Кёрли.

– Тебе что-то не нравится в отце? Он тебя чем-то обидел? Я заметила, вы как-то напряженно разговариваете последнее время. Или мне показалось? – спросила Мэринелла.

– Да так... было кое-какое недопонимание... – Кёрли подавил навязчивое желание рассказать правду. – Тебе незачем знать, это наши дела, – сказал Кёрли: «Даже не соврал», подумал он.

– Можешь не говорить, если не хочешь, – сказала она, выжидая, вдруг сын захочет поделиться.

– Едва ли... это личное, – проговорил Кёрли.

– У моего сына уже появилось что-то личное, что можно скрывать от матери и обсуждать с отцом? – Мэринелла оживилась. Кёрли подумал, что это неплохой шанс выкрутиться.

– Да, – коротко ответил он.

– Ну, смотри, а то, что касается девчонок, я тоже могу подсказать, так сказать, выдать наши секреты. Эх, Маркус, сынок, ты такой красивый, такой взрослый, такой серьезный! – сказала Мэринелла, разглядывая сына и любуясь им. – Была бы я твоего возраста, ты бы разбил мое сердце! Да ты уже не одно разбил, да? – Мэринелла подмигнула.

– Не хотел бы я ничего разбивать... – сказал Кёрли. «Хотел бы одно завоевать, всего одно! А она почему-то не звонит! Да уж, мама, наверное, в юности была «трепетной прилипалой», а я таких не люблю. И не помогут мне ее «секреты», вижу, как они работают, прямо безотказно».

Время начало идти быстрее. Все закрутилось перед глазами в какой-то разноцветной суете. Кёрли явственно чувствовал, что его тело как будто существует отдельно от него самого: его тело

наряжено в праздничный костюм, улыбается и принимает поздравления от якобы друзей и знакомых, все они тоже разряжены, кто во что, особенно девчонки. Некоторых одноклассников он и вовсе не хотел бы видеть, но мама, видимо, думает, что они друзья. Забавно, но сами одноклассники тоже теперь думают, что они друзья: еще бы, халявные угощения и развлечения, наверняка рассчитывают на припасенную втайне от мамы выпивку или что-то в этом духе.

– Маркус, все так круто! Просто вынос мозга! – восторженно доносилось со всех сторон.

– О, хавчик! – со стороны столов.

– Ух ты, жонглеры! А огненное шоу будет? Вечером? Нет, не будет? Так будет или нет? Или мы зря пришли? – тараторили две подруги, Ким и Хуана, одетые, почти как близнецы в какие-то вульгарные платья одинакового красного цвета. «Неужели из всей моей тусовки пока пришли только эти двое, которые непонятно как туда попали!» разочарованно подумал Кёрли.

– Маркус, а где тут что-нибудь покрепче колы, или ты еще маленький? – спрашивал один его знакомый, с которым они учились вместе в начальной школе. «Мама, наверное, решила собрать всех, чьи телефоны записаны в ее старой записной книжке! Досада!» пронеслось в голове у именинника.

– Маркус, старина, с Днем Рождения тебя! Всего тебе и побольше!

– снова послышалось откуда-то.

– Ты что так долго думаешь? Не тормози! С чем эти рулетики? Мне жизненно важно знать! Ты же помнишь, у меня аллергия на арахис! – спрашивала еще одна его одноклассница, которая постоянно его домогалась. «Как будто я обязан помнить, на что у тебя аллергия!», процедил сквозь зубы Маркус.

– Куда подарки-то складывать? – спросил кто-то, держа в руках красивую коробку с какой-нибудь ненужной белибердой. «Почем я знаю, у мамы моей спроси, это «ее» день рождения», подумал Кёрли, но смолчал и пожал плечами. Он вдруг вспомнил, что забыл свой телефон в комнате. «А вдруг мне Брит звонила?», он скорее пошел в свою комнату. Через толпу приглашенных уже надо было пробиваться: набралось человек сорок, и все смотрели на него в каком-то ожидании. Кёрли почувствовал облегчение, оказавшись в доме, где никого вроде бы не было. Он поднимался по лестнице и вдруг услышал голос отца:

– Нет, я же сказал «нет», – строго проговорил он. «Наверное, курица звонила!», догадался Кёрли мгновенно, «все-таки не врет, вроде посылает ее...», обрадовался Кёрли и решил подслушать дальнейший разговор, чтобы разобраться, что к чему. – Нет, у нас не получится, – все так же строго говорил Серджио. Он говорил по телефону в коридоре на втором этаже, глядя в окно на то, как внизу Мэринелла поправляет платье Тины и что-то ей говорит. Там же внизу копошилась разношерстная толпа приглашенных, у сцены сидел темноволосый парнишка в черно-белом костюме.

«Сидит, отверженный герой», думал Серджио, чуть усмехнувшись, и вспоминая, каким был сам в шестнадцать. Он не слышал, как чуть раньше хлопнула входная дверь, и не слышал, как Маркус поднимался по лестнице. Кёрли не видел отца, но прекрасно слышал его голос, он не хотел смотреть, где тот находится, чтобы не выдать себя. И вот, услышав слова отца, сказанные кому-то по телефону, он почувствовал мгновенное облегчение. «Значит, отцу все же можно доверять», подумал он и почувствовал, как быстро улучшается его настроение, как будто мир был черно-белым и снова наполняется красками. Но следующая фраза мгновенно подкосила Кёрли. Он снова ощутил то сильное разочарование, которое выбивает землю из-под ног. – Нет, малыш, ты же знаешь, у сына день рождения. Должен же я его убедить... Да, я тоже скучаю по тебе, и по твоим... – Кёрли не смог разобрать последних слов, он не хотел их слышать и одновременно хотел. У него сбилось дыхание. Он застыл на лестнице, снова почувствовав себя потерянным. «Ему нельзя верить!» проносилось в голове у подростка: «Я не могу верить отцу! Как же погано! Вот сволочь! Он думает, он умнее всех! Он хотел меня обмануть, но даже шифроваться толком не умеет! Сволочь! Сволочь! Сволочь!» подумал Кёрли. И снова услышал какой-то ласковый шепот. Он прислушался, чтобы на этот раз разобрать слова. До него донеслось: «Нет, малыш, не искушай меня! Да, я бы тебя оттрахал... Еще как! Но ты же знаешь, я не могу! Нет, не могу...

Инес, господи, я так хочу тебя, я подумаю, ладно, я подумаю, может быть, я улизну на пару часов, никто и не заметит...» говорил Серджио, чуть прикрывая рот рукой, на всякий случай. Кёрли не выдержал. Это было выше его сил. Он перепрыгнул через оставшиеся три ступеньки, схватил со стойки вазу с искусственными цветами и кинул ее в отца. Она пронеслась в нескольких сантиметрах от головы Серджио и разбилась о наличник.

– Сволочь! – выкрикнул он во всю мочь. Серджио выронил из рук телефон, и, онемев, смотрел в сторону сына. Его сын, Маркус, смотрел на него огромными, обезумевшими глазами, застыв в неестественной позе. В эту минуту Серджио понял, что потерял доверие сына навсегда. «Это полный провал!» успел подумать Серджио, «Хорошо, что сын промазал, хотя я, судя по нему, заслужил». Кёрли смотрел на отца. Взгляд отца не был неловким или виноватым, как вчера. Не был потерянным. Отец смотрел на него жестко и холодно, так, как смотрят на врага.

– Я верил тебе! – прокричал Кёрли, его голос сорвался и осип. На глаза сами собой наворачивались слезы, он скорее развернулся и побежал вниз по лестнице.

Внизу ничего не изменилось. «Все та же толпа непонятно кого, пришедших сюда понятно за чем», думал Кёрли. Он злился, он очень сильно злился.

–Эй, поосторожнее! – доносилось со всех сторон, когда он распихивал толпу, чтобы добраться до матери и все ей рассказать.

– Именинник идет, дорогу имениннику! – произнес кто-то важным голосом. Вдруг Кёрли окружили три клоуна с надувными шарами.

– Каждый именинник должен уметь это делать! Ну-ка попробуй, повторяй за нами! – сказал один, быстро сделав собачку из длинного синего шарика.

– Есть у тебя дама сердца? Нет? Тогда вот эта цыпочка подойдет! Иди сюда, как тебя зовут? – спросил второй, с нелепо разукрашенным лицом, привлекая из толпы первую попавшую девушку.

– Джейн, – робко отвечала та, у которой была аллергия на арахис.

– Оставьте меня! – пытался протестовать Кёрли.

– Повторяй за нами, вот смотри – цветочек! – третий быстро проскрипел шариком, придавая ему нужную форму.

– Тадааам! – первый громыхнул хлопушкой, и именинника вместе с девушкой осыпало конфетти.

– Можете поцеловаться! – Джейн покрылась румянцем и уже начинала надеяться на поцелуй, но Кёрли вдруг вышел из себя и накричал на клоунов:

– Да оставьте меня, наконец! – он вырвался из их цепких рук и снова стал искать взглядом мать. Когда он отделился от клоунов метра на три, один сказал другому:

– Я же говорю, охреневшая мелкота! Ничего в жизни не смыслят, а туда же! Думают, нам тут кайфово шары крутить?

Кёрли никак не мог найти мать, Тина носилась неподалеку, а мамы не было. «Я ей все расскажу! Она должна знать! Она должна знать!» пульсировало в голове у Кёрли.

– С Днем Рождения, Маркус! – снова слышалось то слева, то справа. У Кёрли не было ни времени, ни желания что-либо отвечать.

– С Днем Рождения, Марчелло! Когда подадут праздничную пасту? – спросил его знакомый до ужаса голос.

– Виктор! Сука! – Кёрли развернулся и дал ему кулаком по накачанному прессу. Удар оказался сильнее, чем следует. Виктор чуть согнулся и едва слышно застонал. – Прости, брат, я случайно, меня тут достали все!

– Да ничего, бывает, – отвечал Виктор. Оба рассмеялись и похлопали друг друга по плечам. – Я знал, ты меня любишь, старый ты макаронник! – Виктор продолжал смеяться.

– Сейчас я покажу тебе, где паста, сейчас своим фарфоровым кукольным личиком прочухаешь! – Кёрли зажал его голову рукой.

– Виктор, ты ж качок, что ты позволяешь этому тощему! – послышалось откуда-то.

– Я поддаюсь, все-таки именинник. Ну где, где твоя паста? – спросил он Кёрли. Тот, все еще держа голову Виктора зажатой, потащил его к столу.

– Сейчас узнаешь! – сказал он, поднимая отполированную крышку, чтобы макнуть туда голову Виктора. Кажется, День Рождения становится веселее! Не какое-нибудь унылое дерьмо! «Как же я рад, что он приперся!» подумал Кёрли, готовясь к большому веселью. Сейчас он всем покажет, что такое День Рождения мечты!

– Мальчики, мальчики, прекратите! – подскочила мама.

– Мама, не мешай, у нас свои дела. Сейчас я его макну в пасту и отпущу! – сказал Кёрли, с трудом сдерживая упирающегося Виктора.

– Серджио, Серджио! Да что же это такое! Прекрати немедленно! – причитала она.

– Нет, только не в пасту, я тебя умоляю, у меня будет химический ожог! – Виктор вошел в роль. Кёрли едва сдерживал смех, в толпе то и дело слышались смешки тех, кто знал, что они друзья и подначивание тех, кто ожидал «крутого замеса».

– Мочи его уже! – рыча, прокричал какой-то левый старшекласник.

– Да, мочи! – взвизгнула Ким, то ли подыгрывая им, то ли сама толком не разобравшись, что происходит.

Виктор вырвался из захвата Кёрли и сам схватил его за грудки. Серджио подбежал к паре подростков и уже собирался их разнимать:

– Руки! Руки, молодые люди! Что вы тут устраиваете? – строго спросил он, пытаясь понять, с какой стороны лучше подойти к дерущимся.

– Следите за *своими* руками! – тихо проговорил Виктор, когда Серджио попытался их разнять.

– Поговори мне еще, пришел тут! Здесь не время и не место дракам! Убирайся отсюда! Чтобы глаза мои тебя не видели! – строго заявил Серджио.

– Убери от меня руки, сволочь! – прошипел Кёрли отцу. Серджио, в отличие от Мэринеллы и остальных, понял, кому это было адресовано. Как ответить сыну он не знал, поэтому почти автоматически проговорил:

– Маркус! Ты хочешь себе весь день рождения испортить? Прекрати драку немедленно! – едва подавляя гнев, сказал Серджио сыну.

– Кто бы говорил про испортить день рождения! – процедил сквозь зубы Виктор.

– Испортить? Можно подумать, есть что портить! – не выдержал Кёрли.

– Серджио, что они такое говорят? – недоуменно спросила Мэринелла. – Боже, да что же такое происходит! Маркус!

Прекрати драться! О нет, нет, защищайся! Он же тебе все лицо разукрасит! Боже, сынок! Серджио, сделай что-нибудь!

Виктор и Кёрли, продолжая друг друга периодически колотить для видимости, отодвигались от стола, пытаясь улизнуть от отца и причитающей Мэринеллы, и прорваться через плотное кольцо, образованное зеваками. Серджио пытался ухватить то Маркуса, то Виктора, но они как-то хитро выкручивались из его рук, он невольно чувствовал гордость за сына, и продолжал думать, чем же ему досадила этот блондин, что они схватились не на шутку. «Девчонку не поделили что ли...», думал Серджио. Наконец, ему удалось ухватить Виктора.

– Уберите от меня свои похотливые руки! – огрызнулся Виктор.

– Кто пригласил сюда этого ублюдка? – не выдержал Серджио.

– Я ничего не понимаю! Кто-нибудь объяснит мне, что здесь происходит? – обессилевшим голосом сказала Мэринелла. В голове начинали зарождаться какие-то мысли, которым она была совсем не рада.

– Мам, мне что-то не хорошо! – пролепетала Тина заплетающимся языком и вся обмякла.

– Воды! – послышалась откуда-то справа.

– Малышка, что с тобой? – Мэринелла обеспокоенно смотрела на побледневшую Тину. «Наверное, солнечный удар!» успела подумать она, потрогав ее голову. «Так и есть!» пронеслась в

голове мысль. «Ладно, пусть с мальчиками разбирается Серджио!», рассудила она, пытаясь привести дочь в чувство.

– Не надо меня колотить по щекам, я в порядке! – слабым голосом отвечала Тина, мгновенно приходя в себя. – Что это было?

– Что это было? – разозлившись спросила Мэринелла. – Надо было надевать шляпу, как я говорила! Напугала меня! А где все? – спросила она, имея в виду Маркуса, Виктора и Серджио.

– Меня спрашиваешь? Я была в отключке! – Тина быстро нашлась что ответить. Мэринелла подумала, что дочь действительно растёт язвой.

– Серджио! – позвала Мэринелла. – Боже, что с твоим лицом, милый?

***

– Срать я на них хотел! Чтоб их всех! Ненавижу! Черт, просто зла не хватает, как они меня достали! Подонок! Предатель! Ненавижу! И как мама не видит? Господи, ну и сволочь же! Ну и козел! Она должна знать! Так возится с ним, так липнет к нему, а он, а он... Предатель! А она видимо, дура, что так себя ведет, что ничего не видит! Надо открыть глаза маме, она же хорошая, только зачем-то все это устроила, а мне это нафиг не нужно! Фу, ненавижу... – Кёрли колотил по груше кулаками.

– Давай уже, выговорись! – подбодрила его Брит.

– Да я уже полчаса выговариваюсь, мне не легче! – пожаловался Кёрли.

– А ты представь, что это твой отец! – сказала Брит. Кёрли изо всей силы, как взбесившись, заколотил по красной, потрескавшейся искусственной коже, пропахшей бензином.

– Да он в него уже вазой запустил! – сказал Виктор с ноткой гордости.

– Ого! – охнула Брит.

– Нет, не помогает, – шумно выдохнул Кёрли. – И я промазал, она его даже не задела, – разочарованно отметил он.

– Ладно, переходим к плану В, – сказал Виктор. – Все готовы? – спросил он.

– Да! – из-за старого дивана донеслись голоса.

– Чуваки! – обрадованно проговорил Кёрли, узнав членов своей группы.

– Зажжем? – спросил вокалист.

– Давай, собирайся, через час выступаем!

– Да вы что? Я не готов! Да тут такая срань приключилась... – начал было Кёрли.

– Мы в курсе, слышали! Что тебе собирать?

– Как что? У меня все дома!

– Возьми мой пластик и палки, установка там все равно своя... – сказал Виктор. – И никаких отговорок! Иди и жги!

***

Кёрли лежал на коленях у Брит. Было около полуночи, но ее родители думали, что она отмечает его день рождения. Так, в общем-то, и было. Наконец-то все так, как он того хотел: час назад отыграли концерт, он был собой доволен, остальные говорили, что в него будто демон вселился, так барабанил. «Надо будет запомнить это ощущение» думал Кёрли. Рядом были его друзья, они пили за него и желали ему добра, смеялись и радовались жизни. И ему сейчас было необыкновенно хорошо, так хорошо! Вот его настоящая семья, вот те, кто никогда не предаст и не обманет, те, кто никогда не будет фальшивить, ну разве что... в музыкальном смысле эти придурки конечно, будут еще как фальшивить... Но вот в жизни – нет, никогда. Пальцы Брит ласкали его волосы, и на ум приходили вчерашние стихи, которые она ему написала, сердце Кёрли замирало в сладкой истоме и он уже едва боролся с собой, чтобы не притянуть ее к себе и не поцеловать. Но кругом было столько народа, хоть и своего... Их улюлюканья могли все испортить. «Нет, не таким должен быть первый поцелуй...» думал Кёрли.

***

Мэринэлла обхватила разболевшуюся голову руками. День выдался кошмарный, хуже любых ее самых ужасных ожиданий. Ее подвели не поставщики, не нанятые актеры, не служба кейтринга.

Она сама ничего не забыла, и все должно было пройти как по маслу, а тут... такое! Все пошло не так, как она планировала. Что там с сыном? Непонятно. Похоже, на день рождения завалился его враг и все испортил. Тот накачанный блондин, наверное, увел у него девчонку, что же еще могло произойти! Конечно, девочки любят таких... Где сейчас Маркус? Хочется верить, что все в порядке. Вот, сообщение пришло. «Какой-то незнакомый номер...» подумала Мэринелла. «Он не придет сегодня ночевать, не волнуйтесь, все в порядке. Брит», Мэринелла выдохнула с облегчением. Слава богу, все в порядке. Она никогда не волновалась, если Маркус был с Брит, они были старые друзья, не разлей вода. «А она девочка умненькая и ответственная. Вот, молодец, написала мне, чтобы я не волновалась. Маркус наверное, рисуется, что ему не нужно теперь отчитываться или думает, что имеет право погулять в свой день рождения» подумала Мэринелла. «Но что же там произошло? Так серьезно, что даже Серджио досталось, губу рассекли, хорошо зубы целы. Надо было полицию вызвать, но я до последнего надеялась, что обойдется...».

Мэринелла заварила себе чаю, чтобы успокоиться. Серджио переживал, заперся у себя. Тина спала, устав за день. А у нее был отличный шанс привести мысли в порядок. Мэринелла, несмотря на доводы разума, чувствовала необъяснимо сильную тревогу, которая, будто сквозняк, дула внутри нее. Она чувствовала холод и опустошение. Это ощущение охватило ее без очевидной для нее

причины. Она просто чувствовала и все: чувствовала, как сердце сжимается в груди, чувствовала, как ей тяжело дышать, чувствовала легкое головокружение. Мэринелла испугалась. Такое ощущение подкрадывалось к ней периодически, как призрак, как страх из прошлого, и она его все время гнала от себя. Это было невозможно. Такое в жизни невозможно и она бы не хотела снова пройти через это. Второй раз она просто не выдержит, этого не может быть, и этого больше никогда не будет. Она сделала все, чтобы не допустить этого. Мэринелла пыталась успокоить себя. «Беспочвенно, у тебя нет никаких зацепок, он никогда не давал тебе повода усомниться в себе» думала Мэринелла, «Нет, это невозможно, это прошлое, это прошлое», Мэринелла отхлебнула чаю с мягким жасминовым ароматом. «Какая горечь! Слишком много заварки!» подумала она и помимо воли перенеслась в свои воспоминания. Она вспомнила то, что всегда старалась забыть. Вспомнила то, как ревновала раньше. Вспомнила того, кого любила до Серджио, любила без памяти. Она любила того, другого, так сильно, как только можно себе представить. Она полностью растворялась в нем, она не мыслила себе жизни без него, она была готова за ним на край света – все это избитые сравнения. Она была безраздельно его, и думала, что он также принадлежит только ей. В тот вечер она торопилась домой после аспирантуры. Они жили в небольшой квартирке на окраине Милана. Она торопилась домой... Мэринелла вспомнила запах

старого подъезда, вспомнила, как свет падал на пыльную лестницу, вспомнила запах свежей краски, доносившийся из мастерской. Вспомнила, как хрустел в руках бумажный пакет с продуктами к ужину. Вспомнила, как скрипнула половица и она зашла в мастерскую, а там... там... Мэринелла почувствовала, как в горле затрял комок. «Нет, это прошлое, это прошлое, это прошлое» повторяла она сама себе, а перед глазами уже были застывшие во времени образы, которые она не смогла бы забыть никогда. Ее любимый и та, с которой он писал свою Далилу. Чашка в руках у Мэринеллы тряслась. Она плакала. Дыхание ее сбилось. «Прошлое, прошлое, прошлое» повторяла она про себя, но это было уже бесполезно. Повинуясь порыву, Мэринелла вдруг стала проверять одежду Серджио в шкафу. Она внимательно осматривала пиджаки и рубашки в поисках женских волос, приставших к ткани или каких-нибудь других улик, вроде следов от помады. Мэринелла, как охотничья собака, обнюхивала одежду мужа, в случае если вдруг на ней остался хотя бы «отзвук» женского парфюма. Но Серджио был чист: Мэринелле не удалось обнаружить ни единой зацепки, кроме... Рина вдруг нащупала что-то маленькое и круглое в кармане мужа. Это была женская перламутровая пуговица. Жена Серджио стала судорожно и нервно, боясь, что он может ее застать за этим занятием в любой момент, выворачивать карманы мужа, один за другим, включая потайные. Ей казалось, она вот-вот встанет на след. Вот-вот

поймет что-то важное. Но, Бог знает, как же ей было страшно и стыдно!

«Серджио сидел в своем кабинете и пытался привести мысли в порядок. Было очевидно, что отношения с сыном окончательно испорчены. Как теперь их налаживать – непонятно. Серджио снова винил себя и свою неосторожность: «Старый дурак, мало одного раза, и второй раз так глупо попался! Это все потому, что ты потерял голову!». Серджио трогал рассеченную губу, она неприятно ныла. «Еще этот кентавр заехал!» подумал он, «надо было ему вломить хорошенько или вызвать полицию! Кошмар какой-то, сегодня все просто невменяемые! Маркус полез в драку с неравным противником, не разнять! Потом еще исчез куда-то, именинничек хренов! Весь праздник насмарку. Мэринелла носится, как курица с оторванной головой и паникует, вся эта шушара, то есть гости, в полном хаосе разбредаются по нашей территории и делают, что хотят, жонглеры продолжают жоглировать, как ни в чем не бывало. Потом все гости уходят, оставив после себя хаос и бардак, разбросав пластиковую посуду, кое-кто даже спрашивал, куда положили подарки...». Серджио плеснул себе виски. Не успел он поднести стакан к губам, как в кабинет, против обычного, без стука, ворвалась Мэринелла. Она смотрела на него огромными, непонимающими глазами, лицо ее было бледным, руки чуть заметно тряслись. Серджио вскочил, испугавшись за сына.

– Что-то с Маркусом? Что случилось??? – взволнованно спросил он жену.

– С Маркусом все в порядке, можешь не волноваться, – потерянным голосом заявила Мэринелла. Серджио глубоко вздохнул, подумав, что же сегодня все такие безумные! – Серджио, скажи мне, скажи мне!!! – язык едва слушался Мэринеллу. Она боялась задать свой вопрос, но слышать ответ ей было необходимо. Все ее существо требовало ответа, требовало разъяснить все. Серджио, видя, в каком состоянии жена, испугался, что Маркус ей, если и не рассказал, то намекнул. «Это полный конец...» подумал он, непроизвольно закатив глаза. «Так, стоять на своем и не признаваться!» подумал он. Мэринелла увидела его выражение лица, сердце ушло в пятки: «Он задумался, ему есть, что скрывать, значит, о боже, о боже!!!»

– Ну, что ты хотела спросить? – ровным голосом спросил Серджио. Мэринелла знала этот отчужденный тон, знала слишком хорошо. Все ясно. Все вдруг стало ясно. И то, почему ее муж задерживался допоздна, и почему часто ездил в командировки. Почему иногда не ночевал дома, ссылаясь то на одно, то на другое. Она пыталась собраться с духом, чтобы все же задать вопрос и расставить все точки над «i», ведь пока он не признается, или пока она его не застанет, его вина считается недоказанной.

– Скажи мне... – Мэринелла повторила фразу, стараясь оттянуть время. Серджио кожей чувствовал этот страшный момент. «Что же ты тянешь!» думал он. «Руби уже!» пронеслась в голове мысль. «Нет, больше ждать не смогу!» думала Мэринелла.

– Ты мне изменяешь? – набравшись смелости, выпалила Мэринелла. «Неужели я задала ему этот вопрос?» подумала она. И тут же почувствовала сильное замешательство Серджио, которое было ответом на ее вопрос. Серджио в этот момент старался сохранить спокойствие и скрыть нахлынувшие эмоции, которые почему-то не поддавались управлению.

– Нет, милая, с чего ты взяла?! Конечно, нет! – отвечал он, мотая головой. Ему показалось, что он ответил сразу, ни секунды не мешкая. Отвечать быстро, когда лжешь – очень важно. Но на самом деле он замешкался. Мэринелла почувствовала, как во рту пересохло от волнения. Она уже не сомневалась: муж ей изменял. Онемевшими, непослушными, будто у огромной плюшевой игрушки, руками она бросила на стол Серджио то, что нашла в его карманах: спички из отеля Карнеги Хилл, чек из ювелирного и маленькую перламутровую пуговицу.

– Что это значит? – срывающимся голосом спросила Серджио жена. Серджио ни секунды не раздумывая, принялся отвечать на ее вопрос: он давно знал, что следует отвечать в таком случае.

– Ты же знаешь, я иногда курю на переговорах с партнерами. Вот и прихватил из отеля спички, на всякий случай.

– Угу. И ювелирные украшения ты тоже партнерам покупал? – недоверчиво спросила его жена.

– Ты знаешь, в некоторых случаях имеет смысл задобрить женщину, которая не очень стремится подписать выгодный нашей фирме контракт, так сказать, дать завуалированную взятку.

– Боже, Серджио! О каких взятках ты говоришь! Здесь указана стоимость! Это слишком дорого для взятки! – возмущалась Мэринелла.

– Значит, тем более, слишком дорого для подарка, – пожал плечами Серджио, приняв то особенное выражение лица, которое означало: «Не хочешь – не верь».

– А что ты скажешь про это? – пытаясь сдержать эмоции спросила Мэринелла, показывая на пуговицу.

– Разве это не твоя? – простодушно спросил ее Серджио. – Валялась на полу, я поднял.

– Ты хочешь сказать, она здесь валялась на полу? – дрожащим голосом спрашивала его жена.

– Нет, я не помню, возможно и нет, – сказал Серджио.

Мэринелле стало совсем плохо. Перед глазами темнело: муж не признавал своей вины, и это она еще не показала ему самый главный аргумент. Он придумывал какие-то нелепые отговорки, которые были слишком очевидной ложью, чтобы в них верить. Все улики, вкупе с поведением Серджио, с подавленным состоянием Маркуса, постепенно начинали складываться в единую картину. Похоже, и ее сын узнал о чем-то совсем недавно. Возможно,

конечно, она ошибалась, но что-то ей подсказывало, что на этот раз – нет, что ошибкой было слепо верить своему мужу.

– Тогда тебе не составит труда объяснить мне, что это! – сказала Мэринелла, сухим языком облизывая еще более сухие губы, присаживаясь в кресло напротив мужа и протягивая ему еще одну свою находку.

Серджио недоуменно разглядывал небольшую бумажку, сложенную вчетверо. Стараясь сохранять спокойствие и держать хорошую мину даже при плохой игре. Серджио с деланным равнодушием развернул ее и принялся читать: почерк не был ему знаком, но по содержанию он быстро догадался, кто бы это мог быть. Было бессмысленно как-то отрицать то, что было там написано. Серджио мысленно вспоминал все ругательства, которые когда-либо знал, будь то итальянские или английские, пробегая глазами по ровным строчкам с аккуратными, почти идеально ровно выведенными буквами:

«Мой милый котик, если бы ты только знал, как я по тебе иногда скучаю, как мне тебя не хватает! Если ты разволновался сейчас, как и я, когда писала эту записочку тебе, у меня все получилось. Хочу тебя неудержимо, Мурррр...»

Твоя Вики

PS: Я знаю, я не права, но захотелось немного романтики. Твой хвостик свел меня с ума!».

Серджио цокнул языком. «Конечно, отпираться теперь бесполезно. Чертова Вики! Наверняка специально положила ее в карман, ведь знала, что жена может найти! Мстительная тварь! Не уделил е

должного внимания, видите ли! Но в этом есть и плюс, можно сказать, что все уже давно кончено», подумал он.

– Все уже кончено... – ровным тоном заявил Серджио. Мэринелла пропустила эту стандартную фразу мимо ушей.

– Ты... ты... – Мэринелла пыталась совладать с волнением, все ее существо больше ничего не чувствовало, внутри нее только пульсировал вопрос, который она никак не могла задать напрямую. Серджио ждал, жена спросит: «Кто она?», ждал всех этих вопросов, которые обычно бывают: сколько ей лет, как выглядит, как зовут, какой цвет волос или глаз, чем занимается, сколько раз было и что было, испытывает ли он к ней какие-то чувства или это было просто так, и что же теперь со всем этим делать. А дальше что-нибудь вроде: «Как мы будем с этим жить? Что дальше? У нас же дети!» истерика, слезы, или, быть может: «О, наконец-то, у меня давно есть любовник, давай разведемся!». Напряжение росло. Серджио чувствовал, что они сейчас находятся в критической точке. «Руби уже!» пульсировало в его голове. Он ждал, чтобы вся ситуация прояснилась.

– Ты... ты... – Мэринелла помедлила еще немного. – Ты... любишь ее? Быстро отвечай «да» или «нет»? Отвечай, не тяни! – Мэринелла нечаянно перешла на крик, она допытывалась ответа от Серджио, тем самым давая ему время на раздумья. Но Серджио не о чем было думать. Он рассмеялся. Смех Серджио наполнил

комнату. Мэринелле было не по себе. Слезы, помимо воли, покатались по ее щекам.

– Нет, глупышка... – он постарался приблизиться к жене, чтобы обнять ее. – Нет. Нет! Я тебе говорю, нет! – Мэринелла смотрела на него в упор, пытаясь понять, правду он говорит или нет. Он говорил уверенно, ровно. Он не раздумывал, он смотрел ей в глаза, он был в открытой позе. Мэринелла продолжала анализировать поведение Серджио, но все это было бесполезно, она в принципе не понимала, может ли она ему верить. Она, сама того не заметив, расплакалась. Серджио привлек ее к себе. Она почувствовала его тепло, его волнение, его уютный и родной запах. Она на мгновение успокоилась, рыдая на его плече. «Он не любит ее, это случайность, значит, все будет хорошо», думала Мэринелла, пытаясь успокоить себя. И вдруг до нее будто бы окончательно дошло: ее муж ей изменяет и это реальность. Мэринелла поймала себя на том, что до сих пор не очень-то верит в происходящее. Ей нужны еще факты, чтобы наконец все осознать:

– Кто она? Сколько ей лет? Давно? Кто еще о ней знает?

***

– Говоришь, жена теперь все знает? – спросила Инес, закуривая сигарету.

- Да... – отвечал Серджио, скривив физиономию. – Так получилось...
- Ну, у вас же все давно улажено? – спросила она, медленно выпуская дым.
- Не совсем, как выяснилось. – Серджио почему-то не хотел, чтобы Инес знала правду и то, что его жена его любит и никогда бы не подумала, что тот ей изменяет.
- Странно, – отвечала Инес, чуть подернув обнаженным плечом, – и что же она хочет, чтобы ты прекратил? – она смотрела на Серджио, выжидая, что же он ответит.
- Да, – отвечал он коротко, почти не смотря в глаза Инес.
- И что мы будем делать? – ровным голосом спросила Инес. Серджио завидовал ее выдержке.
- Я не готов с тобой расстаться сейчас, – отвечал Серджио, стараясь скрыть отчаяние в голосе.
- Даже если это необходимо твоей жене? – Инес подняла бровь. – А вдруг она готова простить тебе любую связь, но не связь со мной?
- Ну, положим, она не знает, что я испытываю к тебе... – уклончиво начал Серджио.
- Положим, она догадывается об этом так же, как я догадываюсь сейчас, что ты лгал мне о том, что у вас с женой все улажено. – Серджио дернулся от ее слов, как от удара током.

– Инес, не надо сейчас, мне нелегко, ты знаешь! – чуть резко ответил Серджио.

– Ладно, ладно, закрыли тему, – отвечала она, привлекая его к себе, – вот каждый раз думаю, а когда ты будешь готов со мной расстаться? – Инес странно улыбнулась. Сердце Серджио замерло. На секунду ему показалось что это не шутка, так жестко это прозвучало. Он вдруг понял, что не хотел бы расставаться с Инес никогда. Она начинала ласкать его, и ее ласки были какими-то холодными и чуть отстраненными, будто бы в душе у нее такие глубокие раны, что она боится быть к нему ближе, быть с ним такой же открытой, как он перед ней. Будто бы ей нужно его тепло. Серджио никогда не считал себя душевно теплым человеком, никогда не думал, что так сильно захочет кому-то отдавать свое тепло и нежность. Но вот она, Инес... Его неожиданная, его холодная, его ли? И вот эта загадка, это ее отношение – чуть отстраненное, иногда даже слишком холодное, непривычное – то, что заставляло Серджио раскрываться и тянуться к ней. Он хотел быть с ней, ласкать ее, отогревать ее, дарить ей радость, любить ее. Любить ее... Серджио чувствовал себя совершенно другим человеком рядом с ней, и ему нравился этот человек, хотя иногда он был слишком слаб. Он был чутким, нежным, иногда безвольным. Он чувствовал, как бьется его сердце при виде Инес, и каждый раз, когда он слышал ее голос. Он сам зашел слишком далеко в своем обожании, настолько далеко, что перестал

понимать, что ему делать без Инес? Серджио отгонял эти мысли от себя. То, что Мэринелла о ней узнала, значит лишь то, что ему придется сильнее все скрывать – это Серджио не пугало, он прекрасно знал, как это делается. Его пугало другое. Он все сильнее хотел все бросить и остаться с Инес. Серджио невольно улыбнулся: «И тогда не важно, что будет думать Мэринелла, и как помириться с Маркусом, и что будет с Тиной. Разве не достаточно им того, что я давал на протяжении всех тех лет? Сотни семей разводятся. Так может теперь, пока Мэринелла в таком состоянии, все обрубить и начать сначала? С Инес? Все проблемы моментально пройдут...» так он думал, рисуя себе картины общего будущего с молодой Инес, пока она, нагнувшись над ним, щекотала его кожу длинными каштановыми волосами.

***

Мэринелла плакала, запершись в спальне. Ей не хотелось, чтобы дети видели ее слезы. Мэринелла не хотела, чтобы Тина обо всем узнала. Не хотела, чтобы Маркус еще сильнее ненавидел отца, видя какую боль тот ей причинил. Мэринелла плакала, стараясь делать это тихо, но иногда она не справлялась с собой и начинала плакать в голос. Во рту было горько, нос заложило. Она плакала, и в голову лезли дурацкие мысли, как она сама их характеризовала: «Он завел себе молодую, значит я недостаточно

хороша! И вправду, мое тело уже не такое, как раньше...» и она начинала мысленно сравнивать воображаемую молодую любовницу и себя. Черты любовницы были ясными, четкими, полными красок и подробностей: ноги, как у моделей из глянцевого журналов, тонкая талия, плоский живот, юная упругая грудь, красивые волосы, кожа, гладкая, молодая кожа и лицо без единой морщинки, а самое главное – пухлые губы, чуть приоткрытые, влажные, и наивный олений взгляд, не обремененный никакими заботами. Разве не такой она сама была когда-то? Была. Вот именно, что была. А сейчас? Свое собственное тело представлялось Мэринелле уродливым, она вдруг увидела все его недостатки, увидела так отчетливо и ясно, что ей самой стали неприятны жировые складки на талии, целлюлит на бедрах, небольшие, но такие явные растяжки на груди. Мэринелла плакала неудержимо. Она ненавидела свою слабость к сладкому, свою лень, ведь если бы она усерднее трудилась в спортзале, если бы только отказала себе в привычке поздно вечером пить чай со сладостями – возможно, тогда все было бы иначе! Ах, и зачем она прощала себе эти слабости? Зачем оправдывала себя, считала недостатки фигуры своей изюминкой? Или, быть может, ему надоело, что я постоянно говорю о семейных проблемах? Поднимаю вопросы воспитания детей, говорю о том, где и за что пришлось заплатить, что делала днем? Может быть, ему надоел быт? Может быть, я в его глазах перестала быть женщиной, стала

просто матерью его детей и родственницей? Но тогда, почему он не далее как позавчера занимался со мной любовью с таким удовольствием? Притворялся? О, невыносимо, невыносимо, невыносимо...». Упорядоченные мысли закончились. У Мэринеллы началась обыкновенная истерика. Она плакала, а перед глазами было «визуальное сопровождение»: молодая любовница, Серджио, обнаженная Мэринелла перед зеркалом. Образы, образы, образы. Мэринелле стало до того плохо, что она чувствовала тошноту. И какая-то ее часть старалась ее успокоить, будто бы нежный голос звучал в голове: «Ну все, успокойся, успокойся, хватит», но от этой нежности и жалости к самой себе ей становилось еще более горько. И она никак не могла успокоиться. Через какое-то время она вдруг, как по мановению волшебной палочки, успокоилась и резко села на кровати:

– Господи, какая я жалкая! – подумала она. – И почему я играю по правилам? Кто мне мешает сделать то, что я хочу? Неужели не достаточно я жертвовала своими собственными желаниями? Нет уж, хватит! – она решительно встала с кровати.

Серджио пришел домой, нигде не задержавшись. Это должно было вселить покой в душу Мэринеллы. Привычным движением повесил пиджак, кинул ключи на полку, направился в ванную комнату, долго и с наслаждением мыл руки в теплой воде, вдыхая привычный, уютный аромат травяного мыла. На секунду он даже

успел ощутить, что ничего не изменилось, и все неприятности ему приснились. Потом невольно подумал: «Как же хорошо дома...», как будто по привычке подумал. Все было как обычно. Он вышел из ванной комнаты и направился в кухню. Живот недовольно пробурчал что-то, Серджио осознал, как он голоден. Но сегодня приятных запахов из кухни не доносилось. И никто не ждал его за столом. Серджио остановился в замешательстве. Давно такого не было! Пожалуй, только когда Мэринелла была с детьми в отъезде и когда Тина только-только появилась на свет. «Понятно», проговорил про себя Серджио. И вроде бы действительно все было понятно, но одновременно и непонятно. Мэринелла все-таки решила показать ему, что обиделась? Или... Где Мэринелла? Живот снова что-то недовольно пробурчал. «Нет, сначала что-то надо съесть, а потом буду искать ее». Серджио открыл холодильник и оглядел его: «Много всего, но что из этого можно съесть?» думал он. В конце концов, ничего не найдя, он позвонил и заказал пиццу.

«Пока ее везут, поищу жену», подумал Серджио. Искать долго не пришлось. Мэринелла сидела в его кабинете, пила его коньяк из его бокала.

– Чао, любимый муж! – сказала она по-итальянски, делая еще один глоток.

– Дай-ка сюда, – Серджио попытался забрать у нее бокал, – тебе уже достаточно!

– Не указывай мне! – огрызнулась женщина.

– Рина! Я не узнаю тебя! – возмущенно отвечал Серджио.

– А я не узнаю тебя! – парировала Мэринелла. – И какое право ты имеешь указывать мне?!

– Ты моя жена! – отвечал Серджио. Мэринелла удивленно подняла брови и хмыкнула.

– Не знала, что ты вспомнишь о том, что женат! – Мэринелла продолжала говорить с ним по-итальянски.

– Рина, не надо, не надо, не усугубляй ситуацию... – начал Серджио.

– Ты мне просто ответь, что во мне не так? Что я делала не так? Я все исправлю! Чем она лучше меня? – Мэринелла с трудом сдержала дрожь в голосе. «Нельзя сейчас плакать» успела подумать она.

– Ты ничем не хуже, ты лучше! – Серджио подумал, что это даже и не ложь вовсе. Мэринелла действительно объективно лучше Инес.

– Тогда почему ты спишь с ней? Ты ведь все еще спишь с ней? Нет? Или уже нет? – тараторила Мэринелла.

– Нет, уже не сплю. Все кончено, – спокойно и уверенно говорил Серджио. Он оправдывал сам себя, что «это необходимо» прямо сейчас. Когда-нибудь это станет правдой, но не прямо сейчас. Прямо сейчас он не хочет расставаться с Инес, а Мэринелле этого знать не обязательно. Мэринелла шумно и с облегчением выдохнула.

– Хотелось бы тебе верить, хотелось бы верить... – проговорила она.

– Вот и верь, – отвечал Серджио.

– Господи, Серджио, прости меня, я такая жалкая, это я во всем виновата, я виновата! Когда мужчина изменяет женщине – это женщина виновата! Я не досмотрела, я перестала следить за собой, я перестала быть женщиной, стала домашней квочкой, сама того не заметив, боже, боже... – Мэринелла расплакалась, Серджио обнял ее, и ей вдруг стало так хорошо, так спокойно. И посреди этого спокойствия она услышала свой же голос в голове, все эти «прости», и ей стало страшно, она не могла поверить, что она сама это говорит. «Рина, заткнись сейчас же!» говорила она сама себе, но дальше продолжала нести про стройные ноги любовницы и про свои недостатки в фигуре, – Ты уж, пожалуйста, запрещай мне есть сладкое, – «Да что же ты несешь!» отчетливо ругал ее внутренний голос, «Ты что ведешь себя как дура, ну-ка соберись!». Но Мэринелла и не думала собираться, она только еще сильнее расплакалась на плече у Серджио, – Я такая жалкая, такая жалкая...

Серджио обнимал свою жену. Сначала ему было ее жалко, он даже чувствовал к ней нежность, ему было приятно снова ощутить ее в своих объятиях, как символ того, что все неизменно, все продолжается. А сейчас, когда его плечо промокло от ее слез, а ухо оглохло от причитаний, ему вдруг стало противно. Он стоял, и

хотел, чтобы все это поскорее закончилось, чтобы она успокоилась и пошла заниматься своими делами. Чтобы все было как обычно. «Ты и вправду жалкая», думал он, вспоминая Инес, и как та ведет себя, как гордо, отстраненно держится, хотя по ней и видно, что что-то ее сильно тревожит. Инес никогда не позволяет себе такой слабости – расклеится у него на глазах. И тем она прекрасна. «Что делать? Что делать? Что делать? Тебе противна собственная жена!» проносились мысли в его голове. Мэринелла больше не всхлипывала. Она крепко обнимала Серджио и старалась дышать ровно. И вдруг, совершенно неожиданно для себя самого Серджио снова почувствовал к ней нежность. Такую сильную нежность, которую всего несколько часов назад испытывал к Инес. Ему снова стало жалко Мэринеллу, на этот раз искренне. Он как будто почувствовал ее боль, и то, как она боится его потерять. Он узнал в ее эмоциях, таких сильных и неудержимых, свои собственные. Узнал боязнь потери, которую испытывал несколько часов назад по отношению к Инес. Понял, как больно жене. Понял, что все это значит для нее.

– Родная моя... – проговорил он чуть слышно и очень искренне, так, что у Мэринеллы сжалось сердце.

– Что же мы теперь будем делать? – спросила она тихо, доверчиво посмотрев ему в глаза. Серджио продолжал смотреть на нее с нежностью, но сам вопрос уже закрутился волчком в его голове, и он не знал на него ответа. Что же им всем теперь делать? Жена,

похоже, верит ему. И ее доверие нельзя обмануть, это будет ужасно. Он должен быть с ней, с детьми. Но в то же время совершенно непонятно, что делать при этом с его чувством к Инес? Что делать, если сегодня он вдруг понял, что впервые в жизни испытывает любовь? Что делать, если он понял, что к Мэринелле у него была только влюбленность, а затем сразу привязанность и очень сильное родственное чувство? Что делать, если все эти годы он грелся в лучах ее любви, а сам на самом деле ее не любил? Что делать, если сейчас он любит, необычайно сильно любит другую?

Часть вторая

– Нет, я не могу говорить громко. Ты же знаешь, я на работе... Ну, что ты грустишь? Хочешь, я приеду? – тихо говорила в трубку Инес. – Хочешь? Тогда подожди, я заеду после шести, развею твоё одиночество. Уже недолго ждать, если только в пробке не

застряну. – Инес вдруг почувствовала, что улыбается. Ей почему-то захотелось, чтобы рабочий день скорее закончился. Такое с ней бывало нечасто. Она никак не могла вернуться обратно к работе, сконцентрироваться: перекладывала бумаги из стопки в стопку, читала первые строчки газетных статей, даже протерла технику от пыли, что совсем не входило в ее обязанности. Никак не могла решить, хочет ли она выпить еще кофе или ей стоит спуститься в кафе, заказать мороженого? Или все-таки не стоит? Теребила любимый браслет, прокручивая его то в одну, то в другую сторону на своем тонком запястье. «Скука и покой все же разные понятия...» подумала она, взглянув на часы. Наконец, без пяти минут шесть. Инес стала медленно и неторопливо собирать свои вещи. На самом деле ей хотелось уйти с работы скорее, но уходить слишком рано – плохо для ее репутации. Она задержалась в туалете, подправляя макияж. Припудрила лицо, нанесла на скулы тонкий слой терракотовых румян, которые ей так шли. На всякий случай подвела глаза, подправила осыпавшуюся за рабочий день тушь. Снова расчесала длинные волосы. Осмотрела себя в зеркале. Улыбнулась. Достала духи. Снова посмотрела на свое отражение. «Кажется, действительно все!» подумала Инес, разочарованно глядя на часы – прошло всего десять минут. «Ладно, уйду как все!» решила она. Инес больше не могла сдерживать своего желания поскорее выйти из офиса. Шаги сами собой становились все быстрее. «Только бы никого не встретить по пути до машины» – повторяла она про себя, имея в виду конкретного человека.

Она скорее достучала каблучками до парковки, не сразу вспомнила, где оставила машину сегодня – ее обычное место занял какой-то новенький, пикнула сигнализацией, скорее захлопнула за собой дверь, пристегнулась и медленно выдохнула. «Все, можно

расслабится, на сегодня хватит, сегодня – отдыхаю», подумала она, включила радио и улыбнулась себе в зеркало.

Через полтора часа она была на месте.

Некоторое время после радостных приветствий и объятий Инес сидела за столом на кухне и ничего не говорила, только улыбалась. В голове вдруг не осталось совершенно никаких мыслей. Инес смотрела на лимоны, красиво разложенные на тарелке из темного дерева, переводила взгляд на чашку с крепко заваренным чаем и кусочки бурого сахара.

– Ты в порядке? – спросила ее Клэр. Голос у подруги был, как и всегда, мягкий и вкрадчивый. Инес улыбнулась. Ей было почему-то так хорошо, что даже лень что-либо говорить.

– Да, я в порядке! – ответила она, улыбаясь. – Просто устала и еще не пойму, где я. Прости! – она виновато опустила глаза.

– Голодная? – спросила ее Клэр.

– Немного... – отвечала Инес.

– Посмотри себе что-нибудь в холодильнике, я не могу сейчас... Надо отойти к Тори! – тон ее стал деловитым. – Ну, что такое? – обращалась она уже к дочери. – Говори яснее, я совершенно ничего не понимаю! Что ты хочешь? Покажи пальцем. Нет, этого тебе нельзя... Нет, от того что ты будешь плакать ничего не изменится! – Клэр устало вздохнула. Тори легла на пол и продолжала плакать. – Извини, наверное, не очень здорово слушать детский плач после рабочего дня... – Клэр посмотрела на Инес.

– Нет, ну что ты! Все в порядке. Это же дети. – Инес была совершенно спокойна.

– Процесс воспитания... – Клэр смотрела на Тори, бьющуюся в истерику, – иногда отнимает слишком много сил.

– Я же сказала, ничего страшного. – Инес улыбнулась и направилась к холодильнику. – Ты-то сама что-нибудь хочешь? Сделать тебе бутерброд?

– Да, пожалуй, – отвечала Клэр. – С этими непоседами руки вообще не доходят до себя... – подруга Инес вздохнула. – Мне с ветчиной! Слева на второй полке... – Клэр вышла в другую комнату. Инес осталась на кухне одна. Она достала хлеб, разложила салат, сыр и ветчину на хлеб и задумалась: «Странно, прошло всего пять лет с тех пор, как мы закончили университет, но наши пути так сильно разошлись...». Инес попыталась представить себя на месте Клэр, пока готовила два сэндвича, но у нее ничего не получалось. Сверху, из детской, все еще доносились недовольные крики Тори. На кухню вышел заспанный Зак, ее пятилетний брат.

– Я проголодался, сделаешь мне что-нибудь поесть, пока мамы нет? – попросил ее мальчишка с лохматой головой. Инес почувствовала себя неловко: она не знала, что же ему дать. Что ему можно, и что дети должны есть в таком возрасте? Инес посмотрела на него как можно более ласково и протянула ему свой сэндвич.

– Нет, мама говорит, сухомятку есть плохо! – решительно отказался Зак.

– Тогда, пожалуй, придется ее подождать! – миролюбиво отвечала Инес. Тем не менее, где-то в глубине души она уже начинала закипать. Хлопнула входная дверь. Этан, муж Клэр, вернулся домой.

– Привет! – он заглянул на кухню и подмигнул Инес, – Как дела? Выбралась из своей каменной тюрьмы? – он рассмеялся.

– Да вот, как видишь! – Инес улыбнулась в ответ. – Можешь считать, что отпустили за хорошее поведение!

– Отлично выглядишь! – резюмировал Этан, закончив ее рассматривать, – Но знаешь, по тебе видно, как много ты работаешь! Не хочешь сделать передышку?

– Нет, совсем нет. Вот моя передышка! – отвечала Инес, впиваясь зубами в сэндвич. – Кстати, – у друзей Инес могла себе позволить говорить с набитым ртом, – Зак просил что-нибудь поесть, а я ума не приложу...

– Не переживай, сейчас что-нибудь придумаем! – Этан подбодрил то ли Инес, то ли своего сына. – Будешь ростбиф?

– Да! – радостно ответил Зак.

– Хорошо, но сначала съешь горошек с морковью. Договорились?

– Зак скорчил недовольную рожицу. – Или ты не голодный?

– Голодный, но я не хочу эту дурацкую морковку! – отвечал Зак.

– Ты поковырай для вида, пока мама не вернулась и принимайся за ростбиф, хорошо? – заговорщицким шепотом проинструктировал его отец. Инес покачала головой.

– Жульничаете! – строго сказала Инес.

– Пусть это будет самое серьезное жульничество в его жизни! – отвечал Этан, глядя на Инес лучистыми голубыми глазами.

– Было бы здорово, но верится с трудом... – мрачно отвечала та.

– Этан! – Клэр поспешила обнять мужа. – Как ты? Как прошел день?

– Все хорошо, немного задержался и сильно, сильно-сильно проголодался! – отвечал он. Зак засмеялся, до чего смешно звучал голос отца, будто бы он озвучивал какого-то героя из мультфильма.

– Будешь ростбиф? – спросила Клэр у мужа.

– Кажется, я знаю, что это за игра... – рассмеялась Инес.

– Я не буду жульничать! – отвечал Этан.

– Когда поешь, позанимаешься с Заком? – жалостливо попросила его Клэр.

– Ладно, – спокойно отвечал Этан, приступая к еде.

Через некоторое время, когда подруги, наконец, остались одни для душевной беседы, Инес понизила голов до полупшепота:

– Слушай, а он у тебя настоящий? Такие бывают? – подруги рассмеялись.

– Не обижай его! Он просто чудо! Временами. Вот, например, сегодня. Только бы не сглазить! – отвечала Клэр, счастливо улыбаясь.

– Сколько мы не виделись толком? – спросила ее Инес.

– Месяца два точно! – отвечала Клэр.

– Кошмар! – Инес снова смеялась, рядом с Клэр ей всегда становилось удивительно легко на душе. – Ну, рассказывай, что у тебя нового...

– Да что у меня нового! – чуть ли не сердито отвечала подруга. – Научилась печь яблочные кексы и Тори освоила пару десятков слов. Вот у тебя чего нового? – спросила она таким тоном, будто ожидала услышать что-то очень интересное.

– Удивительно! То, о чем я сейчас не хочу думать, для тебя «новое» и «интересное»! Пройшла испытательный срок на новой работе! Да-да, это стоило большого труда. Впрочем, ты же знаешь, как мне нравится крутиться как белка в колесе.

– Да, с тех пор как у меня появились дети, я только и мечтаю снова ощутить всю эту рабочую суету. Знаешь, мне кажется, что по сравнению с домашними заботами это какой-то недостижимый рай... – отвечала Клэр со вздохом.

– Нет, ты просто устала! На самом деле никакого рая там нет! Вот здесь, дома, рядом с любимыми детьми и мужем – в это я охотно поверю, а там... нет.

– Но ведь тебе нравится твоя работа? – спросила ее Клэр.

– Еще бы! Конечно! Это все безумно интересно, если воспринимать происходящее в офисе как игру.

– Как игру? А как насчет серьезного отношения к делу? – Клэр приподняла левую бровь в знак недоверия к ее словам.

– Нет, ты не поняла, что я имею в виду. Ты одновременно и серьезно относишься к тому, что делаешь, и не принимаешь близко к сердцу то, что говорят или, тем более, могут подумать другие. Просто, оглядевшись, изучаешь всех сотрудников и думаешь, строишь стратегию, кого и как можно использовать в своих целях! Я сейчас нахожусь на стадии изучения.

– Но это же не очень хорошо?

– Не демонизируй меня! Я же не жарю их в кипящем масле, ничего не делаю с их семьями и даже не разоряю! Я просто делаю так, как мне удобно. Бизнес есть бизнес. Разве нет?

– Ну, тогда ладно! Буду держать за тебя кулачки! Ты ведь всем покажешь в итоге?

– Обязательно! – отвечала Инес немного самодовольно. – Недавно нужно было кое-чего от него добиться, так я ему наплела, что мне позарез нужен отпуск, так как у моей сестры свадьба. Этому индюку нужно было мне в чем-то серьезно отказать, так как я его задела за живое, и я специально придумала повод. Хитро, а?

– Угу! Еще как! Ну а как у тебя с личным? – спросила Клэр подругу.

– С одной стороны, безусловно, есть кое-кто, – Инес хитро посмотрела на Клэр, – с другой стороны, это чисто стратегический союз.

– Да, ты с давних пор славишься «стратегическими союзами». Но неужели ни разу ничего в сердце не екнет?

– Бывает, но редко, так редко, что даже страшно. И, как правило, «екает» на какого-нибудь случайного незнакомца, с которым рассташься на следующее же утро.

– Ммм, – почти мечтательно протянула Клэр.

– Эй, подруга, тебе ли завидовать? – спросила ее Инес строго.

– Ну... нет! – отвечала та, немного поразмыслив. – Но... иногда хочется... пошалить!

– Что же вам с Этаном мешает?

– Все чаще нам мешает не что, а кто! – вздохнув, отвечала Клэр. – Утешает только, что иногда мы оставляем этих монстров с няней и идем куда-нибудь в город, отдохнуть, а потом...

– О, ты стала совсем другой! – покачала головой Инес.

– Кто бы говорил, милая! – парировала Клэр. – Или ты думаешь, что ни капли не изменилась?

***

Инес вернулась домой поздно, и, хлопнув входной дверью, она испытала противоречивые чувства: то ли она рада наконец-то оказаться дома, то ли она на самом деле вовсе этого не хотела. С одной стороны, наконец-то, божественная тишина. Никаких телефонных звонков, никаких офисных пересудов, никаких детских визгов, ничего из того, от чего она сегодня так устала. С другой стороны, так тихо, что чего-то не хватает. Инес включила музыкальный центр. Зазвучал легкий джаз. Нет, не то. Немного рок-н-ролла? Нет. Может быть, соул? Регги? Поп? Классика? Инес

все пыталась найти, что же ей сегодня по душе? Но, какая бы музыка ни звучала, ей почему-то не хотелось ее слушать.

– Значит, тишина! – сказала она самой себе, цокнула языком и стала раздеваться, оглядывая свою квартиру в попытках понять, чего же ей не хватает? Все предметы на своих местах, все красиво. Вроде бы. Инес любила минимализм в интерьере, никаких мелочей, беспорядочно расставленных на полках, никаких занавесок в цветочек, и боже упаси, бархатных подушек. Чего же не хватает? Все было как-то сухо, безжизненно. Может быть, не хватает цвета? Она попыталась представить, что будет, если добавить несколько цветowych пятен в интерьер. Но какого цвета? Инес перебирала в голове разные варианты и ни одним не осталась довольна. Наконец, она разозлилась и запретила себе думать на эту тему.

– Господи, да что же я такая... прямо никакая! – сказала она вслух. Плеснула себе немного виски, добавила льда, закурила. – Так то... – удовлетворенно вздохнула она. – Давно бы так! Как же хорошо, что кто-то все это придумал! – она не торопясь выпускала дым изо рта и думала, что, наверное, хорошо сейчас выглядит. «В этом определено что-то есть: полуобнаженная уставшая женщина курит... Какой все-таки приятный холодный виски, моментально снимает напряжение... Хорошо, когда есть холодильник с генератором льда...». Инес улыбнулась. Тело ее расслабилось, но ногам разлилось тепло, в голове начали проплывать мысли: медленно, как крупные рыбы в офисном аквариуме.

– Вот и хорошо... – снова вслух произнесла она, посмотрев в окно. Нервно мигала неоновая вывеска, вдруг первая буква перестала светиться вовсе. Был слышен какой-то шум, вероятно, очередная потасовка. «Да, район хорошо бы сменить...» подумала

она, но тут же отмела эту мысль, потому что ей сейчас было совершенно не до этого. «Какая разница, где жить, если ты дома бываешь только чтобы переночевать?» спрашивал ее внутренний голос. И она с ним спокойно соглашалась. Для нее сейчас куда важнее другое: карьера, карьера, карьера. «Ты и сама знаешь, для чего тебе это!» напоминал голос. Она снова соглашалась. Инес не спеша допила виски, погремела кубиками льда, не успевшими растаять, вздохнула и отправилась в душ. Она открыла воду и долго стояла, подставляя голову горячим струям. Желанный покой наполнял ее, она уже почти засыпала. Вдруг покой снова покинул ее. Небольшая вспышка фруктового аромата. Пена. Инес принялась изучать этикетку. У нее была такая странная привычка, все время читать этикетки – состав, способ применения. Она никогда не задумывалась, зачем ей нужно в сотый раз читать все эти «бутилацетат, ароматизатор идентичный натуральному, основа». Стоило ей остаться одной за столом, она читала, что написано на кетчупе или на сладком сиропе, на картонной упаковке из под молока или на коробке печенья, и вот, сейчас – гель для душа. Можно подумать, просто бестселлер какой-то, так интересно! Она снова разлилась на себя, и убрала пластиковую упаковку подальше. Горячая вода продолжала ее успокаивать, Инес старалась ни о чем не думать. Это было сложно. Те, кто хоть раз всерьез пытался ни о чем не думать, понимают, о чем я. Тем не менее ей удалось хотя бы не думать о том, что может ее беспокоить. Перед глазами проплывали расплывчатые образы из детства, родной городок, залитый солнцем, в какой-то момент ей даже показалось, что она может уловить все дивное многообразие летних южных ароматов прямо здесь, в ванной комнате, далеко на севере от того места, где она провела первые пятнадцать лет жизни. Инес обернулась в полотенце и, не вытираясь, легла на кровать. Почему-то ей не нравилось вытираться, и дома, находясь

в одиночестве, она могла себе позволить маленькое отступление от кем-то придуманных правил. Она лежала, смотрела в потолок и чувствовала себя невероятно хорошо. Внезапно. Без каких-либо на то причин. Она просто лежала и наслаждалась этим ощущением. Инес закрыла глаза и почувствовала, как ее тело полностью расслабилось. Нога непроизвольно дернулась, в голове Инес медленно проползла сонная мысль: «Засыпаю». Ей, наконец, удалось успокоиться и заснуть, хотя в этот вечер, впервые за несколько лет, она задумалась над тем, что ей чего-то не хватает. Впервые она ощутила, что в ее жизни есть какая-то пустота.

***

Брит хлопнула рукой по надоедливому будильнику, он все надрывался, за дверью были слышны голоса проснувшихся родителей и младшего брата, под одеялом было так тепло, так хорошо! Конечно, девушка понимала, что уже давно пора вставать, иначе опоздает в школу, но так хотелось полежать еще хотя бы полминутки и не вставать. И чем больше она думала о том, что пора вставать, тем меньше ей этого хотелось. Мама заглянула в комнату:

– Вставай, соня! Опоздаешь в школу! – сказала она строго.

– Ммм, – протянула Брит. – Встаю! – но продолжала лежать.

– Вот и вставай! – настояла мама.

– Десять, девять, восемь... – начала отсчет Брит, понимая, что это единственный способ поднять себя с постели. – Два с половиной, два с четвертью, два с восьмушкой...

Она и сама понимала, что еще больше оттягивает неприятный момент, и что вставать все равно придется, но пыталась обмануть саму себя. « Не буду раздумывать, что на себя надеть, а то точно опоздаю!» подумала она, и, поспешно встав, надела ту же одежду, что и вчера: она висела на спинке стула. Скорее спустилась по лестнице вниз, выпила стакан вишневого сока, кинула в рюкзак бутерброды и яблоко.

– А завтракать? – спросил папа.

– Потом успею! – торопливо отвечала Брит, зашнуровывая кеды.

– Она вообще когда-нибудь что-нибудь ест?

– Не волнуйся, пап, я не страдаю анорексией! – отвечала Брит.

– Я сам видел, как она ела шоколадку! – вставил свое веское слово младший брат.

– Ты у меня теперь вместо совести? – огрызнулась Брит и скорее вышла из дома, включив плеер. «Вот так намного лучше! Славное утро!» подумала Брит, услышав начало любимой композиции. Она быстрым шагом направлялась к школе, ноги ее чуть пружинили, она шла, вдыхала свежий утренний воздух, смотрела на встречных прохожих, на набухшие почки, которые вот-вот распусят, на собственные кеды, которые она вчера весь вечер украшала заклепками. Брит улыбалась, глядя на беспечных соседских собак, носящихся по лужайке: одна пыталась укусить другую за хвост. Чуть покачивая головой в ритм музыки, она все ускоряла шаг, стараясь не думать о первом уроке алгебры. Домашнее задание она сделала кое-как и надеялась, что его не

будут проверять. Она обогнала толпу ребяташек, вышедших из автобуса, ускорила шаг, «подрезав» Эби, (Брит терпеть не могла эту заносчивую первую красавицу), «нечаянно» задела ее рюкзаком и еще быстрее понеслась ко входу, стараясь не замечать окружающих и одновременно пытаюсь разглядеть знакомые лица. Ей хотелось скорее увидеть «своих».

– Клевые кеды! – похвалил Кёрли, похлопав ее по спине в знак приветствия. Брит не слышала, что он сказал, но догадалась.

– Спасибо, чувак! – отвечала она, снимая наушники.

– Что слушаешь? – спросил он, притягивая к себе провод.

– Очередное старье! – отвечала она, улыбнувшись.

– Все с тобой ясно! – отвечал Кёрли, прослушав пару секунд от композиции.

– Эй, Брит! – подскочила Хуана. – Ты алгебру сделала? – спросила она. Брит чуть сморщила нос, давая понять, что алгебру она, конечно, кое-как сделала, но списывать не рекомендует. – А ты? – обратилась Хуана уже к Кёрли.

– Нет, я вечером протупил и ничего не сделал, сам думаю, у кого бы успеть скатать! – покачал головой Кёрли.

– Да что же это такое! – выругалась Хуана. – Раздолбай чертовы! Вот ленитесь, ничего не делаете, а мне потом ищи-свищи, у кого скатать.

– А сама что не сделаешь? – чуть ли не хором спросили Кёрли и Брит.

– У меня акулькия! – важно заявила Хуана.

– Только родители и учителя об этом почему-то ничего не знают! – заметила Ники, отличница, подслушавшая их разговор.

– Ники! Какое счастье, что тебе есть до меня дело! Дай списать! – Хуана обезоруживающе улыбалась.

– Да не будут сегодня проверять! – заверила ее Ники.

– А если будут? – возразила Хуана. – Ну что, тебе жалко, что ли? – Хуана чуть обижено надула губки.

– Вроде как, вчера вечером я два часа убила на это, пока ты... – Ники выдержала почти театральную паузу, – Не подскажешь, чем ты занималась в это время?

– Литературой! – отвечала Хуана.

– Ха, и что ты читала? Космополитан? – съязвила Ники.

– Нет, Космополитан у нас читает Эби! – возразила Хуана. – Я читала последнего Гарри Поттера...

– Нам вроде по литературе другое задавали... – заметила Брит.

– Крис! Крис! Ты сегодня побрился что ли? Отпадно выглядишь! – Хуана решила поменять тактику.

– Кто-нибудь, дайте этой несчастной списать! – громко попросила Брит. И тут из-за угла вышла учительница. Раздался хохот, Брит застыла, а потом не выдержала, и тоже рассмеялась.

– Какая забота о ближнем! – заметила мисс Сэндервуд. – Не сложно заключить, что вы сами не можете помочь, а значит, у вас не сделано домашнее задание. Я думаю, это будет легко проверить, как только мы все зайдем в класс, и начнется урок.

– Да, мисс Сэндервуд. – отвечала Брит. – Я вам предоставлю свою тетрадь. – Брит ответила храбро, но на самом деле, на душе у нее скребли кошки, не очень-то ей хотелось показывать свое недоделанное задание. Вот уже все заходят, она кидает рюкзак на свое место, долго ищет тетрадь, неохотно кладет ее на учительский стол, и, чуть жмурясь, ждет пока мисс Сэндервуд недовольно пробегает глазами по строчкам.

– Как я и говорила, прежде чем спасти кого-то другого, лучше бы подумала о себе! – мисс Сэндервуд посмотрела прямо в глаза Брит. Та неловко улыбнулась.

– Да, мисс Сэндервуд. – Брит плюхнулась на свое место, ожидая только одного: конца урока.

– Хуана, если ты думаешь, что я про тебя забыла, ты глубоко ошибаешься! – заметила учительница алгебры.

Когда с проверкой домашнего задания было покончено, начались скучные примеры. Мисс Сэндервуд одного за другим вызывала учеников к доске. Она вызывала детей в случайном порядке, так что никогда нельзя было предугадать, кто же следующий. Иногда это были те, кто не был у доски очень давно, иногда те, кто был на прошлом занятии. Каждый раз, когда она думала, кого же вызвать, перебирая на языке фамилии, все смотрели на нее, на то, как она дышит, как изучает глазами журнал посещений, и каждый молил, чтобы была названа не его фамилия. Она каждому подбирала задание «не по силам», в этом была ее выдающаяся методика. Тех же, кто каждый раз, несмотря на сложности, просился к доске, остальной класс одновременно ненавидел и боготворил. Брит слушала происходящее в классе вполуха, списывая с доски то, что решили другие. Зря она надеялась, что ее не вызовут. Если мисс

Сэндервуд кого-то замечала, она начинала мучать свою жертву всеми возможными математическими способами.

Брит уже двадцать минут пытала у доски, вглядываясь в лица одноклассников, ожидая подсказки. Ладони ее потели, маркер скользил в руке, иногда она просто не понимала, что же ей писать дальше. Никто не издевался, все боялись, что вызовут именно ее или именно его. В классе слышались вздохи и деловитое шуршание, все делали вид, что сверяются с формулой, подглядывают в таблицу или ищут примеры со схожим решением. Минуты тянулись невыносимо медленно, казалось, конец урока никогда не настанет.

– Что ж, Брит. Ты и сама понимаешь, что «плаваешь» в этой теме, и думаю, теперь не будешь пренебрегать домашним заданием. Если бы ты его решила до конца, возможно, проблемы бы не было. Ты понимаешь, что я хочу сказать? – мисс Сэндервуд задала вопрос, поджав тонкие бледные губы.

– Да, миссис... – начала было Брит.

– Я мисс! – молниеносно исправила ее мисс Сэндервуд, побледнев от негодования.

– ... мисс Сэндервуд, – исправилась Брит. Через несколько мгновений прозвенел долгожданный звонок. Брит выдохнула.

– Не переживай! – подбодрил ее Кёрли, когда они выходили из класса.

– Неловко вышло, да? – смущенно отвечала Брит.

– Есть такое дело! Но, учитывая ее возраст...

– Сколько ей, лет сорок? – поддержала беседу Хуана.

– Я думаю, даже старше! – наморщив лоб, сказала Брит.

– И все еще хочет, чтобы ее называли мисс! – хихикнула Эби. – Для этого надо бы сделать пластическую операцию, и одеваться не как двадцать лет назад! Карга! – осмелела Эби, заметив, что «карга» скрылась из поля зрения.

– А ведь если бы она была замужем, и все бы ее называли по ошибке «мисс», она бы тоже бесилась! – заметил Кёрли. Все засмеялись.

– Я думаю, оба эти факта являются абсолютно невероятными! – сострила Брит, пока они поднимались по лестнице, направляясь к кабинету литературы.

Брит с облегчением зашла в кабинет. «Теперь я в безопасности» пронеслось в ее голове. Литература была ее любимым предметом. Она подготовилась к занятию. Учитель опаздывал, Брит даже знала, почему. По вторникам он отвозил сына в детский сад и всегда задерживался. Уже прозвенел звонок и почти все радовались, что мистер Эриксон опаздывает. Он зашел, быстрым шагом направился к столу, бережно повесил на свои места старый кожаный портфель и пиджак, чуть закатал рукава рубашки.

– Ну что ж, класс, приступим! Прошу прощения за опоздание! Впрочем, лучше попросить прощения не у вас, а у господина Шекспира! Я больше виноват перед ним! – начал он урок. – Что ж, открываем наши пьесы! Кто подготовил дома отрывок? – спросил он учеников. – Кто хочет прочесть по ролям? – класс внезапно

погрузился в молчание. Брит смотрела мистеру Эриксону прямо в глаза, сообщая о своей готовности. – Брит, я знаю, что ты хочешь, но дай и другим попробовать! – отвечал он. – Есть желающие читать за Гамлета? Или, быть может, за Полония? Девушки, кто хочет быть прекрасной Офелией? Море желающих! – иронично заметил он, пытаясь встретиться хоть с кем-то взглядом. – Я смотрю, вы все еще не проснулись. Что ж, придется мне выбирать самому. Маркус будет читать за Гамлета. Крис, будешь за Горацио. Так-так, Полоний...

– Пусть Дик читает за Полония! – раздался голос с задних парт, указывая на самого слабого ученика в классе.

– Тогда останется только Эби назначить Офелией... – уныло пробурчала Брит. Мистер Эриксон хлопнул в ладоши.

– Прекрасно! Вот сами и разобрались. Дик – Полоний, Абигейл – Офелия. Чудненько! Думаю, вам должно понравиться! – он многозначительно оглядел класс. Кёрли подавил смешок. – Маркус, входишь в роль безумца? – мистер Эриксон хитро посмотрел на Кёрли, приподняв бровь.

– Гамлет вроде принцем был... – слышалось замечание Эби-Офелии. Брит только покачала головой в ответ на ее «меткое» замечание.

– Что ж, начинайте чтение! – скомандовал учитель. Назначенные «актеры» стали читать свои роли, периодически спотыкаясь на сложных словах и читая их по слогам.

– Я шила. Входит Гамлет, – медленно читала Эби.

– Интересно, что она там шила... – едва слышно заметил кто-то.

- Наверное, пыталась скопировать последний показ Гальяно!
- Да вы что ребята, Эби и иголка это же несовместимо!
- Ну-ка тихо! – строго сказал мистер Эриксон. – Сами не хотите читать, так не мешайте другим! Продолжай, Абигейл.
- Без шляпы, безрукавка пополам, чулки до пяток...
- А вот это уже интересно! – заметил Дик, сально улыбаясь.
- Такой реплики у Полония нет! – отметил мистер Эриксон. Однако по классу прокатился смех, все, видимо, начали представлять Гамлета в женских чулках. Эби продолжала читать свою реплику. Потом вдруг оторвалась от текста и недоуменно глядя на учителя спросила:
- Так, а я что, в этого уroda влюблена, да? – мистер Эриксон вздохнул. Брит посмотрела на него и подумала, какая же у него тяжелая работа. Несмотря на свой достаточно уравновешенный и спокойный характер, были случаи, когда ей хотелось просто встать и оглушить некоторых личностей в классе чем-то очень тяжелым.

Дик, запинаясь на каждом слове, все-таки дочитал свою реплику:

- Вот он и спятил!
              Жаль, что судил о нем я сгоряча.
              Я полагал, что Гамлет легкомыслен.
              По-видимому, я перемудрил.
              Но, видит бог, излишняя забота -
              Такое же проклятье стариков,
              Как беззаботность - горе молодежи.
              Идем и все расскажем королю.
              В иных делах стыдливость и молчанье
              Вреднее откровенного признанья.
              Идем.

Класс вздохнул с облегчением, когда он дошел до точки. Снова слышались смешки.

– Непривычно от Дика слышать такие умные слова, да?

– Ему надо выучить все реплики Полония – до конца жизни хватит!

– Кто тут подал прекрасную идею про то, чтобы выучить реплики?

– прищурившись спросил мистер Эриксон.

– Нет!

– Нет, не надо! Ну, пожалуйста! – начал хором умолять его класс.

– Так уж и быть! – согласился учитель, помедлив. – Но больше без язвительных замечаний. Договорились? Так, кто продолжит чтение? – сменив тон, спросил он у тех учеников, которые еще не принимали участия в выполнении задания.

Брит следила за собственными репликами, чтобы не опоздать. Она старалась пробежать отрывки глазами несколько раз, пока другие были заняты своими ролями, чтобы читать выразительно, без запинки. Ей не хотелось споткнуться на каком-нибудь непривычном слове и чтобы все это слышали. Мистер Эриксон ходил между рядов, держа в руках свой экземпляр пьесы. Даже глядя в текст, по движению воздуха, по звуку шагов, Брит могла понять, в какой части класса он находится. У каждого школьника эта привычка вырабатывалась еще во время обучения в младших классах, нужно было чувствовать «опасность» заранее, чтобы спокойно списывать на контрольной, например. Сейчас же ей было приятно знать, что он приближается. Она сама еще никак не называла это чувство, но ей было приятно, когда он проходил

мимо, и она могла почувствовать приятный, ненавязчивый запах его туалетной воды, смешанный с запахом тела. Иногда он, проходя мимо, опирался рукой на ее парту, и она смотрела на его тонкие длинные пальцы. На тыльной стороне ладони пульсировали выступающие вены, на запястье, кроме часов, он носил тонкий кожаный шнурок, наверное, тот что-то для него значил. Брит еще не осознавала, что «неровно дышит» к своему учителю. Ей казалось, это так банально, влюбиться в школьного учителя. Она восхищалась им. И восхищение тем, что он делает, плавно переходило в восхищение им самим. Он проходил мимо, и дыхание ее сбивалось. Но она сама этого еще не осознавала.

– Пссс, – позвал ее Кёрли, – о чем задумалась?

Брит улыбнулась и покачала головой. Тот передал ей записку. Она развернула мятый клочок бумаги, посмеялась над карикатурами, нарисованными простым карандашом, и чуть ниже прочитала: «Пойдешь в кино?». Она решила не писать ответ, просто сказала «да». Все равно вечером делать нечего! Нет, конечно, надо делать уроки, но они могут подождать пару часов! Потом все-таки написала ему: «Кто еще с нами?», он быстро ответил: «Не знаю, спросим!».

Остальной учебный день прошел как обычно, только мысль о походе в кино как-то облегчала «просиживание штанов». Иногда Брит казалось, что было бы куда интереснее и лучше, если бы учеников в классах сортировали по уровню интеллекта. Конечно, был выбор: сколько часов того или иного предмета прослушать, но все равно были обязательные часы и обязательные предметы. Тем не менее, ходили же на литературу, такие, как Дик или Эби, и самой Брит тоже нужно было посещать «всю эту чертову геометрию». Наверное, кому-то было дико интересно на химии

или естествознании. Брит любила заниматься историей, физикой и французским языком. Иногда ей, конечно, нравилась и алгебра, особенно, когда ее собственное решение сходилось с правильным ответом, но это было редко.

Брит сидела на последнем уроке, и ей вдруг очень захотелось сладкого попкорна. Она уже мысленно проделала весь путь до самого кинотеатра. На уроке было так скучно, что она успела сделать это несколько раз. Она нетерпеливо покупала попкорн, уже в шестой или седьмой раз наслаждалась воображаемым ароматом горячих, только что раскрывшихся кукурузных зерен в золотистой карамельной глазури. «Просто пытка какая-то!» подумала она, глядя на то, как муха ползает по стеклу. «Даже муха засыпает!» написала она Кёрли, кивая в сторону оконного стекла. Тот рассмеялся и написал ей ответ: «На самом деле эта муха – прекрасный вестник наступающей весны!» и нарисовал муху, стоящую в горделивой позе. Одна из лап была поднята, а плащ за ее спиной развевался. Брит рассмеялась, прикрыв рот ладонью. Потом, широко улыбаясь и предвкушая реакцию Кёрли, добавила мухе драматизма во взгляде. Затем подрисовала череп, зажав его в поднятой лапе. Когда Кёрли получил записку, он не смог сдержаться и громко рассмеялся на весь класс.

– Маркус, ты расскажи, что там смешного, мы все посмеемся! – строго сказала учительница.

– Нет-нет, ничего такого, я просто... – безуспешно пытаюсь сдержаться, отвечал Кёрли.

Миссис Бронкс решила, что уделила достаточно внимания Маркусу, и, повернувшись к остальному классу, продолжила объяснять строение дождевого червя.

Брит скривила рожицу и прошептала: «Никогда не любила эту гадость!». Кёрли понимающе кивнул. Она глянула на рисунок в учебнике. Мысли о попкорне временно покинули ее голову. Некоторое время она изо всех сил пыталась заинтересоваться в дождевых червях и их скромной тяжелой жизни, «полной гумуса» (как она написала в очередной записке для Кёрли), но у нее не получалось. Она вдруг задумалась о любви. «Интересно, когда Гамлет узнает, что она его любит?» подумала Брит. «И любит ли она его, или только восхищается его смелостью? Или она жалеет его, безумного? И как это вообще, любить? Любить мужчину? Столько всего читала, а так и не могу понять...» думала она. Она все пыталась представить разные ситуации, задавала себе вопросы, и сама не заметила, как говорит с Кёрли, выходит из школы, как они идут до кинотеатра, он покупает большую порцию сладкого попкорна и они садятся рядом. В зале гаснет свет. «Вот ведь, кто увидит, подумают – это любовь! А ведь это совсем не любовь! Сидим, жуем попкорн. И почему все вокруг думают, что раз подростки и вдвоем, значит любовь? Кёрли мне вообще как брат, даже представить не могу...» думала Брит, пока шли начальные титры.

– Не боишься? – спросил Кёрли.

– Да нет пока! – рассмеялась Брит.

Но к середине фильма она уже сомневалась в своих словах и периодически вздрагивала от резких звуков, а затем, наконец, нащупала руку Кёрли, сжала ее, и, чуть наклонившись в его сторону, на самое ухо сказала:

– Теперь боюсь! – Кёрли вздрогнул от неожиданности. Все время, пока шел фильм, он все ждал, когда она возьмет его за руку под

предлогом, что ей страшно. И вот она прошептала ему на самое ухо... так близко... По коже у Кёрли пробежали мурашки. Сегодня Брит казалась ему такой красивой, утром он ее увидел задолго до того, как она его заметила. Она шла, и лицо ее светилось. Кёрли вздохнул, вспомнив ее улыбку. Ему так хотелось ее поцеловать! Но как же не вовремя на экране показывают крупным планом внутренности инопланетян. Дурак! Он предусмотрел, что она испугается и возьмет его за руку, но не предусмотрел, что при таких условиях целовать девушку в первый раз не стоит. Разве это будет тот поцелуй, о котором она мечтает, о котором мечтает он? «Наверное, надо дождаться финальных титров, когда все успокоится» думал Кёрли.

***

Инес стояла в лифте. Немного ныла нога, которую она чуть не подвернула по-настоящему, пытаясь потерять равновесие таким образом, чтобы Серджио подхватил ее и не дал упасть. Одежда была чуть мокрой от дождя, который, несмотря на недолгое пребывание на улице, успел на нее попасть. Тем не менее, мимолетом взглянув в зеркало при входе в лифт, Инес убедилась, что макияж держится превосходно. Они были одни в лифте. «Лучше и не придумаешь!» подумала Инес и слегка улыбнулась, как бы «про себя», но на самом деле эта мимолетная улыбка была направлена на Серджио. Он вдруг посмотрел прямо на нее. Инес тут же перевела свой взгляд. Конечно, она успела заметить характер этого взгляда, почувствовать его настроение. Она очень старалась сдерживать довольную улыбку и напустить на себя таинственный вид. Она чувствовала, как в воздухе смешиваются игривость и сдержанность, и это было как раз то, что надо, судя по

тому, как Серджио начал постукивать замшевой туфлей по железному полу лифта.

– Пятый этаж, а такое ощущение, что на все пятьдесят уже должны были подняться, – проговорил он чуть сварливо. Инес улыбнулась, попытавшись встретиться с ним взглядом, и вновь, едва поймав встречный, отвела глаза.

– Да, – сказала она, не найдя, что еще можно сказать, и вышла. Серджио последовал за ней. Она слышала его шаги. Их номера были через один друг от друга. – Ну, я пошла. Приятного вечера! – сказала она. Хлопнула дверь.

Инес оказалась одна в своем номере. Едва дверь закрылась, она широко улыбнулась и чуть не подпрыгнула на месте. «Работает!» подумала она, потом вдруг одернула саму себя: «Сколько раз ты должна все верно рассчитать, чтобы опять радоваться успеху как ребенок?». Она скорее разделась, чтобы принять душ и освежиться. «На сегодняшний вечер у тебя очень важная миссия...» думала она, подставляя голову под теплые струи. Она чувствовала, что тело ее наполняется силами, она чувствовала себя все более и более готовой для решительного «прыжка». Инес мыла голову не потому, что та становилась грязной, а потому что когда она долго стояла под водой, подставляя лицо теплым каплям, массируя кожу головы, вдыхая аромат шампуня, ей становилось легко. Ей становилось уютно. Ей становилось хорошо. Когда она была маленькой, мать рассталась с отцом и они переехали в небольшой городок, Хименес, в дом ее тетки Марисы, у которой, кстати говоря, было семеро детей. В той местности всегда были перебои в снабжении водой, у них во дворе стояла довольно большая емкость, которую наполняли заранее. На всякий случай. А

еще туда собиралась дождевая вода. Правда, летом дождей было не очень-то много. Так что мыться долго в многочисленной семье никому не позволялось. Однажды, Инес поругалась с матерью из-за того что разбила по дороге из магазина дюжину яиц, та накричала на нее и сильно побила, Инес скорее побежала в ванную, и открыла кран, чтобы умыться, и все никак не могла остановиться. Она наполняла ладони водой и умывалась, умывалась, умывалась. Грусть куда-то уходила, тревога покидала ее. Правда, через несколько минут ее чуть ли не насильно вытащили из ванной и снова отругали, долго объясняя что-то, но что? Инес этого не запомнила. Почти каждый раз, когда она стояла под душем, Инес думала, как же хорошо иметь столько воды, так удивительно много воды, что можно не считать минуты, ни перед кем не оправдываться, просто наслаждаться.

Инес вытирала кожу сухо-насухо, против обыкновения. Сушила волосы феном и тщательно их укладывала, чтобы не создалось ощущения, что она их только что вымыла. Надела свежую блузку и узкую юбку. Долго сидела в кресле, разглядывая обстановку собственного номера. «Вероятно, зеркальное расположение. Значит, пройти нужно будет примерно так...» планировала она. Инес смотрела на дождь за окном: «Вот уж не думала, что посчастливится посетить Лондон. И что же? Завтра уже уезжаем, а я так ничего и не успела посмотреть, разве что из окна машины... Интересно, о чем с ним заговорить? Хотя, без разницы. Сама видела, как он на тебя смотрит. Можешь хотя бы о Лондоне!». Инес пыталась примерно представить ход беседы, но и не слишком увлекалась попытками предсказать весь разговор: она знала, достаточно просто «отпустить себя» и начинать говорить все, что думает, продолжая ненавязчиво заигрывать с Серджио, и тот через какое-то время перестанет слушать, что она говорит. Инес

смотрела на часы. Еще было слишком рано, прошло недостаточно времени. Нужно было дать ему время не только насладиться одиночеством, но и устать от него. Если он сейчас думает о ней, пусть устанет думать о ней. Если он еще не думает о ней, пусть начнет думать. Через какое-то время он поймет, что его фантазиям не суждено сбыться, поймет, что вечер будет длиться еще долго и заснуть ему будет чрезвычайно тяжело. Все дело довершит этот невыносимо тоскливый дождь: Серджио должен открыть бутылку коньяка. Если Инес зайдет к нему в то время, когда он уже начнет пить, он не сможет ей отказать. «Вино!» – спохватилась Инес, ставя бутылку в холодильник, – «Нужно его немного охладить! Это самое сложное! Нужно чтобы успели охладиться не только бутылка, но и ее содержимое, а что еще сложнее, затем ты должна прийти к Серджио с уже теплой бутылкой, но все еще холодным содержимым. Якобы ты ее так долго пыталась открыть, что вся замучалась и твой единственный шанс – его сильные руки!», – Инес самодовольно рассмеялась. Иногда ей казалось, что она просто гениально все рассчитывает. «Рано, рано, рано...» продолжала она про себя отмерять время.

И вот, наконец, настает заветное «пора». Инес встряхивает головой, чтобы прическа выглядела более неряшливо, поправляет юбку, берет с собой бутылку и штопор, тянется к ручке двери. Нет, разворачивается, еще раз смотрит в зеркало. Глаза, нос, губы. Инес чуть припудрила лоб и подбородок, на всякий случай, для собственного спокойствия. Открывает дверь, несколько шагов до номера Серджио. «Так-так, спокойно!» говорит она сама себе. «Ты должна быть спонтанной, внезапной, естественной!» – Инес замешкалась на секунду, в голове пронеслись мысли, будто внутри нее спорят две совершенно разные Инес. Одна говорила, что все правильно и верно, говорила, что уже не раз все удавалось

сделать, как нужно. Настаивала, что это необходимо для воплощения цели. Вторая сомневалась, отвечала, что не хочет еще раз проходить через все это. Первая говорила, что Серджио далеко не самый худший вариант и очень даже привлекательный мужчина. Вторая начинала капризничать и хотела вернуться в номер и ничего не делать. Первая убеждала ее, что это только на время отсрочит то, что должно произойти. Вторая, наконец, соглашалась. Все это происходило за считанные секунды. И вот уже Инес робко стучит в дверь. Ее охватывает легкое волнение, как перед экзаменом. Во рту вдруг пересохло, сердце забилось часто-часто. Серджио открывает дверь.

– Инес? – Серджио удивленно поднял брови. Он не ожидал ее увидеть, но он был рад. Инес успокоилась, осознав это. Она обезоруживающе заулыбалась и сразу придумала, что сказать:

– Ужасно неудобно Вас беспокоить, но еще вроде бы не очень поздно. Я сначала хотела выйти погулять, но погода ... сами видите. В общем, я решила выпить вина, но у меня не получилось открыть бутылку. Совсем! – извиняясь, говорила она, ожидая, когда Серджио пригласит ее войти.

***

Брит поздно вернулась домой, залезла в окно. «Если бы родители только знали!» успела подумать она, перекидывая ногу через подоконник. Конечно, они разрешали ей допоздна засиживаться с друзьями, но «допоздна» в их понятии распространялось только до одиннадцати вечера. Хорошо, что ее старались не беспокоить и никто не проверял, находится ли она в своей комнате. «Сидит тихо, значит, учится» – так, наверное, они

думали. Думали, «вот и хорошо». И это было на руку Брит. Она скорее разделась и легла в постель, нужно было постараться выспаться в оставшееся время. Девушка закрыла глаза. «Забыла сделать историю, не выучила географию, снова «забыла» про алгебру, но зато подготовила обществознание, французский и литературу. Главное – не забыть тетрадь. Что надеть? Красную юбку? Джинсы? Надоели. Джинсовый сарафан? Огромный свитер? Э, нет, лучше об этом не думать, а то не засну. Так, все, пора спать. Думать о приятном. Думать о приятном. И с чего вдруг Виктор на меня так странно смотрит? Чего ему от меня надо? Хотя нет, это понятно. Даже приятно. Но как-то «нет». Он конечно, красавчик, и даже очень привлекательный, но, может быть, именно поэтому я не хочу... Здорово я сегодня поддела Ким...». Брит вспомнила, как Виктор вспыхнул, видимо ей тогда удалось и его подколоть. Впрочем, она часто над ним шутит, в отличие от остальных девчонок. Возможно потому, что его очарование на нее не действует. Брит перебирала в голове события этого дня и вечера, образы и спутанные мысли проплывали в ее голове, смешиваясь в разноцветную неразбериху из отрывочных «кадров», звуков и слов, услышанных за день.

Брит проснулась, стукнула рукой по будильнику, все-таки решила надеть новое платье цвета морской волны, которое так шло ей. Сама не заметила, как позавтракала, успела на школьный автобус, потом быстро поднялась на второй этаж, все в какой-то суматохе. Одноклассники шумят, обмениваются новостями, садятся на свои места, входит мистер Эриксон, ставит на стол свой кожаный портфель, начинается урок.

– Что ж класс, я понимаю, что заниматься литературой на первом уроке очень тяжело, вы едва проснулись, а тут еще такая

скука, как Шекспир, но давайте соберем свою волю в кулак и начнем чтение второго акта.

Брит с нетерпением ждет, когда настанет ее очередь, все читают «по цепочке». Один за другим, по реплике или больше, кому как повезет. Настает очередь Брит. Она начинает чтение, и вдруг язык перестает ее слушаться, будто во рту еще что-то есть, что-то, что ей мешает правильно произносить слова. Она пробует снова и снова. Не получается. В классе начинают шуметь, ей ужасно неловко, дурацкое ощущение, будто рот полон прожеванной еды. «Господи! Да что же такое!» испугалась Брит. Руки начали трястись, ей стало не по себе.

– Успокойся! – прямо над ухом раздался успокаивающий баритон мистера Эриксона. Она почувствовала, как его теплая рука коснулась ее кисти. Сердце Брит забилося часто-часто. Она подняла глаза. Он был так близко! Она встретила с ним взглядом, в его глазах было столько силы, уверенности и одновременно какой-то печали, такой странной печали, которая бывает если что-то не так, которая бывает, если человек так и не нашел покоя. Или ей кажется? Она встретила с ним взглядом, и это был взгляд не учителя, а мужчины. Она, поддавшись внезапному порыву, встала со своего места. Он вдруг обнял ее. Брит чувствовала, как его фланелевая рубашка касается ее щеки, чувствовала знакомый запах его туалетной воды, смешанный с запахом его тела, который теперь казался ей таким невероятно приятным, что у нее кружилась голова. Он обнимал ее. Кругом повисла тишина, никого в классе не было, совершенно никого, все будто испарились. Она смотрела в его глаза, а он уже тихо, почти шепотом говорил ей: «Успокойся», она смотрела на его губы, которые были так близко от нее, чувствовала, как его рука нежно касается ее талии... Он наклонился, чтобы поцеловать ее. Она

чувствовала, как их носы чуть соприкоснулись – она вдохнула теплый воздух, который он только что выдохнул. Сердце Брит было готово выпрыгнуть из груди. И вдруг все пропало. Весь мир наполнился оглушительным звоном. «Нет, только не это! Нет, еще секундочку...», думала Брит сквозь сон. Рядом с ее кроватью надрывался будильник. Она вдруг подскочила на кровати: «С чего это вдруг?! Присниться же! Ничего ж себе! Хорошо, что я проснулась! Нет, плохо! Или хорошо?». Брит никак не могла прийти в себя, все ощущения были такими реальными, и такими приятными, но снился ей ее учитель, который старше ее раза в два, он женат, у него уже двое детей, и вообще это плохо. Или это просто сон и не стоит ему придавать никакого значения? Но ведь такое просто так не снится? «Я же с ним чуть не поцеловалась! И во сне мне хотелось этого! Хочу ли я этого в реальности? Ну, уж нет! Не со школьным учителем!» думала Брит, собираясь в школу. «Платье, кстати, было отличное. И цвет мне шел... Спасибо, дорогое подсознание, за подсказку, но вот дальше ты, наверное, перегнуло палку» продолжала она свой внутренний диалог.

День начинался своим чередом. Все было обычно и предсказуемо. Завтрак, школьный автобус, ожидание урока – все, как во сне. Вот мистер Эриксон заходит в класс и кладет свой кожаный портфель на стол. Брит старается не вспоминать свой сон, но, глядя на него, ничего не может с собой поделать. «Только бы не покраснеть...» думает Брит, пытаясь сдержать нахлынувшее волнение.

– Класс, у меня для вас две новости, хорошая и плохая... – начал учитель, – какую хотите сначала?

– Хорошую! – выкрикнула Эби.

– Плохую! – поспорил с ней Дик.

– Никакую! – буркнул кто-то.

– А вдруг все плохие? – предположил Кёрли.

– А для кого хорошая? Для Вас или для нас? – спросила Хуана.

– Так, ладно, начну с хорошей. Честно говоря, я в любом случае хотел начать с хорошей, просто предоставил вам иллюзию выбора, – мистер Эриксон хитро улыбнулся. Брит про себя подумала: «Вот гад!», но эта мысль была какой-то совершенно не злой, – Хорошая новость в том, что скоро у каждого из вас появится уникальная возможность почувствовать себя настоящим актером или актрисой.

– Ух ты! – доносилось со всех сторон. Трое даже захлопали в ладоши.

– Ой, чует мое сердце не к добру это... – наигранно заметила Хуана.

– Хуана, я оценил твое актерское мастерство! – сделал замечание мистер Эриксон. – Плохая новость в том, – продолжил он, – что вам придется учить большие отрывки текста наизусть.

– Мда, ну и занудство... – заметил Дик. – Еще «хорошие» новости будут?

– Хорошие новости... – мистер Эриксон задумался. – Пожалуй, вот еще одна хорошая: актеров подбирает не директор школы, а я. Поэтому у некоторых из вас нет никаких шансов туда попасть!

– Успокоили! – выдохнул Дик.

– Разве что в роли статистов... – учитель литературы снова улыбнулся. Брит обратила внимание на его губы, ничего не могла с собой поделать. – Возможно, кто-то пожелает сыграть дерево. Или, быть может, Дик соберется с духом и решится на роль Полония...

– Нет, нет, нет! Дудки! – отвечал Дик, энергично мотая головой. – Ни за что!

– Кто хочет поучаствовать, могут подойти в кабинет литературы после основных уроков. А сейчас открываем пьесу и начинаем чтение, – сказал он тоном, который ясно давал понять что пора прекращать болтовню.

«О, нет!» подумала Брит. Мистер Эриксон начал ходить по рядам, туда-сюда. «Только не это!» думала она, глядя на то, как он медленно и неумолимо приближается к ней. Учитель литературы встал рядом с ее партой, так чтобы его было хорошо видно на задних рядах. «Да что же это такое!», Брит никак не могла перестать думать о своем сне. Он опирался бедрами о ее стол, она слышала его голос прямо над своим ухом. Он был близко. Для того, чтобы посмотреть на его лицо пришлось бы задрать голову. Брит старалась смотреть в текст, потому что прямо перед ее глазами были его джинсы, ремень с красивой медной пряжкой и, «О, ужас!» Брит снова непроизвольно покраснела – ширинка. «Вот надо было ему встать сегодня именно сюда!», ругалась на себя Брит. «Нет, я конечно понимаю, что он думает, что мне нет дела до его ширинки, и так оно и было до сегодняшнего утра...», Брит улыбнулась, потом вдруг подумала, что все заметили, как она улыбнулась, глядя прямо перед собой, смутилась и опустила глаза. «Да уйди ты уже отсюда!» она изо всех сил старалась послать эту

мысль, чтобы она, наконец, долетела до Эриксона. Но он стоял на своем месте как вкопанный еще целых пять минут. А потом, наконец, будто внял мольбам Брит и сдвинулся с места, встав у окна. «Час от часу не легче!» подумала Брит, то и дело поглядывая на него, стараясь делать это незаметно. «Дура, в текст смотри, в текст!» просила она сама себя. Но взгляд непроизвольно скользил по его лицу. У него были холодные глаза, серо-голубые, такие были, наверное, у его потомков, викингов. Брит смотрела на него, и понимала, почему вздыхали старшеклассницы, когда он проходил по коридору. Понимала, почему в Этана совершенно «в открытую» влюблена учительница младших классов, мисс Гвиндл, но отказывалась понимать, что сама попала на тот же крючок. «Нет, я в него не влюблена. Да, он хороший учитель, и мне он нравится. А что касается сна и ширинки, я просто подросток и это нормальная реакция. Нет, я не влюблена» успокаивала себя Брит, глядя на его чуть раздвоенный подбородок. Страница книги никак не перелистывалась, привычным движением он поднес палец к губам... Брит все видела, как в замедленной съемке. «Да перестанешь ты уже!» отчитывала она сама себя. Впервые за учебный год она ждала, когда закончится урок литературы.

***

Клэр разглядывала глянцевый журнал. Пока дети спали, она была предоставлена самой себе. Она листала разноцветные страницы, любовалась фотографиями, мысленно примеряла на себя наряды, думала о том, что ей неплохо бы похудеть, а то ее подруга Инес все еще худенькая будто первокурсница, а она уже давно не в идеальной форме. Конечно, Этан говорил, что все в порядке, но Клэр всегда казалось, что он не до конца с ней откровенен и не говорит правды, потому что боится обидеть. Клэр разглядывала модели в купальниках и неумолимо приходила к

двум выводам: ей нужно похудеть, минимум на десять килограмм, и ... они настолько невероятно хороши, что их хочется даже ей, матери двоих детей. Клэр было невыносимо скучно в роли домохозяйки, потому что ей хотелось как раньше, до детей, наполнить свою жизнь динамикой, а не суетой. Ей хотелось спешить сразу в несколько мест и успевать, хотелось вставать рано утром не для того, чтобы всем приготовить завтрак, а для того чтобы скорей собраться и вырваться из дома. Клэр хотела быть, как те успешные женщины на страницах журнала. Она хотела их тела, их лица, их одежду. Да что там говорить, она, прекрасно понимая, что у нее есть семья: муж и двое любимых детей, все равно завидовала Инес. Они были ровесницами, но Клэр казалось, что она выглядит, как минимум на пять лет старше, если не на все десять. Раздался звонок в дверь.

– Привет! – довольно улыбаясь, Инес вручила подруге небольшой букет цветов.

– Спасибо! – Клэр обрадовалась, она не ожидала, что Инес освободится пораньше.

– Как ты? – спросила она ее многозначительно.

– Отлично! – отвечала Инес.

– Соблазнила своего героя? – Клэр открыла холодильник. – Будешь что-нибудь?

– Только салат!

– Снова худеешь? От тебя скоро ничего не останется! Будешь апельсиновый сок?

– Нет, слишком сладкий. Хочу еще сбросить...

- Мне надо брать с тебя пример! – заметила Клэр.
- Возможно... Но ты в хорошей форме! – строго оглядев ее заметила Инес.
- Кто бы говорил!
- Нет, я люблю быть худой, но тебе хорошо быть кое-где округлой, поверь! – сказа Инес. Она ни капли не лукавила, ей всегда нравилось, как выглядит Клэр. От ее легкой полноты веяло покоем и уютом, она была вовсе не толстой, скорее аппетитной, вкусной, как и запахи, которые наполняли этот дом. Но как же ей это объяснить? – Тебе разве Этан не говорит, как ты хороша? Ты вся такая уютная, милая, домашняя!
- Ну что ты... – смутилась Клэр. Она услышала в голосе Инес грустные нотки. – А ты чего грустишь?
- Ты знаешь, у тебя так хорошо, что я иногда жалею, что не вышла замуж рано, как ты. Возможно, все было бы иначе...
- А я вот иногда так устаю, что думаю, мне было бы лучше не выходить за Этана.
- С чего это вдруг? – Инес чуть не поперхнулась. – Он же у тебя такой чудесный!
- Я все чаще думаю, что он меня обманул. Мне было всего двадцать два, я выходила за подающего большие надежды журналиста, помнишь, как много у него было публикаций?
- Помню, только я вот никак не решалась спросить, почему он ушел...

– Мне кажется, я за эти годы так ничего и не поняла, – покачала головой Клэр, – когда ему было тридцать, его позвали на должность главного редактора одного крупного издания, и что ты думаешь? Он проработал там полгода, а потом, какая муха его укусила? Он уволился и ушел работать... в школу! – возмущение снова забурило внутри Клэр. Прошло уже четыре года, а она все никак не могла смириться с решением мужа, он не хотел обсуждать эту тему с ней. – Он будто не понимает, что это эгоистично! Если бы он сейчас там работал, мы бы могли больше себе позволить, я бы наняла для Тори и Зака няню, сама бы вышла на работу и не сходила бы здесь с ума! Это же заточение какое-то...

Инес внимательно выслушала подругу.

–С одной стороны, у тебя же есть семья, дети, Этан – разве не здорово? Разве не стоит немного потерпеть? Скоро Тори подрастет и они вместе с Заком будут ходить в школу, у тебя появится время, вольешься в колею... С другой стороны, я сама живу другой жизнью и мне нравится бешенный ритм, нравится свобода, поэтому я понимаю, чего тебе не хватает.

– Вот именно! Ты посмотри, из тебя энергия бьет ключом, ты молодая, у тебя глаза горят, у тебя интересная жизнь, а что я? Я дома сижу. – Клэр разочарованно вздохнула.

– А что если ты просто возьмешь и выйдешь на работу?

– Этану не очень нравится эта идея. Он говорит, главное – это семья и дети, и я должна наслаждаться этим.

– Стоп! Что значит должна? Никому ты ничего не должна! У нас свободная страна и женщина вольна выбирать сама, чего она хочет! Хочешь? Иди и работай! – возмутилась Инес.

– Да, согласна, но... – Клэр налила себе и подруге немного кофе, – но ты же знаешь, если я выйду на работу, первое время денег будет хватать только на то, чтобы оплачивать няню для Тори и... неизвестно стоит ли оно того, она все же еще слишком мала.

– Ты сама себе противоречишь! – сделала замечание Инес.

– Просто все неоднозначно... – покачала головой Клэр и вздохнула.

– Может быть, тебе стоит поговорить об этом с Этаном?

– Может быть... – согласилась Клэр, твердо решив так и сделать.

Они сидели и болтали о всяких пустяках, Инес старалась отвлечься и не думать о работе, поэтому ей нравилось, когда подруга рассказывала ей о своей жизни. Ей нравилось слушать про то, как Этан играет с детьми, или о том, как Тори недавно вылила весь шампунь в ванную, пока купалась. Ей нравилось слушать ворчание Клэр о том, что Этан иногда слишком долго проверяет работы учеников, сидя в своей комнатухе, которую тот гордо называл «кабинетом». Ей казалось странным недовольство подруги своим положением, ведь все то, о чем она рассказывала, для самой Инес, с самого детства, было несбыточной мечтой, волшебным образом, идеалом. Отец Инес бил мать, и мать какое-то время терпела, а потом хлопнула дверью и ушла. Инес так и не узнала отца, его через некоторое время посадили в тюрьму и он, просидев там какое-то время, умер или его убили. Инес не знала подробностей. Вся прошлая, мексиканская жизнь ей иногда

казалась такой далекой, такой нереальной, что она старалась ее не вспоминать. А особенно она старалась не вспоминать, каким способом ей удалось пересечь границу, каким способом ей удалось остаться жить в Нью-Йорке, и каким способом она заработала на свое обучение в университете.

Клэр

рассказывала о своей жизни, просто так, чтобы поддержать беседу. Вся эта рутина давно стала ей неприятна, будто она набила рот детской кашей, безвкусной – ни соленой, ни сладкой, да так и не может ее проглотить. Ей хотелось послушать рассказ Инес, хотелось узнать, чем она живет и как она живет, потому что жизнь подруги казалась ей невероятно интересной. Инес всегда была удивительно целеустремленной и волевой, всегда напролом шла к цели. После окончания университета работала в крупных корпорациях в США, и даже Европу ей повезло увидеть, ей, девочке, бежавшей из Мексики. Клэр завидовала ее силе. Она сама выросла в этом самом доме, в университете познакомилась с Этаном, тот тогда был совсем другим. Она тогда представляла их будущее иначе. Она думала, вместе построят головокружительные карьеры, потом займутся детьми. Устроилась на хорошую работу, начала продвигаться по карьерной лестнице, а потом неожиданно забеременела Заком, обрадовалась и начала свою тихую, размеренную жизнь, полную семейных радостей. Едва она успела устать от отпуска по уходу за ребенком и подумать о выходе на работу, Этан сказал: «Милая, не время ли подумать еще об одном ребенке?», она представила, как дети будут играть вместе, подумала, какой Этан замечательный отец, поняла, что второй ребенок просто необходим, вспомнила дочурку подруги, подумала о том, что лучше один раз долго сидеть в декрете, чем потом, только влившись в работу, снова уходить – и сдалась. А сейчас она сидела на кухне, слушала Инес и завидовала ей. Завидовала тому, что у нее больше времени на себя, что она лучше выглядит и

чувствует себя тоже моложе. Искренне не могла понять, почему та с таким интересом слушает ее скучные рассказы из жизни.

– Слушай, – наконец решилась она задать свой вопрос, – я, возможно, многого не понимаю, но если тебе так нравится, как ты говоришь, моя уютная спокойная жизнь, почему сама продолжаешь гнаться за новыми целями, строить карьеру? – Клэр было нелегко спросить об этом подругу, потому что этот вопрос был, по ее ощущению, глубоко личным. Она видела, как смутилась Инес. Она будто потерялась на какое-то время, ее взгляд застыл в одной точке. – Ты можешь не отвечать, если...

– Нет, почему же... – Инес вдруг очнулась, – я и сама себе сейчас этот вопрос задала. Ты знаешь, наверное, потому что все-таки я еще не встречала мужчину, с которым мне бы хотелось построить семью, – уклончиво отвечала Инес. Конечно, дело было не совсем в этом, но она не хотела, чтобы Клэр знала что-то о ее семье, о ее прошлом. Конечно, что-то о ее детстве подруга знала, но Инес не хотела говорить ей больше, она вообще не хотела, чтобы кто-то знал или упоминал об этом. Так же как не хотела, чтобы хоть кто-то догадывался о том, зачем она так старательно училась в университете и зачем ей все ее карьерные достижения. На самом деле, у нее не было выбора. Она не могла выбрать просто спокойную жизнь. Инес сделала вид, что ей нужно выйти. Мысли о больном брате и стареющей матери взволновали ее. Она почувствовала, как комок подкатывает к горлу. Она не видела их целую вечность. «Целую вечность» это не как некоторые могут подумать месяц-два, в крайнем случае – полгода. «Целую вечность» это нескончаемые пятнадцать лет, с того самого дня, как она, будучи девочкой-подростком, покинула Хименес. С того самого дня, что бы она ни делала и где бы она ни находилась, даже когда ей приходилось голодать и отказывать себе во всем, каждый

раз, когда у нее была возможность, она отправляла деньги матери. Был ли у нее выбор, когда она бежала изо всех сил вперед, пересекая границу, а позади слышались выстрелы? Был ли у нее выбор, когда фермер, приютивший ее у себя и просивший звать себя дядюшкой Руфусом, сначала дал ей работу и жилье, а потом, едва она успокоилась и освоилась, не прошло и двух месяцев, изнасиловал ее? Он просил никому не говорить и обещал, что не сдаст ее властям. Ей тогда не было даже шестнадцати. Она боялась его, боялась всего мира. А он заходил в ее комнатку. Сначала изредка, а потом все чаще и чаще. И вот однажды терпение ее все-таки лопнуло. Она наудачу добавила в еду разных таблеток из его аптечки, и, когда он крепко заснул после сытного ужина, пробралась в кладовку, нашла старый ящик с двойным дном, куда он прятал все наличные деньги, забила ими свой рюкзак и снова бежала и бежала. Нужно ли Клэр это знать? И зачем ей это знать? Нет, она не должна, и никто не должен. Меньше всего Инес хотела, чтобы кто-то, выслушав ее историю, пожалел ее, а потом продолжал напоминать ей о прошлом неосторожными фразами, вопросами, всеми этими участливыми: «тебе пришлось через столько пройти, бедная». Инес не хотела об этом вспоминать, но вот, пришлось. Она поправила поплывшую тушь, сполоснула руки и вышла из туалета.

– Все в порядке? – спросила ее Клэр, заметив ее чуть покрасневшие глаза.

– Да, только знаешь, у меня, кажется аллергия на тушь. Недавно купила новую, и вот!

– Никогда не угадаешь! Я однажды купила очень дорогую и тоже постоянно ходила с красными глазами, долго не могла понять, в чем дело! Будешь еще кофе?

– Нет, спасибо, думаю на сегодня достаточно, может быть, просто воды? – Инес улыбалась, ей не хотелось, чтобы Клэр догадалась о том, что она недавно плакала.

***

Невеселые мысли так и роились в голове у Инес, как будто растревоженное гнездо диких пчел. Они то успокаивались, то осаждали ее разум с новой силой и так на протяжении нескольких дней. Она старалась отвлечься. Почти не оставалась одна дома, старалась проводить больше времени на работе, все более смело флиртовала с Серджио. Пожалуй, это помогало сильнее всего. Он уже был ее – это точно, в этом нельзя сомневаться. Но, тем не менее, игра продолжалась. Теперь было еще интереснее: она знала, что он испытывает и чего он ждет. Она решала, давать ему это, или нет, и как давать. На работе она вела себя холодно и сухо. Инес была дорога ее репутация. Как и Серджио, конечно же. Но когда поблизости не было ничьих любопытных глаз или ушей они позволяли себе смелые взгляды и прикосновения. Что уж говорить о встречах в гостинице? В какие-то моменты она настолько сильно входила в роль любовницы, а это было именно ролью для нее, что даже получала от этого удовольствие. Удовольствие от того, что он прошел мимо и незаметно для всех посмотрел на нее, удовольствие от того, что прямо во время совещания, пока один из подчиненных докладывал, как обстоят дела, он написал ей откровенное сообщение. Инес продолжала спорить с самой собой: что правильно, что верно и есть ли у нее выбор. Она восхищалась собой: какая она удивительная, потрясающая женщина, как тонко чувствует мужское настроение, угадывает потаенные желания, знает, какой ей быть в каждое из новых свиданий с Серджио. Ей нравилось планировать все до малейших мелочей, и она, стоя перед зеркалом, нередко любовалась своим стройным телом,

хвалила сама себя за подобранное со вкусом белье, пыталась представить, какие чувства она вызовет у Серджио, когда он ее увидит. Что он сделает? Как он будет ласкать ее? Как будет смотреть на нее? Когда она угадывала, она смотрела на себя в отражение, пока он обнимал ее, и улыбалась, глядя самой себе прямо в глаза.

Но в этот раз настроения улыбаться не было. Инес чувствовала, что движения ее стали резкими и напряженными. Не хотелось быть нежной, не хотелось улыбаться, не хотелось говорить. Серджио обнимал ее и начинал расстегивать белье. Инес не могла избавиться от мыслей о больном брате и матери.

– Ты грустишь последнее время, что-то случилось? – участливо просил ее Серджио, поглаживая ее шелковистые волосы.

– Ничего особенного, так, бывает, – отвечала Инес, пожав плечами.

– Если тебе нужна моя помощь, ты только попроси! – предложил Серджио. «Едва ли что-то серьезное...» думал Серджио, вспоминая, как часто грустит его жена, Мэринелла, без всякого повода. Для женщин характерны колебания в настроении.

– Едва ли, – Инес вежливо и отчужденно улыбнулась, – Я подумаю! – сказала она, чтобы успокоить Серджио. «Разве может он чем-то помочь?» пронеслась в ее голове мысль. «Конечно, может, ты же не зря с ним начала этот роман!» пронеслась другая. «Да, продвинет меня по службе месяца через два... Накоплю еще денег, и возможно, смогу перевезти их сюда» снова подумала Инес. «Ох, не время сейчас думать об этом, мысли только помешают мне быть такой, какой я должна быть для него...»

– Ты у меня вся такая загадочная... – Серджио нежно провел пальцем по ее губам.

– Да, я такая... – ответила Инес игриво. «Наконец-то поменял настрой, не хочу ни о чем думать, не хочу ни о чем думать...» думала Инес, стараясь отвлечься, она начинала уставать от самой себя, уставала анализировать каждый свой шаг, ей хотелось какое-то время просто наслаждаться тем, что с ней происходит.

– Я думаю, у меня получится тебя сегодня удивить... – страстно прошептал Серджио ей прямо на ухо. Инес и не предполагала, что все может так хорошо обернуться для нее.

***

Инес все еще не до конца верила своему счастью. Ноги утопали в мелком белом песке, ласковые волны подбирались все ближе. Дул теплый ветер. Солнце светило во всю, приятно касаясь тонкими теплыми лучами ее лица и плеч.

–Серджио! Здесь так здорово! Я и не думала, что так можно... – на лице Инес была настоящая, счастливая улыбка.

– Пусть все думают, что мы ужасно заняты! – отвечал Серджио, любуясь ею. – Ты не надеялась, что настоящее, жаркое лето наступит для тебя так скоро?

– Я думала, еще нескоро погреешь на солнышке. Разве у вас, на севере, в Нью-Йорке, такое бывает?

– Кому ты это говоришь? – обиженно заметил Серджио. – Я же итальянец! Я знаю толк в солнце!

– И в женщинах? – Инес кокетливо наклонила голову.

– И в женщинах! – подтвердил Серджио, поцеловав ее в губы.

Они смеялись, забегая в воду и поднимая в теплый воздух сотни, тысячи брызг. Инес и сама не заметила, как потеряла контроль над самой собой: она больше не тревожилась ни о прошлом, ни о будущем. «Все же хорошо, когда любовник является еще и начальником по работе – не надо отпрашиваться с работы...» пронеслась в ее голове последняя расчетливая, офисная мысль. Инес не хотела признаваться Серджио, но она ни разу не была на море, с тех пор как последний раз ездила с мамой и еще новорожденным братом в Гуаймас. Она радовалась морю, как ребенок. Она впервые за многие годы вдруг ощутила себя счастливой. Она была настолько счастлива, что даже не задумывалась об этом. Она просто радовалась. Она бегала по кромке воды и кричала от счастья, она улыбалась, лицо ее светилось, они ни о чем не думала. Только о том, как соленый воздух наполняет легкие, о том, как приятно бегать по мелкому мягкому влажному песку... Серджио любовался ею, он чувствовал себя влюбленным мальчишкой, и тоже почти забыл обо всем, только глянув на Инес вдруг подумал: «Мэринелла тоже давно просила съездить на море вдвоем, без детей, она была бы счастлива здесь. Наверное, плохо, что я так поступаю...», Серджио продолжал смотреть на Инес, старался запомнить ее такой счастливой, потому что, как ему казалось, это счастье стоит дороже, чем просто два билета на море. Он слушал ее легкий смех, такой звонкий и приятный, и он готов был поспорить, что в Нью-Йорке она даже смеялась иначе. «Посмотри, как она счастлива, – говорил он сам себе. – Разве это ее счастье может быть плохим? Разве я, даря ей это счастье, могу поступать плохо?». И это было его последней мыслью, в которой были угрызения совести.

Они спасались от жары в номере, занимались любовью, изнывая от жары, ласкали друг друга пылко и жадно, не обращая внимания на липкие и влажные от пота тела, целовали соленую кожу друг друга, не в силах оторваться друг от друга, будто они оба – подростки, сбежавшие из дома. Они оба глотали горячий воздух, глотали внезапное, необдуманное счастье, такое разное для каждого из них, что его едва ли можно было бы назвать взаимным, знай каждый из них мысли другого, но, тем не менее, такое настоящее.

– Хочешь пить? – спросил ее Серджио, открывая холодильник.

Ананасовый сок был таким холодным, что сводило зубы. Инес сделала небольшой глоток, сок чуть согрелся на языке и стал приторно сладким. Потом она сделала еще один глоток, и еще один, и еще – уже не задумываясь. Наконец, поставила пустой стакан на тумбу и довольно выдохнула.

– Еще? – спросил ее Серджио.

– Нет! – рассмеялась Инес. Серджио, поддавшись порыву, поцеловал ее в смеющиеся холодные ананасовые губы.

Прилив был в самом разгаре, Инес и Серджио, вдоволь накупавшись, решили остаться на берегу. Они сидели и слушали, как волны смеются и подступают все ближе, радостно шумя. Издали доносилась танцевальная музыка, за их спинами мигали разноцветные огни курортных вывесок, а перед глазами был дикий океан пустой и полный одновременно, перед глазами были звезды, в темном водянистом небе пустом и полном одновременно. Инес старалась не слушать посторонних звуков, она вдруг встала и пошла по кромке воды. Она шла по прохладной воде, придерживая воздушное платье, чтобы не замочить его. Она шла, и чувствовала,

как мелкий песок уходит из под ног. Инес сделала шаг в сторону от наступавших волн, но тут же одна проворная и сильная волна снова догнала ее и снова смыла ее следы. «Если бы и у меня была такая сила, чтобы стирать следы...» подумала Инес.

Серджио шел поодаль, по сухому песку. Он не хотел мочить ноги.

– Пойдем, потанцуем? – предложил он.

– Почему бы и нет? – согласилась Инес, подумав о том, что ее задумчивость и меланхолию неплохо бы разбавить.

Настоящий коктейль это не смесь разных алкогольных напитков, экзотических соков и льда. Настоящий коктейль это смесь чувств, ощущений и вкусов. Смесь ритмов и пауз, музыкальных гармоний и слов. Это ощущение, когда твое тело, еще не остывшее от ночной прогулки, вдруг согревается под действием обжигающе холодного ликера. «Это ощущение, когда теплые мужские руки касаются замерзших плеч и согревают тебя...» подумала Инес. Это когда ты еще помнишь соленую до горечи морскую воду на своих губах и вдруг чувствуешь сладкий, чуть полынный вкус мартини. Это ощущение, когда, внезапно смешав все свои сомнения, получаешь единое, целостное настроение, которое, несмотря на свою сложную, порой расчетливую природу, все же становится приятным.

Инес медленно пила мартини, играя коктейльным зонтиком со льдом на дне бокала. Серджио смотрел на нее, и она казалась ему черной кошкой, заигравшейся со смешной кисточкой из разноцветной блестящей фольги.

– Пойдем, потанцуем! – вдруг попросила она его. – Обожаю Боуи!

– Let’s dance! – ответил Серджио строчкой из звучащей песни.

– Let’s sway! – вторила ему Инес, покачивая бедрами. И они закружились, потерявшись в разноцветных огнях, спутанных мыслях, внезапных эмоциях. В танце движется все тело, в танце будто бы становятся единым тело и душа, тело и мысли. Если поддаться этому настроению, смешать два настроения: то, что хочет твое тело и то, чего желает твоя душа – получается истинный танец. Разноцветные огни проплывают по стенам, играют на лицах людей, раскрашивая их на манер полотен Уорхола, так что реальность кажется больше похожей на сон. «А если это сон, я могу делать, что захочу и не винить себя!» подумала Инес, отгоняя тревожные мысли подальше. Серджио почувствовал, как Инес, тряхнув в танце головой, коснулась его кожи волосами. По телу пробежали произвольные мурашки. Серджио вдруг, будто выпив колдовское зелье, забыл всю свою жизнь. Для него существовал только один день – этот, и множество моментов, уже успевших врезаться в память. Впрочем, они оба сейчас наслаждались одним моментом, который перетекал из секунды в секунду, из минуты в минуту, формируя часы, проведенные вместе, на одной волне. Этот момент постоянно менял цвет. Этот момент шипел на языке газировкой, хрустел как полу-растаявший кубик льда, этот момент пах солью, экзотическими фруктами и разгоряченными телами. Серджио чувствовал себя шестнадцатилетним подростком, а Инес, наконец, перестала вспоминать о своей нелегкой юности и, поддавшись настроению, отпустила себя и наслаждалась всем так, как может наслаждаться молодая женщина.

– А где папа? – спросила Брит у Кёрли.

– В командировке, поехал куда-то, вроде на Кубу, но я не уверен, он никогда не уточняет!– заметил Кёрли.

– Да это и не важно! Главное, когда он вернется, ты ему намекни про новую аудиосистему... – Брит подняла брови. – И проблема сразу будет исчерпана, а то у ребят с деньгами туго и звук у вас фиговый, надо что-то делать. Мне-то со стороны слышнее.

– Ох, достало меня постоянно у папы просить! Когда уже можно будет на работу! – заныл Кёрли.

– Я думаю, летом можно подработать, даже если он не откажет тебе помочь, личные деньги лишними не будут, – рассудила Брит. Кёрли с уважением посмотрел на подругу и вдруг вспомнил, как они, целую тысячу лет назад, когда были маленькими, обещали друг другу пожениться. Кёрли улыбнулся, подумав, что Брит будет отличной женой.

– Ты чего улыбаешься? – недоверчиво спросила его Брит, – У меня что-то с прической?

– Не, все хорошо... – заверил ее Кёрли, стараясь больше не смотреть на нее. Ему казалось, его пристальный взгляд ее смущает.

– Не пропустишь сегодня репетицию? – спросила его Брит строго.

– Нет, сегодня не пропущу! – почти оправдываясь отвечал Кёрли.

– Смотри у меня! Послезавтра выступаем, а ты все еще слова путаешь! Не могу же я, уже порядком утонув, суфлировать тебе! – рассмеялась Брит.

– Офелия, не вредничай!

– Гамлет, не хитри! – парировала Брит.

– Черт, скоро звонок! – выругалась Хуана, посмотрев на часы.

Сердце Брит учащенно забилося. Она боялась урока литературы и ждала его. Она заходила в класс, озираясь, нет ли там мистера Эриксона. Она боялась нечаянно встретиться с ним взглядом, но хотела увидеть его. Она хотела увидеть его первой, пока он еще не занят разглядыванием класса. Дети рассаживались по местам, Брит переводила взгляд, чтобы не смотреть на дверь, как преданная собака, ожидающая хозяина. «Это было бы глупо», рассудила она, но посмотрев на то, как Эби надувает жвачку нелепым бледно-зеленым пузырем, снова перевела взгляд на дверь. Дик запустил скомканным листком в Крису, тот грязно выругался и швырнул в него учебником. Тот пролетел над партой Брит и шлепнулся на пыльный пол, так и не достигнув своей цели. Брит презрительно фыркнула и снова глянула на дверь. Мистера Эриксона все не было. Стараясь отвлечься, она перепроверила сочинение, нужно было сегодня сдать. Учебный год приближался к концу, и важно было следить за оценками, делать все вовремя и хорошо. Над сочинением она мучилась часа четыре. Ей не хотелось разочаровать учителя и показаться глупой, поэтому она долго думала сама, искала идеи в интернете, анализировала цитаты и критические отзывы, и, написав подробный план, наконец, все объединила. Теперь она пробегала глазами текст, нет ли там случайных ошибок. Над ухом прозвучал знакомый голос. Брит вздрогнула, увидев руку с тонкими длинными пальцами и кожаным ремешком на запястье.

– Брит, второй раз спрашиваю, ты готова сдать сочинение на проверку?

– Д-да, наверное, сейчас, секундочку, пробегу последний абзац глазами.

– Перед смертью не надышишься, сдавай уж как есть! – пошутил мистер Эриксон, – Никто не забыл задание дома, я надеюсь? От оценки за это сочинение зависит ваша итоговая за год! – строго напомнил он, – Кто готов, передаем по рядам мне! – скомандовал учитель. Послышались вздохи и копошение. Кто-то, так же как и Брит, судорожно пробежал глазами текст на наличие ошибок. Кёрли посмотрел на листы с текстом, отвел взгляд и скорее сдал работу, надеясь, что все обойдется. Дик передал вперед полупустой лист, исписанный небрежным подчерком. Эби украсила поля сочинения разноцветными наклейками. Хуана исправила опечатку замазкой. Она предпочитала печатать сочинения на компьютере, потому что из-за ее совершенно нечитаемого подчеркика ей постоянно ставили минусы за ошибки, которых не было.

– Ну все, хватит, хватит! – торопил детей мистер Эриксон. Вдруг в дверь постучали. Это была мисс Гвиндл, учительница младших классов, та самая, что была беззаветно влюблена в Эриксона. По классу прокатились смешки, но Гвиндл будто бы их не заметила.

– Мистер... Эриксон, – ее дыхание сбилось.

– Что такое, мисс Гвиндл? Кончились маркеры?

– Уже третий раз за неделю... – слышалось с задней парты.

– Нет-нет! Я прямо не знаю, что делать! – покачала она головой.

– Что-то случилось? – сдержанно спросил ее мистер Эриксон.

– У меня малыши подрались, двоих из них надо скорее отвести в медпункт! – растерявшись говорила она, – а за классом надо

приглядеть минут десять-пятнадцать, как бы они еще чего не устроили!

– Что, настолько серьезно? – мисс Гвиндл кивнула. Медлить было нельзя. – Так, дети! Повторяем те отрывки, что я задавал учить! Я скоро приду! – сказал Эриксон, поспешно выходя из класса. Они быстрым шагом пошли к кабинету мисс Гвиндл, там царил полный хаос: слышались детские крики, топот ног, смех, грохот, свист. Мистер Эриксон зашел в класс. Дети вдруг перестали носиться, громко кричать и постепенно расселись по своим местам.

– Я пригляжу за ними, идите в медпункт, – строго сказал мистер Эриксон.

– Ой, спасибо, вы так меня выручаете! Спасибо! – мисс Гвиндл, смущенно улыбаясь, вывела из класса двух драчунов.

Тем временем, в классе, где учились Брит и Кёрли нарастал шум. Подростки снова начинали болтать и смеяться, и тем, кто все же хотел выполнять задание учителя, приходилось нелегко.

– Господи, ну как так можно! – сплетничала Брит с Кёрли.

– Ну да, там и к гадалке ходить не надо! – покачал головой Кёрли. И тут же понадеялся, что свои чувства к Брит он скрывает лучше.

– Если я когда-нибудь буду выглядеть так же глупо, пожалуйста, толкни меня локтем или покашляй, – попросила его Брит, от всего сердца надеясь что он, как ее друг, так и сделает.

– Ладно! – пообещал Кёрли, подумав, что если она так же глупо будет вести себя по отношению к нему, он ее не задумываясь поцелует.

Вдруг дверь в класс приоткрылась, было видно, что мистер Эриксон собирается зайти, но продолжает разговор с мисс Гвиндл.

– Вы бы строже с ними, маленьким важны четкие рамки, – как можно более корректно, чтобы не обидеть коллегу, говорил он, – демократичность лучше действует с детьми постарше, – учитель вдруг понял, что его слышат ученики, – то есть с подростками.

– Хорошо, я попробую. Спасибо мистер Эриксон, – стараясь держать себя в руках говорила мисс Гвиндл. Эриксон предпринял попытку бегства от своей навязчивой воздыхательницы и зашел в класс. Однако, она последовала за ним. Губы ее чуть дрожали, было видно, что она сильно расстроена.

– Не переживайте, выговора от начальства не будет. У детей часто бывает. Ну что поделаешь... – старался ее успокоить Эриксон. Губы мисс Гвиндл задрожали сильнее, она была готова расплакаться. – Успокойтесь и выпейте воды! – жестче сказал Эриксон, Кажется, это помогло ей прийти в себя. Она сдержанно извинилась и отправилась опять успокаивать свой класс. Брит невольно испытала невероятно сильное чувство гордости за своего учителя. Он был таким строгим и справедливым! Всегда знал, как и что нужно сказать. Брит восхищалась его умением правильно формулировать мысли. Но одновременно с этим восхищением она ощущала, что попала в ту же ловушку, что и мисс Гвиндл. Брит успела хорошенько обдумать свои фантазии, проанализировать мысли, возникающее при виде мистера Эриксона. Она недавно поняла, что и сама влюблена в него. Это было обидно. Ей не хотелось влюбляться в него. Это казалось ей слишком очевидным и банальным. Ей хотелось чувствовать к нему только восхищение, которое можно испытывать к личности, к человеку как таковому. Она никак не могла понять, почему она стала любоваться им, как

женщины любят мужчины. Ей было обидно, что она, возможно, такая же слабая и глупая, как мисс Гвиндл. Пока эти мысли проносились в голове у Брит, словно какая-то другая Брит продолжала смотреть на него, любоваться им. Брит старалась не улыбаться, когда смотрела на него, хотя внутри она чувствовала что все ее существо трепещет от восторга, только потому, что она смотрит на светлый завиток его волос, который касается ворота клетчатой рубашки.

***

Инес спешила в гости. Она только вчера вернулась из «отпуска», и мысли ее пока были только о приятном. Инес решила купить небольшой букет цветов. Ей показалось, что ярко-красные, оранжевые и желтые герберы поднимут ее подруге настроение. Клэр открыла дверь почти сразу. Подруги увидели друг друга и сразу кинулись обниматься.

- Отдохнувшая, загоревшая, просто красавица! – зашебетала Клэр.
- Спасибо, дорогая! Ты тоже отлично выглядишь! – ответила Инес, разглядывая огненную шевелюру подруги.
- Да! – Клэр с гордостью продемонстрировала новый цвет своих волос.
- А тебе очень идет! – заметила Инес.
- Забавно, но даже Этану понравилось! Он сказал, я выгляжу очень свежо!
- У тебя сразу загорелись глаза! Удивительно, кто бы мог подумать!

- Да, скажи мне кто-нибудь пять лет назад, что я покрашу свои русые волосы в ярко-рыжий, я бы не поверила! Что же мы все обо мне, да обо мне? Ну-ка рассказывай про свою «командировку»! – Клэр сделала хитрый вид, намекая на то, что не прочь послушать последние новости. – Садись скорее, сейчас, подожди, я разберусь с цветами, надо же их куда-то поставить... И как ты угадала с цветом? Эти герберы такие яркие, совсем как я!
- Не знаю, как-то так, само «снизошло»! – Инес улыбнулась. – Тебе интересно, как я съездила? Конечно отлично!
- А поподробнее? – Клэр строго посмотрела на подругу. – Или мне все из тебя клещами вытягивать?
- Хо-ро-шо... – Инес сладко потянулась, продолжая улыбаться.
- Я тебя не узнаю, – качая головой отметила Клэр, – Ты такая счастливая! Неужели, наконец, влюбилась?
- Не знаю, не знаю... – уклончиво отвечала Инес. Она вернулась только вчера, все воспоминания были еще свежи, все, что она видела, все, что ее окружало, казалось ей прекрасным.
- Не буду на тебя давить! – Клэр посмотрела ей прямо в глаза. – Но когда ты вдруг поймешь, ты меня порадуешь!
- Если я влюблюсь в женатого, ты будешь рада?
- А мне все равно в кого, мне любопытно посмотреть на тебя, когда ты все-таки влюбишься вопреки всем своим теориям.
- А если это окажется губительно для меня?

– Иногда это бывает полезно! – хитро улыбнулась Клэр. Инес всегда нравилась эта ее улыбка, и даже морщинки, которые собирались в уголках губ.

– Значит, ты будешь причиной моего падения, если что... – отшутилась Инес. Клэр засмеялась.

– Пока ты там по своим морям разъезжала, у меня ничего, кроме прически не поменялось.

– Так уж и ничего? Если поменялась прическа, поменялось и настроение... – предположила Инес. – С чего ты вдруг такая огненная?

– Ну нет, – смутилась Клэр, – это не то, о чем ты подумала.

– А о чем я подумала? Я ни о чем не думала!

– А мне показалось, ты заподозрила меня в чем-то. Представляешь, наша соседка прямо так Этану и сказала: раз новый цвет волос, значит новый мужчина!

– Ах вот оно что! – Инес рассмеялась. – И как Этан отнесся к этой новости?

– Ты же знаешь, он у меня очень понимающий! Да и потом, мы друг другу доверяем, он совершенно не ревнив. Я даже не знаю, как ему это удастся, он всегда так спокоен...

– Думаю, дело в твоём образе жизни! – отметила Инес.

– Ну да, только он почему-то иногда говорит, что у меня куда больше шансов пообщаться с интересным «папочкой» на детской площадке или в магазине, чем у него познакомиться с какой-нибудь красоткой на работе. В школе! В «замкнутом

пространстве»! Да у него на День Святого Валентина десятки поздравлений от учениц и учительниц, а телефон разрывался от анонимных сообщений, уж я-то помню... Думаю, он очень хороший учитель, так любит свою работу.

– Ты же не в восторге от того, что он учитель?

– Нет, не в восторге. Но мне кажется, ему сейчас очень нравится то, что он делает. Да и времени на семью больше...

– А что ты готовишь? – Инес любопытно заглянула в духовку.

– Картофельную запеканку! – отвечала деловито Клэр. – Он ее очень любит, хочу сделать ему приятное.

– Вот интересно, сколько вы уже вместе, целую тысячу лет! И не надоели друг другу?

– Нет, не надоели. Ну может быть, самую чуточку! – рассмеялась Клэр.

– И что же, ты его не ревнуешь?

– Ревную, в основном к молодым учительницам. Мне кажется, какая-нибудь из них легко его соблазнит.

– Но Этан же не из тех, кто на такое поддается?

– Может быть там просто нет той, которая оказалась бы в его вкусе, я не знаю, – покачала головой Клэр. – Понимаешь, я не очень-то верю, что могу быть ему еще интересна.

– Не наговаривай на себя. У тебя проблемы с самооценкой, ты прекрасно выглядишь и вообще все у тебя хорошо. Непонятно, с чего вдруг такие сомнения! – попыталась убедить подругу Инес.

– Вот и он так говорит, но это слишком хорошо, чтобы быть правдой... – Клэр размешивала салат двумя деревянными ложками.

– Может тебе пора перестать задумываться? – спросила ее Инес.

– Это советуешь мне ты? Я не верю своим ушам! – иронично отвечала Клэр. Инес хитро улыбнулась.

– Понимаешь ли, иногда и я предпочитаю пользоваться этим методом. Как видишь, прекрасно отдохнула!

– Я вижу-вижу! Ты вся светишься!

– Пусть это не вводит тебя в заблуждение, я не потеряла голову. Еще, наверное, не родился тот мужчина, который сможет свести меня с ума.

– Судя по твоим рассказам, Серджио вовсе не плохая кандидатура! Он же у тебя красавец, такое правильное лицо, интересный нос, скулы. Волосы чуть седые – ммм, за это многие душу дьяволу продадут! Да и вообще... Судя по всему, очень интересный.

– Интересный, в этом я согласна. Знаешь, пока я была в отпуске, я вдруг подумала, а что если бы это все было бы по-настоящему, что если бы мы были вдвоем, что если он был бы моим? Совсем? И знаешь, я подумала, что я не хочу этого. Заниматься сексом, купаться в море, танцевать, пить и веселится – все это замечательно, но у меня все равно ни разу ничего внутри не дрогнуло, не зашевелилось. Будто бы это не я рядом с ним, а мой двойник, понимаешь?

– Но он же именно тот тип, который тебя всегда привлекал? Успешный, состоятельный, взрослый мужчина.

– Ты вот все это сказала, но неужели ты не понимаешь, что это всегда было для меня не по-настоящему?

– А что такое по-настоящему? Ты испытывала это? – спросила ее Клэр, пытаясь лучше понять подругу.

– Я не знаю, похоже, что нет! – отвечала Инес.

– Так откуда ты можешь знать, что это не настоящее?

– Не знаю... Мне иногда кажется, что может быть, мне бы больше подошел такой, как Этан.

– Так-так! – Клэр хмыкнула. – И почему же с тобой рядом я ни разу не видела никого подобного?

– Может быть, потому что я не могу себе этого позволить? – спросила ее Инес, глядя подруге прямо в глаза. Может быть, Клэр хотя бы сейчас ее поймет. Она всегда представляла, что для Инес богатые мужчины являются источником удовольствия и дохода, думала, это для нее игра. Но на самом деле все было куда серьезнее. Ей были нужны деньги. Очень много денег на оплату лечения брата. Скоро ему понадобится пересадка и донор, нужно придумать, как скорее и безопаснее перевезти их с матерью сюда. Инес вздохнула.

– Ну, как говорит Этан, все это наносное и неважно. Если бы ты на самом деле не любила роскошь и красоту, ты бы давно жила иначе.

– У Этана все так просто... – Инес вдруг стало грустно и любопытно одновременно. Что будет, когда брат выздоровеет, если брат выздоровеет? Возможно, она сможет жить, так как захочет. Но как жить?

– Да, Этан все очень легко решил для себя, – пришел черед Клэр вздохнуть, – Не хочу пока об этом. Он же у меня молодец! Вот, с детьми занимается, пока мы с тобой здесь болтаем. На самом деле, если бы я знала, где можно достать еще парочку таких, я бы тебе посоветовала местечко.

– Спасибо за заботу, – Инес снова улыбнулась, – мне пока хватает Серджио! По крайней мере, я знаю, что с ним дальше делать...

– Ух ты, какая коварная!

– Да! – гордо отвечала Инес.

– Из семьи хочешь увести? – предположила Клэр.

– Нет, ну что ты, зачем мне это?

– Да кто тебя знает... – пожала плечами Клэр.

Инес засиделась в гостях, но уходить еще не хотелось. Было уже поздно, и Клэр пошла укладывать детей спать. Инес уютно расположилась на диване в гостиной, дожидаясь, пока подруга вернется. Из детской вышел усталый Этан.

– Что, был тяжелый день?

– Да, немного, – вздохнул Этан. – Дети меня утомили сегодня, а я еще не закончил проверку итоговых сочинений.

– Там, небось, такие перлы встречаются!

– Да, бывает, иногда смешно, иногда грустно.

– А что там было?

– «Гамлет был самым древним фриком...» – Этан приподнял одну бровь и улыбнулся.

– Ахаха, действительно, смешно!

– «Гамлет часто разговаривал со всякими духами, и вот, пошел, откопал череп Йорика, своего отца, и стал с ним разговаривать, а тот ему и говорит...». Чего только не понапишут! «Офелия не выдержала холодности Гамлета, и, пытаясь вызвать в нем хоть какие-то чувства, утопилась» – Этан улыбался. Инес смеялась.

– Мда, веселая у тебя работа!

– Не говори! – Этан встал с дивана, чтобы налить себе вина. – Будешь?

– Угу, – кивнула Инес. Этан наполнил два бокала, протянул один Инес и, немного не рассчитав, «приземлился» слишком близко к Инес и задел ее, та чуть не пролила вино, ойкнула, они рассмеялись.

– Неловко вышло, прости, я рассеянный! – извинился Этан.

– Ничего, ничего! – рассмеялась Инес. К несчастью, Клэр, спускаясь из детской, увидела эту сцену и поняла ее превратно.

– Стоило мне отлучиться на двадцать минут, вы уже сидите рядом и воркуете, как голубки! – ревниво заметила она, изо всех сил сдерживаясь, чтобы не перейти на крик и оставаться вежливой. Она пыталась говорить шутливым тоном, чтобы не выглядеть слишком глупо. – Прости, мне надо с мужем перемолвится парой слов. А потом сядем, выпьем вина, хорошо? – обратилась она уже к Инес.

– Уже поздно, я, пожалуй, пойду, – извинилась Инес. – Прости, я не хотела ничем тебя обидеть.

– Все хорошо! – отвечала Клэр, улыбаясь. – Я пошутила!

– В любом случае, я забыла, что завтра на работу, а уже поздно, в общем, я все-таки пойду.

– Ладно, еще созвонимся! – отвечала Клэр, провожая подругу.

Едва Инес вышла из дома и дошла до машины, где она уже точно не могла услышать их с мужем разговора, Клэр вспыхнула и начала говорить громким шепотом, который Этану всегда казался криком:

– Я что, слепая совсем, не вижу, как ты на нее смотришь?

– Как «так»? – возмутился Этан. – Я просто смотрел на нее, как смотрят на собеседника! Да, я смотрел ей в глаза и улыбался! И что? Она вообще не в моем вкусе, ты же знаешь!

– Да что ты говоришь! «Не в твоём вкусе»? Да все мужики одинаковые, разве может она быть не в твоём вкусе! Ты еще скажи, что ты бы ее не хотел! Да как ее можно не хотеть, ее даже я хочу! Талия, грудь, бедра... Лицо красивое, она вся – шикарная! А я сижу дома, постоянно с детьми, мне вообще не до себя, нет, что ты отворачиваешься, ты посмотри на меня! Никакая я не замечательная, да ты врешь все, ты посмотри, у меня задница толстая! Я старею, у меня скоро морщины начнутся!

– Господи, Клэр, сама послушай, что ты говоришь! Да какая ты толстая! Ты посмотри, какие у тебя худые руки, у тебя ключицы проступают, и ребра. Не веришь, я тебе сейчас покажу... – Этан подошел поближе к жене и хотел в шутку ткнуть ее пальцем.

– Не трогай меня! – Клэр отскочила, зная, как он иногда неловко может ткнуть под ребра.

– Ты не в духе сегодня...

– Я? Не в духе? Мой муж флиртовал с моей подругой, конечно, я не в духе! Два месяца пашу в зале, сижу на диете, а Инес все равно худее, чем я!

– Она всегда была более сухой, Клэр. Вы разные, ты не должна себя загонять по ее меркам! Я полюбил тебя такой и люблю тебя! Ты вообще прекрасно выглядишь, я не пойму к чему все это...

– Я не могу выглядеть прекрасно! У меня на одежде пятна от детского пюре, у меня все пальцы разрисованы фломастерами, я даже прическу сделать не успеваю!

– Милая, а что ты хотела? Сидеть дома, разодетая в дизайнерскую одежду, с образцовым маникюром, как статуя? Да детям все равно, они бы и chanel разрисовали и запачкали пюре!

– Нет, ты не понимаешь!

– Это ты не понимаешь! Господи, Клэр, неужели все это так важно для тебя!

– Да, Этан, важно! И я думала, для тебя все это так же важно, пока ты...пока ты... – Клэр сбилась с дыхания, ее очень волновала эта тема. Она чувствовала, как ее начинает трясти.

– Я думал, этот вопрос давно решен, – сухо ответил Этан.

– Вот именно, решен! – вспыхнула Клэр. – Кем решен? Единолично тобой! – она снова начинала повышать голос.

– Я не хочу говорить на эту тему. Это моя жизнь и мое решение, и тебя я не подводил. Я всегда был с тобой, всегда поддерживал тебя. У нас прекрасный дом, ты и дети ни в чем не нуждаетесь.

– Ой ли, ни в чем! Этан, боже, ты какой-то инопланетянин! Я женщина, я хочу ...

– Ну, чего ты хочешь? – спросил Этан.

– Я много чего хочу!

– Давай, говори!

– Я хочу жить! Нормально жить!

– Стоп! Подожди, успокойся. А мы с тобой что, ненормально живем?

– Нет, ненормально! Я как в заточении! А я хочу успеха! Я хочу гонки! Я хочу быть, как Инес! Я хочу быть активной, дышать полной грудью, работать, воспитывать детей, ездить в командировки! И на море тоже хочу! Я хочу, чтобы у нас с тобой совпадали интересы, чтобы мы оба работали на благо нашей семьи, стремились к новым вершинам!

– Уф... – выдохнул Этан. – То есть работать днями и ночами, не зная отдыха, жертвовать всем, ради карьеры, не видеть детей, мотаться по стране – это нормально? Скупать в магазине дикое количество новинок, только чтобы выглядеть как с обложки – это нормально? Ты, вероятно, забыла, как делаются эти обложки! Ты забыла, что всем им только и надо, что продать нам что-то! Ты говоришь мне, что хочешь быть активной, хочешь быть как Инес, хочешь быть худой, хочешь быть красивой, хочешь, чтобы у нас совпадали интересы...

– Да, этого и хочу!

– Послушай, просто послушай меня.

– Ладно.

– Хочешь быть как Инес... Я не знаю что там у Инес, но я уверен, что она, наоборот, завидует тебе. И вся ее карьера, это не от хорошей жизни, поверь. И выглядит она так только чтобы быть, прости, «привлекательным товаром».

– Ты назвал мою лучшую подругу проституткой?

– Нет, Клэр, нет. Ты снова не поняла, боже...

– Ладно, продолжай, – успокоилась Клэр, припоминая разговоры с Инес и понимая, что Этан в чем-то прав, и она перегнула палку.

– Ты хочешь, чтобы у нас совпадали интересы. Поверь, и я хочу этого. Ты хочешь дышать полной грудью, но ты даже не знаешь, что тебе на самом деле для этого нужно! Поверь, вовсе не стабильная работа, и не все эти атрибуты успеха, о которых ты говоришь. Ты не принимаешь себя такой, какая ты есть. Ты не любишь себя, а я тебя люблю. Поэтому ты мне не веришь. Хочешь быть активной, так будь! В чем проблема? Неужели я или дети мешаем тебе такой стать? Ты живешь не своей жизнью, ты все играешь роли. Роли жены, роли матери, мечтаешь быть «как с обложки», но Клэр, милая, ты же другая, я же знаю, я полюбил тебя другой, и я знаю, на что ты на самом деле способна! Если тебе принесет радость работать экономистом, иди, ради Бога, я же не против! Если ты будешь зарабатывать больше меня, я не буду мучать тебя своим комплексом неполноценности. Ты только пожалуйста, подумай сама и реши, чего ты хочешь.

– Я, по-твоему получается, совсем не знаю кто я есть! Это, знаешь ли, обидно слышать! – Клэр поджала губы.

– Я не хотел тебя обидеть этим. Я просто хочу чтобы ты задумалась. – спокойно отвечал Этан.

– Ты укоряешь меня или в глупости или в неискренности, я все никак не разберу!

– Ни в том и ни в другом! Если уж совсем честно, я укоряю тебя в том, что ты забыла, кто ты.

– Даже так! – возмутилась Клэр. – А ты, наверное, хорошо помнишь, кто я? Ты хочешь, чтобы у меня были такие же интересы как у тебя! Но ведь это не верно! Почему я не имею права хотеть иного образа жизни? Ты был успешным, был очень успешным, но ты сам от этого отказался. А я никогда не была, я принесла себя, свои интересы в жертву тебе, нашей любви, нашей семье. Я не знаю, как это – быть настоящей бизнес-вумен, а я всегда мечтала! Мне всегда хотелось этого, а ты мне говоришь, что я себя потеряла? Да я просто не соответствую твоим ожиданиям. Ох, кончится ли это когда-нибудь... – вздохнула Клэр.

– Даже не знаю теперь... – вздохнул Этан. – Я хотел и хочу, чтобы у нас была счастливая семья, и чтобы каждый делал то, что по-настоящему любит, и чтобы у детей были мама и папа.

– В реальном мире это невозможно! Всегда надо чем-то жертвовать. Я хочу, чтобы мои дети получили прекрасное образование и жили в большом красивом доме! Хочу ездить в Европу, хочу, чтобы все были здоровы, хочу быть красивой для тебя!

– Они и получают! К тому времени, как придет время поступать в университет, мы отложим необходимую сумму. И у нас прекрасный дом, не знаю, зачем тебе больше? В этом мире все возможно! Не нужно соответствовать навязанным идеалам, вот ты говоришь, хочешь большущий дом, а так ли это на самом деле?

– Но ты ведь тоже этого хотел раньше!

– Раньше! Ключевое слово – раньше! Я был глуп, я не разобрался, что мне нужно. Но к счастью, я это понял.

– То есть, я по-твоему, глупа?

– Не цепляйся к словам, я говорил только про себя.

– Ладно, ты мистер-Просветление, достиг истины. А я все никак ничего не пойму, так?

– Пффф... – устало выдохнул Этан.

– Ну, вот это твое «пффф»! Ненавижу его! Ты сразу такой надменный всезнайка!

– Иногда мне кажется, что тебе просто скучно... – покачал головой Этан.

– А тебе видимо, скучно слышать все мои доводы! Не хочешь со мной разговаривать, ну и не надо, иди, проверяй до полуночи свои сочинения!

– Клэр, тебе надо серьезно подумать о выходе на работу... Я правда, не могу уже так. Ты себя измотала и меня измотала. Может, тебе станет легче, когда ты начнешь вставать в шесть утра и возвращаться домой около восьми. Может быть, тебе станет легче, когда купишь себе что-нибудь дорогое и статусное. Может

быть, может быть, тогда ты поймешь, что сумочка от Луи не стоит того, чтобы не видеть своих детей вечерами. Я же не говорю тебе, чтобы ты продолжала сидеть дома, я говорю о том, чтобы ты подумала, чем заняться, чтобы это было тебе действительно по душе. Тебе же все равно заново карьеру строить, так подумай, что тебе по-настоящему нравится!

– Ух, Этан, иногда мне кажется, мы с тобой разговариваем на разных языках. Я же сказала, чего я хочу.

– Так что тебе мешает это воплотить в жизнь?

– То, что тебе не нравится такой стиль жизни! А я все же хочу, чтобы ты одобрял мой выбор!

– Я одобрю любой твой выбор, если он сделает тебя счастливой. – Этан старался говорить спокойно.

– Этан, я тебя не понимаю, ты говоришь то одно, то другое.

– Как и ты...

– Ты знаешь, я что-то устала, пойду спать. – Клэр вздохнула.

– И я устал, но мне надо закончить работу. – деловито заявил Этан.

– Ну вот, ты тоже засиживаешься на рабочем месте допоздна! Как на счет уделить внимание жене? Я может быть, скучаю по тебе! – немного капризно сказала Клэр.

– Я тоже по тебе скучаю. Но тебе сегодня лучше отдохнуть...

– Опять ты за меня все решил... – Клэр развела руками.

– Просто сама понимаешь, мы только что выясняли отношения на протяжении двух часов, мне не до романтики...

– Пффф... А как же пылкий секс после ссоры? – Клэр использовала прием мужа, стараясь максимально похоже сказать это его «пффф».

– Нет, дорогая, не сегодня.

– Как знаешь, я иду спать. – Клэр развернулась и, как показалось Этану, стала сердито подниматься по лестнице.

Он покачал головой и направился в свой кабинет, проверять итоговые работы старшеклассников. Больше половины работ он уже прочел, оставалось штук семь-восемь. Сегодня был тяжелый день, и он порядком устал. Мысли уходящего вечера кружились в его голове. Он продолжал думать о том, что произошло. Каждый визит Инес не сулил ничего хорошего для него. Он относился к ней нейтрально и вовсе не был против ее дружбы с Клэр. Когда ему приходилось общаться с Инес, он всегда старался поддерживать очень теплый и дружеский тон, шутил с ней, улыбался, даже в шутку заигрывал. Просто так, потому что это было его манерой общения. Но, вообще говоря, она была совершенно не его типом женщин. В этот раз Клэр долго укладывала детей спать, Инес задержалась допоздна, и ему не оставалось ничего другого, кроме как спуститься в гостиную, чтобы она не сидела там совсем одна, как-то развлечь ее, налить ей бокал вина. Этан вспомнил, как они сидели на диване. Возможно, слишком близко друг к другу. Он тогда не предал этому значения, а Клэр буквально вспыхнула. И какими словами ей объяснить, что Инес его не привлекает? Как дать понять жене, что он действительно считает ее красивой? Нет, хватит об этом. Этан

расстроился и принялся изучать сочинение. Он не читал, чья эта работа. Он узнал ее по почерку. «Ну вот, наконец, будет что-нибудь интересенькое...» подумал он, начиная проверку работы Брит. Ему нравилась Брит. Она была одна из самых умных его учеников. Был еще Клинт, старше ее на два года, Элли из параллельного класса, Ник, самый младший, из седьмого. Вот и все. Этану всегда было приятно слушать этих учеников и читать их сочинения, они были одними из тех, кто действительно интересуется предметом. Этан довольно хмыкнул, оценив красивый переход одной мысли в другую в итоговой работе своей ученицы. Ему понравилось, как она проводит анализ характеров и поступков героев, как использует цитаты. Такое умение редко встречалось в обычной школе. Если она продолжит заниматься эти предметом и свяжет свою жизнь с литературой, ее может ждать успех. Он вдруг вспомнил, как она залиvisto смеется. Ох уж этот смех! Если бы он был мальчишкой, таким же молоденьким, как она, если бы он был, как ее друг, Маркус, он бы тоже был в нее влюблен. «Зря я выпил вина, мысли у меня какие-то странные...» подумал Этан, покачав головой. Он улыбался, вспоминая Брит. «Она молодец» подумал он и чуть покачал головой. Он и сам не знал, почему вдруг ему стало грустно. «Надо же, ни одной ошибки! Или нет, все-таки одна закралась...» заметил он, подправляя лишнюю запятую, «а вот и еще одна...». Этан злорадно улыбнулся. «Подучишь правила лучше!» и поставил ей А с минусом, все-таки эти ошибки были совсем несерьезными.

***

Брит сидела дома. Обычно она делала уроки под музыку, но сейчас она учила роль и непривычная тишина вливалась в ее уши, как будто отсутствие музыки тоже является музыкой. «Тишина – довольно условное понятие», подумала она. Шорох страниц,

собственное дыхание. Дома никого нет. Была поздняя весна и птицы громко галдели, рассевшись на ветвях огромного дуба, росшего под ее окном. Было слышно, как от ветра шуршит листва. С улицы доносился грохот скейтов об асфальт и детские крики, где-то слышался отчаянный лай двух или трех собак, затеявших драку. «Вот такая странная тишина...» подумала Брит. Нужно было выучить роль точно, чтобы не сомневаться ни в едином слове. Завтра день премьеры. Брит так и не удалось порепетировать в своем костюме, мама только сейчас забрала платье из ателье. В школьном театре, конечно, было другое, но не ее размера и цвет совсем ей не шел. Поэтому Брит упростила маму сшить ей платье на заказ. Брит волновалась. Она уговаривала себя успокоиться, но внутри нее поднималась какая-то неистовая дрожь. Она очень боялась, что что-то пойдет не так. «А на улице так хорошо, так классно, вот бы пойти погулять!» подумала она вдруг, но тут же себя осадила: «Потом нагуляешься, скоро уже каникулы, а сейчас – финальный рывок!»

– Волнуешься? – написал ей сообщение Кёрли.

– И как ты все чувствуешь? – спросила его Брит.

– Я и сам такой! – отвечал будущий Гамлет.

– У тебя и роль серьезнее...

– Зато память натренирую! – отвечал Кёрли.

– Вот будет смешно, если мы нигде не ошибемся, а все остальные облажаются по полной!

– Я думаю, это будет эпично!

– Пичалька будет, да? Столько времени убить на это и превратить все представление в фарс...

– Думаю, обойдется, – утешил ее Кёрли. – И знаешь что, мне кажется, нам обоим не помешает расслабиться! Может сходим куда-нибудь вечером? У Виктора тусовка!

– Да нет, мне роль учить надо... – Брит вздохнула, пока набирала текст.

– Тебе? Учить роль? Ты и так ее знаешь отлично!

– Ну да, я боюсь сбиться.

– Не бойся, импровизируй, если что! – подбадривал ее Кёрли.

– Импровизировать Шекспира? Ох...

– Ну да, импровизировать Шекспира! Не переживай! Давай так: еще два часа ты сидишь над текстом как последняя ботаничка, а потом я прихожу и... вызволяю тебя из плена букв, тюрьмы четырехстенной дома, и слов линиялых неизбежных пут!

– О, ну ничего себе, Кёрли! – рассмеялась Брит.

– Ну что, как тебе моя идея? – Брит, читая его сообщение, буквально почувствовала задор, исходивший от ее друга.

– Я подумаю...

– И думать не смей, я приду и освобожу тебя! – отвечал он. Брит улыбнулась. И вдруг подумала, как было бы здорово, если бы под ее окнами через пару часов стоял не Кёрли, а Этан, то есть мистер Эриксон, конечно. «Нет, нет, не думай об этом!» приказала себе

Брит, и с удвоенным упорством принялась учить слова в тех местах, где уже не раз сбивалась.

А через два часа, Кёрли, как и обещал, зашел за ней. Они пошли пешком до Виктора, наслаждаясь теплым майским вечером.

– А я рада, что ты меня вытащил! – радостно сказала Брит, надевая свои розовые очки.

– Думаю, нам обоим это будет на пользу! – отвечал Кёрли.

– Немного встряхнуться? Охохо! – рассмеялась Брит. – Похалявить я всегда за!

– А так и не скажешь! Бе-бе-бе! – дразнил ее Кёрли.

– Прекрати! – фыркнула Брит.

– И не подумаю! – отвечал Кёрли, продолжая подтрунивать над подругой.

Так они, смеясь, дошли до дома, где уже почти все их друзья были в сборе. Те, кто давно не виделись между собой, обменивались новостями. Кто-то играл в настольные игры, кто-то просто жевал чипсы, запивая их газировкой. Виктор ходил по всему дому и оставался то с одной группой людей, то с другой, стараясь всем уделить внимание. На самом деле он искал общества Брит. Ему хотелось выкроить удобный момент и место, чтобы с ней перемолвится парой слов. Она ему нравилась, она была интересная: никогда не лезла за словом в карман, тонко шутила, звонко смеялась и была... такой красивой. Виктор улыбнулся. Конечно, он хотел бы поцеловать ее в губы, но еще больше ему бы хотелось, чтобы она сделала это сама. «О, это было бы просто прекрасно...» Виктор довольно вздохнул, попытавшись на секунду

представить это. «Да, я хочу ее как трофей... Но разве это плохо, влюбиться в такую девушку и хотеть ее? Однажды была у меня такая...» успел подумать он.

– Что ты так ехидно улыбаешься, что-то задумал опять? – спросила его Брит, наливая себе немного газировки в стакан. Виктор чуть не уронил свой джин-тоник.

– Ты за мной следишь? – спросил ее Виктор. Как ей показалось, с оттенком надежды в голосе.

– Ну что ты! Зачем, ты и сам меня можешь найти где угодно! – заявила она. Виктор широко улыбнулся, стараясь скрыть свой истинный восторг. Ему безумно нравилось, как она его «цепляла».

– Конечно-конечно, только за тобой и бегаю! Но ведь уже сбился с ног, все безрезультатно! Мужчины постарше ведь не в твоём вкусе? Ммм? – сказал он, приблизившись к ней. Брит растерялась. Он стоял близко, от него приятно пахло какой-то туалетной водой, ее запах был очень хорошо знаком Брит и, помимо воли, он ее выводил из равновесия – такими же пользовался мистер Эрикссон. Виктор заметил ее реакцию. – Или я не прав?

– Нет! – Брит чуть ли не отскочила от него.

– О, да ты боишься меня? – спросил он. – Это дорогого стоит...

– Я тебя не боюсь! – отвечала Брит. – Но это не значит, что я позволю тебе себя лапать!

– Даже по-дружески?

– Боюсь, это будет противозаконно! – рассмеялась Брит.

– Боишься, что просто объятиями дело не закончится? – спросил Виктор, глаза его светились.

– Именно этого! – отвечала Брит, стараясь скорее улизнуть с кухни.

– Расслабься, тебе надо выпить! – Виктор предложил ей добавить в тоник немного джина.

– Нет, как-нибудь в другой раз! – отвечала Брит. – Сегодня обойдусь без алкоголя!

Брит вернулась домой «пораньше», было без пяти минут полночь, когда она прокралась в свою комнату. На этот раз было недостаточно поздно, чтобы лезть в окно, ее мог кто-то заметить. К счастью, родители уже спали. Брит скорее приняла душ и легла спать. Ей снились беспокойные сны. Снилось подготовка к выступлению, суета, какие-то незнакомые лица, непонятное беспокойство, полу-театральное, полу-школьное. Дура-Эби, которая опять молола всякую чепуху! Брит так и хотелось ее стукнуть чем-нибудь! Потом она все-таки взяла в руки тяжелый портфель мистера Эриксона и хорошенько огрела ее за очередную глупость. Снилось, как она, выступая, забывает слова. Снилось, как все выходят на поклон, а она стоит на сцене абсолютно голая и ей холодно. Ей снилось, как кто-то зовет ее. И вот, она подходит к окну, а там почему-то стоит Этан, и он ждет ее, она это точно знает. Они идут по городу, и он держит ее за руку – его рука такая теплая и сильная. Они вдруг останавливаются, он отпускает ее руку и обнимает ее. Они стоят так долго. Она смотрит на закатное небо, облака неспешно плывут по небу, теряя свое золотое оперение из-за ветра. Она слышит, как бьется его сердце. Она чувствует, как его губы касаются ее лба. Брит хочет его

поцеловать, чуть отстраняется от него и, не в силах совладать с эмоциями, поддаваясь этому головокружительному аромату, смотрит на его красивые губы. «О, боже, эти губы хотят только одного, чтобы их целовали!» проносится в ее голове мысль. Она чуть встает на носочки, чтобы поцеловать его, сердце сжимается от нежности, страсти и страха и тут она вдруг просыпается. Смотрит на часы. Половина пятого утра. «Почему?» проносится в голове мысль, «попробую уснуть, вдруг приснится продолжение...» проскальзывает другая. Но увы, в остаток ночи ей снятся высокогорные овцы, старый поезд, в котором едут волшебники, то, как она катается на единороге в своем новом платье и снова Шекспир.

***

Мистер Эриксон плохо спал этой ночью, ему снилась жена и ее упреки, она казалась ему излишне воинственной с новым цветом волос. Этот огненно-рыжий прекрасно отражал ее характер, но тем самым и усугублял его. Он и ночью пытался ей что-то объяснить, но наталкивался на стену непонимания. Ему хотелось только одного, чтобы она снова была как прежде, чтобы он снова мог с удовольствием слушать, как у нее в груди бьется сердце. Наверное, это возможно. Но для этого надо, чтобы и она его поняла. Напряжение копилось в нем. Ему казалось, он кричит в голос. Ему хотелось только одного: снова ощутить покой рядом с ней. Ему вдруг приснилось, что он обнимает ее, как когда-то, давным-давно. Ему приснилось, как она рассказывает свои наивные мечты, а они совсем не похожи на прежние. Он вспомнил, как обнимал ее еще совсем юное тело, и губами касался ее лба. Он слышал, как бьется ее сердце тогда. Ему было снова невообразимо хорошо. Он захотел ее поцеловать, и, чуть отстранившись от нее, вдруг увидел, что это вовсе не его жена, а Брит. Мистер Эриксон

внезапно проснулся. Было еще очень раннее утро. «Приснитесь же!» подумал он, все еще ощущая щемящую нежность и удивительный покой.

***

Как и во сне Брит, весь учебный день был полон суеты. И, хотя, по многочисленным просьбам детей и не без участия мистера Эриксона большую часть контрольных, запланированных на день спектакля отменили, актеры, занятые в постановке чувствовали все возрастающее напряжение. Дети из младших классов, занятые в качестве статистов, волновались, что родители не успеют приехать вовремя. Девушки переживали по поводу причесок и костюмов, мальчишки беспокоились, что будут выглядеть на сцене глупо – ох уж эти панталоны с лосинами! И конечно, абсолютно все нет-нет да и представляли, как вдруг забывают свою реплику в самый нелепый момент. Мистер Эриксон тоже немного тревожился за своих подопечных, надеялся, что все пройдет как надо, но старался не показывать своего волнения. И вот, декорации уже на сцене, все носятся, подгоняя костюмы, подправляя грим, в последний раз подглядывают в распечатки с ролями.

– Все слова помнят? – спрашивал он у актеров.

– Да!

– Вроде все!

– Ох... – слышались со всех сторон разные варианты ответов.

– Да ну, я знаю! Вы все прекрасно справлялись во время репетиции! – подбадривал их учитель. – Вы готовы, это говорю вам я! Сейчас пойдем и покажем всем, что такое настоящий

Шекспир! Я в вас верю! Ну что, на выход! Стражники! Лаэрт, Горцио, Гамлет! Готовы?

– Сейчас-сейчас... – кряхтел Кёрли, подтягивая панталоны.

Мистер Эриксон три раза хлопнул в ладоши.

– Готовность номер один! – громким шепотом сообщил он актерам. Конферансье объявлял сцену и акт. В зале медленно тух свет. Раздались первые хлопки. И вот они нарастают. Актеры занимают свои места на сцене – совсем как в настоящем театре! Кёрли прикрыл глаза. Он будто бы попрощался с самим собой и сказал шепотом: «Гамлет!». Медленно открывается занавес. Кёрли считает до пяти. Он открывает глаза и смотрит в зал. Эти глаза – глаза безумца. Но люди в зале все еще думают, что это просто, от волнения. Мистер Эриксон стоит за сценой. Все идет по плану. Он размышлял о том, что «Гамлет», конечно, одна из самых сложных постановок и возможно, зря он замахнулся на Шекспира. Но, глядя на Маркуса в главной роли он невольно радовался тому, что все-таки решился побыть режиссером в школьном театре. Возможно, для мальчишки это будет иметь огромное значение. «Удивительно, как он вживается в образ! Будто бы он не здесь, и придворные из третьего класса не жуют жвачку и не обсуждают последний выпуск комиксов, стоя в двух метрах от него. Будто бы он, если и не в самом Эльсиноре, то на подмостках какого-то крупного театра. И откуда это в нем? Он ведь никогда не был актером, никогда не учился мастерству! Разве что, слышал, где-то играет на барабанах...». Действие продолжалось, актеры сменяли друг друга, на сцену вошел Горацио, друг Гамлета, забавный рыжий паренек из параллельного класса.

– Где Офелия? – вдруг спохватился мистер Эриксон, обращаясь к Гвиндл, которая вызвалась быть его помощницей. – Ей уже скоро выходить!

– Переодевается! – ответила Гвиндл, подкалывая английской булавкой резинку, на которой держалась потрепанная борода Полония.

– Она должна была подготовиться пять минут назад! Сходите, проверьте! – скомандовал он громким шепотом. Гвиндл понеслась в гримерку.

– У нее там какие-то проблемы... – послышалось оттуда. – Нет, да что ж такое! – через какое-то время раздосадованная Гвиндл вернулась в Эриксону. – У нее замочек заел, Гертруда уже вся вспотела, и у меня никак не выходит!

– Офелия! Брит! Все в порядке? – позвал актрису Эриксон, остановившись у входа в гримерку.

– Не совсем, мистер Эриксон... – громко отвечала Хуана, игравшая роль Гертруды. – У нее застежка заела! Мне сил не хватает! Боюсь, платье порву!

– Так, давайте я сейчас помогу! К вам можно, вы одеты? Брит выходить уже через пару минут! – голос учителя был взволнован.

– Еще бы! Конечно одеты! Если бы я была в футболке, а не в этом убогом платье, я бы, может, и справилась! – гаркнула Хуана. – Ну и рукава! Ооо! – Хуана злобно поправила собственный длинный рукав.

Брит сделала каменное лицо, когда в гримерку вошел мистер Эриксон.

– Волнуешься? – спросил он, заметив, что она не улыбнулась.

– Есть немного... – отвечала она.

– Ну не волнуйся, сейчас разберемся с твоим замочком, если ты не против.

Брит вздохнула. Мистер Эриксон заметил, как ее грудь, скрытая под тремя слоями материи, беспокойно поднялась и опустилась. «Вот тебе и «будь осторожнее!», и что теперь будешь делать?» спросил он сам себя. Основное платье из темно-синего бархата надевалось на белое, из плотной ткани похожей на смесь льна и хлопка. За декоративной шнуровкой скрывалась обыкновенная молния, которая почему-то совершенно не хотела застегиваться. Брит не видела учителя, тот стоял за ее спиной, но она прекрасно ощущала его присутствие. Он стоял рядом. Брит слышала его дыхание, и вдруг он сделал еще шаг вперед и она почувствовала его. Сердце ее забилось часто-часто. Мистер Эриксон расправил запутавшуюся шнуровку, чтобы ничего ему не мешало. Брит невольно вздрогнула.

– Не бойся! – утешил ее мистер Эриксон. – Ткань с нижнего платья попала в замочек, сейчас достану... – сказал он. Брит, даже через слой из ткани, чувствовала тепло его пальцев, которые нечаянно задевали ее. От этого по телу пробегали мурашки. Он пару раз энергично дернул замочек. Брит закрыла глаза и порадовалась, что Хуана не видит ее лица сейчас. Ее чуть не бросило в дрожь, когда он откинул ее волосы со спины.

– Надо убрать, чтобы не попали! Не хочу тебе сделать больно! – деловито сказал Мистер Эриксон, дергая замочек вверх. Раздался характерный «вжжжииик». Он держал между пальцев правой руки язычок замочка, но левая рука, убиравшая волосы Брит, чуть

подвитые щипцами, все еще помнила, какие они на ощупь. Внезапно, то удивительное чувство нежности и покоя, которое он испытывал сегодня во сне вернулось к нему, и словно волна, накрыло его с головой. «Это странно!» успел подумать мистер Эриксон, пытаясь думать о чем-нибудь другом. Его взгляд невольно упал на маленькую родинку на затылке Брит. Он закрыл глаза на секунду, пытаясь взять себя в руки.

– Спасибо, мистер Эриксон! – непослушными губами проговорила Брит.

– Не волнуйся! Все будет хорошо! – даже слегка резко сказал учитель, стараясь, чтобы в его голосе не было излишней теплоты. Этан Эриксон поспешно вышел из гримерки. Смешанные чувства оглушили его, вывели из равновесия и одновременно наполнили покоем. Он не мог понять, что с ним происходит и как такое возможно. Брит старалась дышать глубже. Нужно было привести мысли в порядок. Через несколько секунд ей выходить на сцену! Брит поспешно вышла из гримерки, напоследок мельком взглянув на себя в зеркало, чтобы убедиться, что все в порядке. Ей вдруг на секунду показалось, что Этан все еще стоит за ее спиной. Щеки покрылись румянцем, когда она вспомнила ощущение близости его тела к своему. Брит подошла к занавесу. Старый синтетический бархат пах пылью. «Запах времени!» подумала Брит, чуть отодвигая занавес рукой, чтобы подсмотреть, что происходит на сцене. Кёрли без единой запинки, произносит свой монолог. А ведь он так волновался, что забудет слова! Брит невольно заслушалась, настолько убедительно он звучал:

– Но погоди.

Сейчас мы королю сыграем пьесу.

Я говорил тебе про смерть отца,
Там будет точный сколок этой сцены.

Когда начнется этот эпизод,
Будь добр, смотри на дядю не мигая.

Он либо выдаст чем-нибудь себя
При виде сцены, либо этот призрак
Был демон зла, а в мыслях у меня
Такой же чад, как в кузнице Вулкана.

Итак, будь добр, гляди во все глаза.

Вопьюсь и я, а после сопоставим

Итоги наблюдений...

Брит разволновалась еще сильнее. Эти его слова были для нее ориентиром к скорому выходу.

– Волнуешься? – Хуана потягивала абрикосовый сок через трубочку.

– Угу! – кивнула Брит.

– Посмотри на Полония и мигом перестанешь! – прыснула Хуана. Брит тоже не смогла сдержать смеха и уткнулась в ладошку, согнувшись практически пополам. Перед ними стоял мудрый старец Полоний. На нем был наряд звездочета, больше подходящий для какой-нибудь совсем детской сказки, но другого в костюмерной не было. Полоний старался выглядеть очень важно.

Он даже научился гордиться своей ролью. Он расправлял складки на одеянии, и все время оглядывал себя, достаточно ли достойно он выглядит. Потом вдруг начал дурачиться, расправляя и поглаживая свою седую бороду. Эта борода, по всей видимости, когда-то принадлежала Санта-Клаусу, но потом кудри выпрямили утюжками для волос, а потом покрасили краской из баллончика в светло-серый цвет. Она выглядела ужасно. Пару раз он кидал ею в девчонок на репетициях, те разбегались в разные стороны. Полоний не волновался, Полоний решил распаковать пачку чипсов и принялся с аппетитом хрустеть ими, крошки падали на бороду и чуть пачкали костюм.

– Дик, ты не наелся? – смеясь, спросила его Гертруда-Хуана.

– Я когда нервничаю, всегда ем! – отвечал тот с набитым ртом.

– Ты? Нервничаешь? – с издевкой переспросила его она.

– Боюсь забыть роль! – отвечал тот, не моргнув и глазом. Вид у него был важный и глупый одновременно. Брит улыбнулась. Дик уже три раза путал слова, а на репетиции и вовсе забыл свою ключевую реплику, так, что им пришлось импровизировать.

– Давай-давай, жуй быстрее, нам скоро выходить! – поторопила его Брит.

– Ты что, завидуешь? А нет, ты сама хочешь! Ну, возьми, погрызи, дитя мое, Офелия! – Дик протянул ей пачку острых чипсов.

– Боже! – Брит была готова его придушить.

– Я на сцене дожую, не волнуйся! Под бородой не видно! – хохотнул двоечник.

– Надо было его брать на роль придворного шута... – предположила Гертруда.

- Ага, Йорика! И голову открутить ему еще до представления!
- Эй, дамы! Полегче! Я же вам бретельки на лифчиках не подрезал, чего взъелись-то? – обиженно заявил Дик, отряхивая крошки на них.
- Так, немедленно прекращайте выделываться! – сделала замечание мисс Гвиндл.
- Ну как можно, мы же актеры! – ответил Дик.
- Это вам не самодеятельность! Ой! – мисс Гвиндл только что поняла, что сказала какую-то глупость.
- Так, все! – подошел к актерам мистер Эриксон. – Пора! Давайте, пошли, пошли! – сказал он, легко направляя их к выходу на сцену. – Удачи! – громким шепотом добавил он.

Часть третья

Инес вернулась домой, громко хлопнув дверью. У нее было дурное настроение. Она злилась на Серджио, и злилась на себя за то, что без видимой причины злится на Серджио, и чем больше она пыталась разобраться в природе своего недовольства, тем неприятнее и непонятнее становились ее мысли. Она анализировала действия Серджио и свою реакцию, и никак не могла понять, в чем же причина того, что внутри нее копится раздражение и недовольство. «Серджио!» – проговорила она, произнося это имя почти как проклятье. Серджио недавно подарил ей красивое кольцо, то самое, о котором она мечтала. Оно ей и вправду понравилось на витрине ювелирного магазина: так красиво осьминог из черного золота сжимал черный опал с интересными синими проблесками. А сейчас ей казалось, что это Серджио сжимает ее, сжимает, как тисками и так сильно, что

кажется, не отпускает ее даже тогда, когда она уже у себя дома, а он с детьми и женой. Инес шмыгнула носом – от этой мысли она чуть не прослезилась. Чего же ей желать сверх этого? Все получается ровно так, как она того хотела. Серджио ее. Весь. Без остатка. Возможно, будь она в него по-настоящему влюблена, она была бы этому рада. Но романтическое настроение, обретенное на море, быстро выдохлось, как выдыхается шампанское. Но что же теперь? Размышления Инес ни к чему не приводили. Ответ был ей очевиден: все шло по плану, вот-вот он повысит ей зарплату настолько, что она сможет, наконец, осуществить свой план и перевезти брата и мать сюда, в США. Вот-вот она накопит необходимую сумму и сможет оплатить его лечение. «Господи, какое бесполезное кольцо!» думала она, прокручивая его на пальце. Она иногда так сильно сжимала свой палец, что тот бледнел. Инес не переставала думать о том, как же дорого оно стоит, и как было бы здорово его продать прямо сейчас, чтобы все быстрее закончилось, но она не могла этого сделать: во-первых этой суммы все равно не было бы достаточно, а во-вторых, пока она с Серджио, он должен его видеть на ней, хоть иногда. «Вот сидишь у меня на пальце, и даже не знаю, кто чья собственность: ты моя или я твоя», обратилась Инес к осьминогу. Тот сверкнул черным бриллиантом, вставленным в золотую глазницу. Инес вздохнула, она пока не представляла, как лучше расстаться с Серджио, когда он перестанет быть ей нужен. Она вообще старалась о нем не думать – «Достаточно Серджио на сегодня!» хмыкнула Инес, наливая себе бокал вина, чтобы расслабиться. «Что же мне нужно?» пыталась понять Инес. Она открыла ноутбук и стала пролистывать разные новости, женские журналы, сплетни, модные фотографии. Она останавливалась то на одном, то на другом. Инес смотрела на успешных женщин. Она, как и раньше, хотела быть одной из них. Ей нравились их волевые лица, их

полные силы глаза. Каждая деталь гардероба, каждая мелочь была продумана. Инес знала, зачем это. Очень хорошо знала. И ей нравилось это. «Свободны ли они?» думала Инес. «С кем они спят? Со сколькими им пришлось *это* сделать против воли, чтобы добиться всего, о чем они мечтали? Стоили ли эти мечты того?». Инес пригубила вина. У нее не было ответа на эти вопросы. Ни у кого не было, кроме тех женщин. Но едва ли они когда-нибудь расскажут правду. Они будут скрываться за массивными украшениями, темными жакетами в мужском стиле, сумочками из крокодиловой кожи. Они до самой смерти будут вооружены острыми шпильками, яркой губной помадой или четко очерченными скулами. Они лягут под нож не одного – целой армии хирургов, чтобы соответствовать тем рамкам, в которые сами себя загоняют. Они будут стоять, непоколебимо, как солдаты: они сильные, слышите? Восхитительные, улыбающиеся королевы, сохраняющие достоинство в любой ситуации. Ни один лоснящийся мужчина в самом дорогом костюме не вызывал у Инес такого уважения и даже трепета, как они. Инес хотела быть такой. Инес надеялась быть такой, и ей было все равно на цену, которую придется за это заплатить. Ей теперь казалось, что дороже, чем она уже заплатила – не будет. «Мужчинами надо пользоваться. Надо брать от них все, что можешь. Быть воительницей, иначе они растопчут тебя, ничего от тебя не оставят» вспомнила Инес слова матери. Инес усмехнулась, припоминая, как часто отец избивал ее, хотя она была еще совсем ребенком. Она вспомнила, как мама похорошела, когда решила уйти от него. И откуда у нее были силы вынести все невзгоды? Инес тогда гордилась ею. Тогда ей казалось, что вместе они нерушимы, как огромные скалы – мать и дочь. Но потом пришел следующий мужчина, Диего. «Господи, и зачем я его вспоминаю?» подумала Инес, но ничего не могла с собой поделать. Ее мать снова стала, как она же и говорила

«счастливой женщиной», и хотя они все продолжали жить в доме сестры, она считала, что лучше партии ей уже не найти. Диего поначалу, возможно, действительно был не так уж плох, но не прошло и полугода после того, как они сошлись, начал пить. Жизнь в городке была непростая, их семье и без того жилось туго, нельзя во всем винить именно его, но он пил, пил и пил свою любимую кактусовую водку, а у Инес было ощущение, что с каждой выпитой каплей он выпивает и душу ее матери. Она плохо помнила все остальное, ей тогда было всего шесть. Но позже она все поняла. В общем-то, так и было. Он пил ее душу. Мать сначала боролась с его пьянством, потом вдруг сама пристрастилась, и так они коротали вечера, каждый чертов вечер наполняя их общую комнатку, и без того душную, захлавленную и пыльную, алкогольным смрадом. Через какое-то время мать узнала, что снова беременна. На этом, слава богу, с выпивкой было покончено. То есть, конечно, Диего еще пил и мать пропускала рюмочку раз в неделю, «но этакая малость словно «слону дробина», так что это ничего, даже полезно» вспоминала Инес слова отчима. Не такая уж и «дробина» видимо, раз мальчик родился с больной печенью. Инес вздохнула. «Ведь в этом виновата мать! И зачем она только пила!». Едва узнав о болезни сына, Диего ушел из «семьи». К тому времени ему до смерти надоели нравоучения жены, ее вечные крики и истерики, так что это было лишь поводом.

Мать Инес не знала себя от горя, в то время Инес поняла, что мать действительно любила Диего, вот уж совершенно непонятно за что. И снова их разрыв благоприятно отразился на матери. Та вовсе перестала употреблять спиртное, взяла себя в руки и принялась за воспитание своих детей. Все внимание теперь доставалось Хосе и Инес. Инес вспоминала эти годы, как лучшие годы своего короткого детства, несмотря на то, что матери

приходилось работать в двух местах, и часто ее подолгу не было дома. Зато в выходные они вместе с тетей и ее детьми все вместе собирались во дворе и пекли кукурузные лепешки, жарили мясо с перчиками чили и томатным соусом, уминая все эти кушанья за обе щеки. Инес вдруг так захотелось снова ощутить этот вкус! Она тут же открыла страничку в интернете и принялась искать, где можно заказать доставку, но в тот же момент вдруг остановилась. «Ни в одном мексиканском ресторане ни один повар не сделает такого вкусного пикадильо, который делала мама», подумала она и, чуть поморщившись, допила сухое красное вино. Воспоминания снова нахлынули, будто бы волна теплого южного воздуха. Мать тогда, давным-давно, была красавицей, самой настоящей синьорой: вокруг нее вилась толпа поклонников, к которым она иногда проявляла благосклонность, особенно часто тогда, когда дела их снова пошли хуже. Инес очень любила Хосе, хотя тот всегда был болезненно бледным, вернее сказать – болезненно желтым, хилым ребенком. С ним было не поиграть, он ходил в своей жизни всего три года, к четырем ногам отказали, и он стал передвигаться в инвалидном кресле. Обидно было смотреть, как он улыбается, глядя на других детей, гоняющих мяч. Врачи сказали тогда, что ему осталось совсем недолго. Видимо ошиблись, потому что он прожил без больших проблем, если не считать инвалидного кресла и регулярного гемодиализа, пятнадцать лет. И вот сейчас, снова говорят, что недолго ему осталось. Инес улыбнулась, вспомнив, как в первый раз после долгой разлуки позвонила им, и услышала его счастливый голос. Ее брат был удивительным человеком, казалось, Бог специально наделил его умением радоваться, чтобы жизнь не казалась ему такой жестокой. Кто-то даже называл его дурачком, но они были не правы, нет. Он просто любил улыбаться. Инес, когда была ребенком, всегда злилась на других детей или взрослых, за то, что те рассказывали про какие то

«проблемы» и постоянно грустили. А сейчас она и сама такая. «Есть руки, есть ноги, есть умная голова и красивое, здоровое тело, а я все равно несчастлива, вот так, братик» подумала Инес. Во рту вдруг без причины стало горько, как от выкуренной сигареты. «Ты только держись, скоро я тебе помогу» прошептала она. «Жалко, не могу тебе позвонить, разбужу, ведь уже поздно. Может ты дал бы рассмеялся в трубку, и мне сразу, мигом, стало бы легче», Инес улыбнулась при мысли об этом. Ей вдруг стало спокойно. Она решила поскорее лечь спать, пока ее настроение снова не сменилось, пока память о доме не омрачилась другими детскими воспоминаниями.

Инес снилось море, но к ее счастью, рядом не было Серджио, она чувствовала себя так хорошо, как редко, но бывало в юности, пока она училась в Университете с Клэр. А вот и она! Тоже еще совсем молоденькая. Сколько же ей лет? Двадцать один? Двадцать два? Клэр смеялась и брызгалась водой, а Инес убегала от нее по воде. Было так хорошо и легко! Солнце жгло, быстро иссушая мелкие капли влаги на загорелой коже. Инес засмотрелась на юную Клэр, почему-то не удержалась, и легонько укусила подругу за гладкое, соленое плечо. Клэр засмеялась, отскочила, а потом вдруг привлекла Инес к себе. Инес в растерянности оглядела себя, и вдруг поняла, что за одно мгновение превратилась в какого-то мужчину. Она недоуменно посмотрела на свои волосатые руки, потом провела тыльной стороной ладони по щекам и ощутила покалывание трехдневной щетины на собственном лице. Инес не успела удивиться новым ощущениям, Клэр целовала ее, то есть, его шею, Инес вдруг подумала, что это совершенно точно сон и даже любопытно, чем все дело закончится...

Всю ночь Инес металась в кровати. Она спала беспокойно, в комнате было душно, белье прилипало к телу. Инес вдруг

вскочила с кровати, и, ошалева от странных ощущений и образов, все еще наполнявших ее тело и мелькавших перед ее глазами, сидела на краю и пыталась восстановить сбившееся дыхание. Волоча ногами, она прошла на кухню и налила себе стакан воды. «Ну и присниться же такое!» подумала она, встряхнув головой, будто пытаясь отогнать от себя чересчур откровенный сон.

Утром Инес почти ничего не помнила: только какие-то затуманенные картинки и залиvistый смех Клэр все еще преследовали ее по пути в офис. Инес с трудом настраивалась на рабочий лад, ей почему-то захотелось увидеть свою подругу. Но сегодня, да и вообще на этой неделе, как и двумя неделями ранее – было совершенно не до этого: нужно было переделать целую кучу дел. Инес носилась во всему офису, выполняя то одно, то другое поручение начальства, то есть Серджио, потом занялась другими заданиями, накопившимися за несколько дней, стараясь сразу вычеркивать выполненные из органайзера, чтобы не запутаться. Инес почему-то не хотела пересекаться с Серджио, она мысленно просчитывала, где он может оказаться и старалась не сталкиваться с ним. Ей не хотелось, чтобы Серджио украдкой шлепал или, и вовсе, целовал ее. Ее даже начали забавлять эти своеобразные «догонялки», она улыбалась самой себе, отмечая, как ловко избежала нежелательной встречи. Во всем этом был только один подвох: в любой момент он мог по телефону вызвать ее к себе в кабинет. Инес мельком посмотрела на спрута на своем пальце.

– Ах, вот вы где! – обрадовался Серджио, заметив ее у ксеркса. – Зайдите ко мне через две минуты!

– Хорошо, мистер Скварчалупи, – ровным, вежливым тоном отвечала Инес. Надо отметить, благодаря их осторожности, почти никто в офисе не догадывался об их связи, кто-то все же отмечал

раскованное поведение Серджио, но оно никому не казалось необычным или из ряда вон выходящим – все же он никогда не выходил за рамки приличий.

Инес зашла в кабинет, отложив папку с документами в сторону.

– Как ты? – участливо спросил Серджио, глядя на Инес и стараясь понять, что у нее на уме.

– Хорошо, – отвечала Инес, сдержанно улыбнувшись.

– Мне кажется, я могу справиться с твоим дурным настроением...

– предположил Серджио, обнимая ее за талию. Инес прикрыла глаза, ей вдруг захотелось оказаться где-нибудь в другом месте, на краю вселенной, только не здесь. Она не знала, с чем связано это ее желание.

– Сегодня так жарко... – прошептал ей на ухо Серджио. – Я думаю, мы могли бы насладиться этим сполна, после рабочего дня...

– Я боюсь, я буду слишком холодна, – честно отвечала Инес, у нее не было настроения.

– Я думаю, с этим можно что-то сделать... – Серджио поцеловал ее в губы. – Ведь если ты будешь хорошей девочкой...

– Разве я бываю плохой? – удивилась Инес. Серджио страстно посмотрел на нее и улыбнулся.

– Да, – медленно отвечал он. – Иногда это даже лучше, чем быть хорошей. – Серджио вдруг подумал, что даже будучи «хорошей» Инес все равно остается «плохой». Это его раззадорило и позабавило. Но он не стал говорить Инес, как скучны «хорошие»

девочки, которые со временем превращаются в хороших жен. Серджи мельком сравнил свою семейную жизнь и свою связь с Инес: «как же легко запутаться в том, что такое «хорошо», а что такое «плохо». Все и вправду относительно...»

– Я буду такой, как ты хочешь, – сказала Инес, нежно поцеловав его, – но только после того, как закончу работать.

– Я, как начальник, разрешаю тебе сделать это прямо сейчас! – отвечал Серджио.

– Черт, а я думала, как сделать так, чтобы ты от меня отстал! – рассмеялась Инес.

– Я тебе не верю! – отвечал Серджио.

– Если серьезно, мне и вправду надо быстренько доделать пару вещей.

– Какая ты серьезная! Ладно, жду! Но потом встречаемся как обычно.

– Уговорил! – беззвучно, одними губами отвечала Инес, открывая дверь его кабинета и выходя в коридор.

Несмотря на то, что Инес всячески избегала общества Серджио, идея уйти пораньше с работы была не так уж и плоха. Кроме того, можно было бы сократить время свидания и заглянуть в один магазинчик на Грин-Стрит. Инес улыбнулась, ей понравился план.

Инес поначалу не сильно старалась анализировать свои чувства, свои мысли, свои действия. Это помогало ей вести себя более естественно. Но вдруг что-то пошло не так: прямо во время пылкого секса, когда их тела, потные от жары и от страсти часто

соприкасались друг с другом, когда Серджио ловил губами ее губы, Инес вдруг стало так противно от всего происходящего, что она испугалась сама за себя. На мгновение она застыла. Она не знала, что ей сделать, чтобы всего этого не было. Она не знала, как ей испариться за одно мгновение, чтобы больше не чувствовать того, что она чувствует сейчас. Ей вдруг привиделся тот несносный фермер, Руфус, который регулярно насиловал ее, пока она работала на ферме, пытаясь скопить денег. Инес казалось, будто бы это вовсе не Серджио, а Руфус, толстый раскрасневшийся хряк с поседевшей щетиной и спущенными штанами, пахнувший бог знает чем, кроме свиного навоза, пивного перегара и собственного пота и спермы. Инес вдруг стало плохо, физически плохо. Она побледнела.

– Что с тобой, малыш? – спросил ее Серджио. От шума в ушах Инес ничего не слышала. – Я уже почти... – прохрипел от наслаждения ее партнер. Инес постаралась взять себя в руки и продолжила все будто бы на «автомате», будто бы это не ее тело в постели, чье-то другое, чужое, будто бы она не здесь. Наконец, Серджио замер и закатил глаза. Инес какое-то время тоже была недвижима, потом поцеловала его в щеку, чтобы не вызывать подозрений, и медленно встав с постели направилась в душ.

Едва закрыв за собой шторку, Инес опустилась на колени и сжалась, обхватив ноги руками. Прохладные капли ударялись о ее спину, Инес закрыла глаза, подставляя голову струям воды. «Господи, Господи...» думала Инес, пытаясь успокоиться. Вода лилась и лилась, Инес старалась ни о чем не думать, но отвращение сжимало ее горло странной хваткой, похожей на хватку рабочих мозолистых рук. Инес задыхалась. Она кашляла, ее тошнило, ее буквально выворачивало от отвращения, которое все сильнее накатывало, охватывало все ее слабое, сжавшееся

существо. Она хотела встать, сделать воду чуть теплее, помыть тело ароматным гелем, окружив себя приятными запахами, но в то же время ей было настолько плохо, что не было сил даже на то, чтобы пошевелить пальцем. Она смотрела на свое обнаженное тело и вспоминала руки, взгляды, прикосновения других мужчин, вспоминала все в мельчайших подробностях. Ей вдруг показалось все это настолько диким и противоестественным, что к горлу снова подступил комок. Спазм был настолько сильным, что тело Инес вновь все содрогнулось. Ее тошнило. Ее тело выворачивало от того, что она представляла как по-хозяйски, резко, лишая ее всякого выбора, ею овладевает мужчина. Инес пыталась успокоить себя, она приказывала себе дышать ровнее, убеждала сама себя, что Серджио вовсе не такой, что Серджио как раз ведет себя иначе. Инес ругала себя за то, что не может взять себя в руки. Инес бесшумно плакала, наклонив голову, пока по волосам стекала прохладная вода. Инес сдерживала громкие рыдания, чтобы они не вырвались из ее груди и чтобы Серджио их не услышал, не догадался ни о чем. Время все шло и шло. Инес знала об этом, Инес ничего не могла поделать с этим. Время все шло и шло, вода шумела, ударяясь о кафель, струилась по ее телу, постепенно, едва заметно что-то унося с собой. Через некоторое время Инес стало немного легче, она скорее встала, сделала воду теплее, потому что тело ее уже успело замерзнуть, наполнила ладонь новым гелем для душа, с приятным запахом абрикоса и клубники. Гель для душа пенился на коже, медленно стекая по телу вниз, Инес вдруг взяла губку и стала тереть себя грубой стороной, ей казалось, пот Серджио еще был на ее коже, ей казалось, так она сможет его смыть. Она терла свою кожу, пена становилась все гуще, но на бедрах появилось раздражение. Инес будто бы не видела этих последствий и безжалостно, несмотря на неприятные ощущения, натирала свою нежную кожу до красноты. Вскоре все тело Инес

стало розоватым, кожа скрипела от чистоты, а она смотрела на свой чуть оцарапанный живот, грудь, бедра и снова плакала: «Какая же я дура!» шептала про себя Инес, «Теперь не смогу выйти из ванной, пока раздражение не сойдет!». Она снова сделала воду холоднее и стояла под душем минут двадцать, уже почти забыв о том, что Серджио ждет ее. В знакомой ванной это было сделать проще. На самом деле, они не часто заходили к ней на квартиру: куда удобнее было заниматься сексом в отеле, расположенном недалеко от работы. Но сегодня Инес хотела прогуляться до Грин-стрит, показать Серджио одну сумочку, которую ей давно хотелось, а для этого нужно было в любом случае заскочить домой и сменить офисный наряд на что-то более летнее и соблазнительное. «О чем я думаю!» ругала себя Инес. «Тебе разве не должно быть противно только при мысли о том, что ты хочешь снова попросить у него дорогой подарок в обмен на секс?» раздался в голове один голос. «Должно же быть какое-то утешение за мои страдания!» слышался другой. Голоса спорили в голове несчастной Инес, она так и не могла понять, какой из голосов принадлежит ее матери, а какой – ей самой, более того: оба голоса были по-своему правы. От этого Инес становилось не по себе, она перестала понимать, что ей нужно делать, что она должна делать, а чего – нет. «Нет, я не схожу с ума, вероятно, я просто не могу определиться, когда же я потеряла равновесие, почему все стало вдруг так неоднозначно, так непонятно?» удивлялась она. «Неужели дорогая сумочка чем-то поможет твоему брату?» спрашивал один голос. Второй отвечал: «Нет, но она поможет мне выглядеть так, чтобы это создало верное впечатление обо мне. Когда я буду выглядеть дорого, мой труд будет оплачиваться дорого. Возможно, когда я достигну определенной высоты, мне уже не нужно будет зависеть от мужчин, от Серджио. Возможно, я сейчас на предпоследней

ступеньке по направлению к свободному, независимому полету». Первый голос не перебивал, но затем вновь спросил: «Уверенна ли ты в этом, или все будет как в прошлый раз: ты захочешь большего и снова применишь тот способ достижения цели, который работает быстрее и эффективнее всех остальных?». Второй взмолился: «Не мучай меня, я не знаю, но я так больше не хочу, не хочу, не хочу». Инес скорее вышла из душа, она была растеряна, пока вытиралась. Потом вдруг взглянула в зеркало и моментально приняла решение. Она скорее высушила волосы, привела себя в порядок, надела платье с красными маками, которое ей недавно подарил Серджио (платье ей не нравилось и казалось немного безвкусным).

– Хочу заглянуть в один магазинчик на Грин-стрит! – как бы между прочим заметила Инес крася ресницы.

– Хорошо, милая! – отвечал Серджио, любуясь Инес, стоящей у зеркала.

***

Брит, уже неделю скрываясь от матери, читала Набокова. Мать была против, ей казалось, «Лолиту» нужно читать в «более зрелом возрасте», а «ты ничего не поймешь». Брит перелистывала страницы, вгрызаясь в сочное яблоко. Она представляла себя то на месте Лолиты, то на месте Гумберта, то на месте ее матери. Конечно, первое было легче всего. Но, вообще говоря, характеры девушек были совсем разными. Брит пыталась понять Лолиту. Подробные описания Набокова, его любовь к деталям упрощали

задачу. Брит иногда ловила себя на мысли, что завидует Лолите. Та была смелее, но одновременно что-то было не так. Определенно. Брит казалось, что если бы она оказалась на ее месте, все было бы иначе. Она иногда представляла на месте Гумберта мистера Эриксона. Но это ей тоже казалось противоестественным, потому что Эриксон, наверное, никогда бы так не поступил. Брит не могла разобраться в себе: нравилось ей это или нет. Иногда ей так хотелось самой быть смелой, как Лолита, и чтобы мистер Эриксон тоже поддался искушению быть как Гумберт, и, в конце-то концов, ей же уже целых шестнадцать, скоро будет семнадцать, а это совсем другое, она не ребенок, она – девушка. Ложась спать, Брит становилась еще смелее: она очень хотела, чтобы ей приснился Эриксон. Она больше не запрещала себе думать о нем. Летние каникулы были в разгаре, до встречи с ним была еще целая вечность: полтора месяца, так что «ничего страшного, если он мне приснится: я не буду краснеть при встрече с ним». Брит хотела, чтобы ей приснился еще раз тот закатный вечер, только чтобы на этот раз он ее точно поцеловал. Ей хотелось снова побыть с ним, не как обычно, ученицей. Ей хотелось почувствовать себя любимой, но еще больше ей хотелось, чтобы любимым ощутил себя он. Брит думала об Этане. Она многое знала о нем, ведь она наблюдала за ним: знала, в какие дни он отвозит сына в детский сад, могла сказать, когда он поздно лег спать, могла угадать, что поссорился с женой. Она видела все по его глазам. «И из-за чего с ним можно ссориться?» гадала Брит. «Из-за каких-нибудь бытовых мелочей, как это делают мама и отчим? Неужели это неизбежно? Она его, наверное, костерит, что тот забыл заехать в магазин или вынести мусорное ведро, а может быть за то, что тот работает в школе и зарабатывает неважно? Может быть, даже ревнует к какой-нибудь Гвиндл. Как же это все глупо! Вот если бы, если бы он был со мной (и о чем ты только думаешь? Это

невозможно!), ладно, если бы он чисто гипотетически был со мной, я бы никогда не ссорилась с ним. Как с ним можно ссориться? Даже если он что-то сделал не так, разве сложно его за это простить, только потому, что он рядом? Вот, задержался бы он с друзьями в баре, вернулся бы поздно домой, а я бы ничего ему не сказала, только бы просто уложила спать. А утром он бы выглядел помятым, уставшим, но это так мило! Я бы принесла ему свежесжатый сок и кофе в постель, а потом мы бы молчали или говорили о чем-нибудь. Ничего по сути не важно, важно только чтобы он был рядом и смотреть на него, и чтобы он что-то рассказывал, а я бы слушала, слушала... Может быть, ему давно надоели упреки жены или ее болтовня о новых нарядах, или о том, что давно пора переехать в дом побольше. А мне это не важно. Если когда-нибудь станет вдруг важно, я буду скучной гримзой, а скучной гримзой я быть не хочу. Вот так бы сидели с ним и болтали обо всем на свете, и конечно, пили бы вино и целовались...». Брит впервые представила себе, как бы они жили. Во всех подробностях. Она представила небольшой, но уютный домик на одной из окраин, не слишком далеко от города, чтобы ему было удобно ездить на работу, да и ей. Она увидела небольшую спальню с кроватью, покрытой лоскутным одеялом, со старым, рассохшимся изголовьем, украшенным разными картинками: марками, наклейками из разных стран, где они побывали, обычными этикетками и открытками. Рядом, в углу, ее гитара на подставке. Под кроватью – чемоданы, просто так, для красоты. Две старых лампы для чтения и большой открытый стеллаж, она видела такой в одном из модных интерьерных журналов. Брит представила, как летний дождь барабанит в огромное окно мансарды, а они сидят на кровати и обсуждают «Над пропастью во ржи» Селинджера, Этан чистит своими красивыми руками апельсин, и кончики его пальцев, которые Брит

уже мысленно целует, чуть горчат и сладко пахнут. Он смеется, называет ее «моя девочка», а она может совершенно открыто любоваться им, целовать его мимические морщины в уголках глаз, проводить указательным пальцем по губам, тереться щекой о его щетину, трепать его чуть кудрявые волосы, светлые-светлые, почти платиновые, смотреть в его удивительно синие глаза. «Господи, неужели такие бывают...» в который раз удивлялась Брит, вспоминая их цвет, похожий на холодную морскую воду. Этан казался ей таким красивым, таким удивительно красивым, что она и представить не могла, кто может быть лучше него. Ей казалось, по его лицу можно читать его личную историю. Или догадываться о ней. Его добрый взгляд, добрый и мягкий, и одновременно холодный и сильный. Почему-то Брит кажется, что в его жизни далеко не все было легко. Что-то в нем было, но что Брит не могла понять. Что может быть надломлено в человеке, у которого есть семья и двое детей? Он же должен быть счастлив! Или это «что-то» произошло раньше, но так сильно на него повлияло? Брит пыталась угадать, Брит фантазировала, Брит придумывала, что могла бы с этим сделать. Ей казалось, что ее нежность могла бы залечить любую душевную рану, пусть не сразу, со временем. Брит знала, что ей нельзя ничего предпринимать, знала, что все ее мысли об их совершенно невозможном будущем, просто красочная фантазия. Она понимала, что в этой Вселенной их домика не существует, и нет никакой возможности, никакой вероятности того, что она сможет любить его так, как хотела бы. Они разделены временем, обстоятельствами – много чем. «Я для него, наверное, всего лишь ученица...» думала Брит, «...и конечно, даже если бы что-то было, я бы никогда не посмела сделать хоть что-то, что может разлучить его с женой и детьми. Но ведь я могу хотя бы мечтами переноситься туда, где стоит старинная кровать, покрытая лоскутным одеялом, и где есть

Этан и я, тот Этан, у которого никогда не было другой семьи, кроме меня, и та я, которая немного старше и умнее». Брит, замерзая от ночной прохлады, чуть обняла сама себя, закрывая глаза. «Иногда, если очень постараться, можно представить, что это он меня обнимает». В надежде увидеть красочные сны, Брит засыпала. Но, как и многими ночами ранее, Этан не приходил в ее сны. Утро наступало неумолимо быстро. Брит отчаянно не хотела просыпаться, все время валялась в кровати с закрытыми глазами, пытаясь представить, что Этан рядом, что сейчас она заснет поглубже и ей приснится ее любимая, такая реалистичная иллюзия того, что они вместе. Но нет, этого не происходило. Наверное поэтому Брит было сложнее переживать разлуку с ним. Хотя слово «разлука», как думала Брит, лучше подходит, когда говорят про взаимную любовь. А здесь была какая-то выдумка, и Брит это прекрасно понимала, но отказать себе в этом удовольствии не могла.

***

Этан проводил отпуск с женой и детьми на море. Первое время он радовался этому. Радовался возможности побыть всем вместе. Ему нравилось сидеть с детьми, пока жена посещала спа, чтобы расслабиться. Нравилось держать малышей на руках, сразу двоих, хоть Зак и был уже довольно тяжелым. Нравилось играть в их «дурачки» игры, нравилось смотреть на то, как рада и довольна Клэр, нравилось гулять с женой по берегу, когда дети засыпали. Этан всегда любил смотреть на Клэр, но здесь, на отдыхе, она была особенно прекрасна. Ей не нужно было думать об уборке или приготовлении пищи, дети были настолько увлечены песочными замками, что совершенно не утомляли ее капризами, которые так выматывали ее дома, в Нью-Йорке. Но в то же время, Этан иногда очень хотел побыть один. Клэр этого не

понимала. Она говорила, что не так-то часто им последнее время удастся проводить целые дни вместе. И зачем ему быть одному? Надо быть всем вместе, ведь они в отпуске! В семейном отпуске! А Этан просто хотел уйти, побыть наедине с собой. Последнее время, перед каникулами, он был так загружен по работе, что кроме проверки работ, подготовки к постановке Шекспира и изучения учебных планов, у него не было времени ни на что, в том числе и на себя самого. А ему хотелось хоть немного времени провести так, как хотел бы того он сам. «Возможно ли это?» Этан пожимал плечами, не зная ответа на свой же вопрос. «И это еще не самое страшное. Ведь если я так сильно хочу побыть один, значит, что-то меня тревожит! Но что?» и снова ответа не было.

– О чем задумался? – спросила Клэр, вытряхивая из сандалий песок.

– Да так, ни о чем! – улыбнулся Этан.

– Опять не хочешь мне говорить свои секреты! – якобы обиделась Клэр.

– Да нет никаких секретов! – наигранно возмутился Этан.

– Вот всегда так! Жалко, я не умею читать твоих мыслей!

– Ты бы умерла со скуки! – смеясь, отвечал Этан.

– Нет, не умерла бы! Со скуки я умерла, читая твоего хваленного Бредбери!

– У всех свои вкусы, я тебя не осуждаю, но Бредбери не виноват, что тебе не понравился!

– Я потратила на него дней пять! До сих пор жалею! – жаловалась Клэр.

– Пожалуйста, больше не говори ни слова о Бредбери! – попросил ее Этан. Он испугался, что жена его разочарует.

– Занудка-ты моя славная, больше не буду, книжный червячок! – сюсюкала Клэр. Она до того умильно это делала, что Этан рассмеялся над самим собой. И кто сказал, что надо обижаться на жену из-за того, что она не очень-то любит читать? Разве она не имеет на это право? Наверное, он и вправду смешон, что постоянно ее критикует за это и пытается подсунуть ей «интеллектуальное чтиво». В конце-концов, ей хотя бы нравился Эдгар По и Оруэлл. Подумав об этом, Этан снова рассмеялся, он и вправду превратился в книжного червяка, судит о жене по книгам. А ведь у нее куча других достоинств...

– Вот, снова смеешься без причины!

– Почему же без причины! – шутливо возмутился Этан. – Я смеюсь над собой!

– Ты слишком много думаешь о себе!

– Каюсь! – улыбнулся Этан. – Дети, хотите мороженого? – спросил он, обращаясь скорее к сыну, Тори еще была мала для того, чтобы понять его.

– Мне шоколадное! – отвечал Зак, подбегая к пляжному холодильнику.

– А тебе? – Этан обратился к жене.

– Замороженный сок! – сказала она, указывая пальцем на упаковку, разрисованную экзотическими фруктами. И вдруг Этан поймал себя на мысли, что его жена права. Он действительно слишком много думает о себе. Ведь сейчас, расплачиваясь за мороженое, держа в руках покрытые мелкими каплями растаявшего инея трубочки, стоя в каких-то дешевых шлепанцах на горячем песке настоящий Этан находится где-то далеко. Он по-прежнему любит свою семью, он по-прежнему наслаждается шумом моря, но все это в одной из его реальностей, а сам он мыслями где-то так далеко, что и сам не может понять, где же он. Куда и зачем он убегает из этой прекрасной реальности? Он в тепле, на море, рядом его любимые, у него есть все, чтобы быть счастливым, а он даже не понимает, чего на самом деле хочет. Две недели на море, осталась еще одна.

Этан прятался от солнца. У него, как и у Тори, в отличие от сына и Клэр, была очень светлая кожа, которая моментально обгорала на солнце, если ее не намазать супер-кремом, защищавшим от ожогов. Этан прятался под зонтиком, накрыв голову соломенной шляпой. Жара его разморила и он заснул.

Сначала ему снились только ощущения. Он не видел совершенно ничего, будто бы на глазах была повязка или сам он очутился в абсолютной темноте. Ему снилось, будто он что-то распутывает, снилось, будто чьи-то шелковистые волосы касаются кожи, снился долгий нежный поцелуй, и почему-то он был уверен в том, что это не его жена. Но это было во сне, а значит – простительно. Он замер, прислушиваясь к своим ощущениям. Ее губы были мягкими и сладкими, и все внутри замирало от этого поцелуя. Но кто она? Абсолютная темнота. Вдруг появились зрительные образы. Будто бы Этан вернулся в Европу, где провел год, сразу после окончания школы, перед поступлением. Приснилась квартира, которую он

снимал в Амстердаме, приснился старый велосипед, который у него однажды угнали, разрисовали из баллончика и вернули. Этану тогда так понравилась эта идея, что он не стал его перекрашивать обратно. Приснилась старая кровать, оставленная прежними квартиросъемщиками. Она стояла у кирпичной стенки. Этану нравилась эта старая стена, ее фактура. И сейчас, уже через много лет, он во сне проводил по щербатым старинным кирпичам рукой, как будто они снова ему что-то рассказывали. Ему приснилась его подруга, его любимая Магда. Она ехала ему на встречу на том самом велосипеде, дико смеясь, и, потеряв управление, сбила его с ног. Она смотрела на него виноватыми и одновременно бесстыдными зелеными глазами. Через пятнадцать минут и тремя этажами выше он уже изучал татуировки, набитые на юном теле, и сходил с ума от этого дикого сочетания: ее невинного, детского лица, колдовских, порочных глаз и разноцветных рисунков, украшавших ее упругое тело. Так внезапно они познакомились, так спонтанно они полюбили. Потом она осталась. Она учила его голландскому, они бегали смотреть на Ван Дейка и Босха, потом читали Хофта (он читал чуть ли не по слогам), обменялись велосипедами, пили вино, курили и смеялись. Потом он долго ругал ее за то, что она выкрасила, именно выкрасила, а не покрасила, свои чудные золотистые волосы в фиолетовый цвет! Они спорили с пеной у рта. Она убеждала его, что это необходимо ей как воздух, потому что сейчас она художественно соответствует своему миру. Он чуть не кричал, что любил ее золотые пряди, ароматные, как пшеница, как полевые цветы и белый шоколад и что прекраснее их ничего и придумать было нельзя! Это было смешно. Этан рассмеялся во сне. Магда постоянно рисовала, иногда, хорошенько заработав на продаже какого-нибудь холста, они собирали два рюкзака и уезжали в Брюссель или в Париж, или вообще куда глаза глядят. Этану вдруг вспомнился их последний

счастливым вечер. Шел сильный дождь, они сидели на кровати, и он чистил апельсин, а она вдруг стала целовать его руки, он выпустил его, тот покатился по полу, но им было уже все равно.

– Никогда не снимай! – сказала Магда, завязывая на его запястье тонкий кожаный шнурок, – Ты всегда будешь любить меня?

– Даже когда ты перекрасишься в малиновый! – отвечал Этан.

– Объявляю нас тобой и мной! – рассмеялась Магда, целуя его в губы.

На следующий день ее не стало. Через три дня Этан покинул Амстердам и больше никогда не возвращался в Европу. Он вдруг проснулся. На душе кошки скребли. Он озирался, несколько секунд не понимая, где оказался. Его ли эта жизнь? Что он здесь делает? Память медленно возвращалась к нему. Он вспомнил, как вернулся домой: родители тут же вздохнули с облегчением. Поступил в престижный университет и с головой ушел в учебу, потом будучи уже подающим большие надежды журналистом, встретил Клэр. Она так сильно отличалась от Магды, что он полюбил ее. По-другому, иначе, будто бы он стал совсем другим человеком. Они планировали свадьбу, он карабкался по карьерной лестнице вверх, ему в скорости должны были предложить место главного редактора, и это всего в двадцать восемь! Голова кружилась, казалось, все получается так, как надо. Ради семьи он был готов на многое. Ему хотелось только одного: чтобы все было в порядке. Он очень беспокоился за жену, а потом и за сына, теперь еще и за дочь. Ему казалось, он просто не вынесет, если с ними произойдет хоть что-то. Клэр не знала про Магду, точнее знала, но совсем немного и совсем не то, что было на самом деле. Этан не хотел, чтобы она ревновала. Это не имело смысла. Но как

ей объяснить? Клэр очень многого не понимала. «Она бы точно заставила его снять кожаный шнурок с руки, хотя той истории уже...», Этан впервые решил подсчитать, сколько же прошло с тех пор лет, «...пятнадцать, шестнадцать» досчитал он и хмыкнул. Этан вздохнул. Голова кружилась от жары, он скорее встал, чтобы освежиться в море.

– Ох, ну и жара! В следующий раз лучше съездить куда-нибудь в Европу, да, милый? – спросила его Клэр.

– Может быть, может быть... – сказал он, удаляясь. После пробуждения ему совсем не хотелось в Европу.

***

Выходные проходили как-то впустую. Инес скучала, сидя дома. Клэр уехала с семьей на море, другие ее (не такие уж и близкие) подруги тоже все были заняты. Инес полностью расслабилась и позволила себе полениться, и лень эта к полдню воскресенья достигла апогея. Она еще не завтракала. Абсолютно обнаженная, с непричесанной головой, Инес сидела у компьютера и смотрела эротические фотографии. Она отключила телефон, чтобы Серджио не звонил ей. Конечно, он едва ли нашел бы время вырваться и приехать к ней, особенно сейчас, когда его жена наверняка в курсе происходящего, но все равно, маленькая вероятность того, что он «выйдет на пробежку» или поедет «помоет машину» существовала. Инес смотрела эротические фотографии и совершенно не думала о Серджио. Вообще не думала о сексе. Она просто смотрела на обнаженные тела, часто думая о том, что вероятно, ее тело смотрится ни чуть не хуже, а может быть даже лучше, чем некоторые из них. Ей нравилось смотреть на то, как тонкая влажная ткань, прилипая к голому телу,

подчеркивает его формы. Ей нравилось смотреть на кружево, которое контрастирует с цветом кожи. Нравилось представлять, какое оно на ощупь. Ей нравилось смотреть на влажные, приоткрытые губы. Она смотрела на женщин, пытаясь угадать, какой у них голос, как пахнет их тело. Она смотрела, пытаясь представить себя мужчиной. Просто так, чтобы понять, что именно они испытывают. Она смотрела на красивую рыжую девушку, стоящую в душе. Ей нравилось, то, что она видит. Инес не анализировала своих эмоций. Ее возбуждала эта рыжая женщина. «Это не стыдно, просто женское тело более сексуально, чем мужское...» думала она, лаская себя. «Хорошо, никто не видит, что я делаю!» вдруг подумала она. «Наверное, это глупо...». Инес вдруг прекратила, скорее закрыла вкладку с фотографиями, пошла в ванную и вымыла руки с мылом. «Еще немного, и я начну пускать слюну и писать под себя», подумала она, глядя в зеркало. Она скорее привела себя в порядок: причесалась, убрала волосы в хвост, накрасила глаза. Оделась. Включила музыку. Начала убираться. Перевернула всю квартиру вверх дном. Выкинула кучу ненужных, как ей вдруг показалось, вещей. Навела, наконец, порядок в ящичке, где хранила нижнее белье. Упаковала вещи для прачечной. Приклеила каблук. До блеска надраила плиту и раковину на кухне. Перемыла гору посуды, скопившейся за два дня. Посмотрела на часы. День клонился к вечеру. Скорее приняла душ, решила прогуляться. Пока сушила волосы, решила снова заглянуть в интернет. Открыла ту вкладку с рыжей девушкой. Как будто помимо воли снова начала себя ласкать, застала сама себя за этим занятием, снова отругала, снова помыла руки, оделась и вышла из дома. Инес пошла в кино, пытаясь не думать ни о чем. Ей не хотелось оставаться наедине с собой, но и ни с кем из окружения ей быть не хотелось, разве что кроме Клэр. Она сидела в темноте, смотрела какую-то черную комедию, смеялась в голос и

жевала поп-корн. Иногда ей казалось, что одиночество – лучшее из придуманного человечеством. Ей нравилось, что никто не отпускает неуместных комментариев, никто не лезет к ней с приставаниями, никто не укоряет ее за съеденный попкорн или за то, что она не там засмеялась. Через некоторое время, она жалела, что Хосе не с ней. Хотя, брату бы этот фильм точно не понравится, он не любит всякие жестокости, даже в комедийной форме. Да и он бы ничего не понял по-английски, пришлось бы сидеть, переводить. Клэр, наверное, понравилось бы. Судя по всему, она тысячу лет не была в кино! Инес прикинула, что неплохо бы как-нибудь пойти вместе в кино, а потом гулять, болтать и пить вино, и чтобы ее дети ей не мешали хотя бы несколько часов. «Только Клэр, кажется, обиделась, что я флиртовала с ее Этаном! Боже мой! Конечно, я флиртовала! Я не умею иначе... но сдался мне ее Этан! Вот смешно, если они из-за этого ссорились!» Инес снова не вовремя рассмеялась, ей вдруг показалась забавной та мысль, что Этан настолько не ее тип, что скорее *ему* стоит ревновать Клэр к Инес, особенно учитывая ее недавний странный сон, который она вспомнила, обрывочно, и эти обрывки были весьма недвусмысленны. Инес вдруг перестала беспокоить направленность ее сексуальных фантазий. «С кем не бывает!» подумала она и обещала себе больше не переживать по этому поводу. Когда фильм закончился, Инес, прогулявшись пару кварталов по уставшему ночному городу, вернулась домой. Настроение ее было прекрасным до тех пор, пока она не вспомнила, что уже через несколько часов наступит утро понедельника. Инес совершенно не нравилась мысль о том, что выходные быстро закончились и впереди новая трудовая неделя. Помимо своей воли она начала перебирать в голове несделанные дела и грядущие встречи. Потом вдруг спохватилась: «Понедельник завтра, а я переживаю еще сегодня! Зачем это я

порчу себе остатки вечера?». Инес наполнила ванну теплой водой. Она медленно погрузилась под воду с головой, хорошенько задержав дыхание. Ей нравилось слушать, как стучит кровь в ушах, биение собственного сердца. Она чувствовала себя защищенной, ей было хорошо. Инес вдруг представила, что неплохо бы так умереть: легко и спокойно, не то что прыгать с небоскреба. «Но ты же это не всерьез!» сказала себе Инес, кивнула и улыбнулась – «Нет, не в серьез, иначе смысл был терпеть все то, что со мной происходило?» говорил первый голос. Второй, на этот раз, с ним соглашался.

***

Брит сидела в своей комнате и играла на гитаре. Она надеялась развеяться и расслабиться, но пальцы были непослушными и нервными. Брит беспокоилась за Кёрли. Она очень хорошо могла представить, каково ему сейчас. Она и сама пережила развод родителей. «Интересно, дойдет ли до этого у его предков?» подумала она, пытаясь понять, насколько все серьезно для мамы Кёрли. Отец Брит тоже как-то раз изменил маме, может и не раз. Брит не знала подробностей, не спрашивать же о таком! Особенно, когда тебе пять лет. В результате они с мамой разошлись. Довольно скоро, не прошло и года, у Брит появился отчим. Видимо, мама тоже была не так уж проста. Но у мамы был неплохой вкус, он был классным, веселым, добрым и Брит очень скоро стала называть его «папа», тем более что ее настоящий папа приезжал только на Рождество и еще на пару праздников, как повезет. Потом родился брат, и так они и жили, довольно весело до сегодняшнего дня. На самом деле, Брит раньше очень грустила, что у мамы с папой не получилось. Иногда, когда мама много времени уделяла брату, ей хотелось только одного: чтобы папа вернулся, и все стало как прежде. Но папа не возвращался. И Брит,

в конце концов, обиделась на него. И почти разлюбила. Почти. «Нельзя же его совсем возненавидеть!» думала Брит, вспоминая, что иногда он бывал очень мил, приезжая повидаться. «Кёрли сейчас намного тяжелее! Я-то уже ко всему давно привыкла, а когда родители ссорились, я еще была маленькая и мало что понимала. Мне казалось, раз они взрослые, они лучше знают, что им надо. Только сейчас понимаю, что им ничуть не легче от того, что они взрослые!» Брит вздохнула. Она отложила гитару, написала сообщение Кёрли. Брит подумала, что ему лучше не оставаться наедине со своими мыслями, подумала, что лучше его отвлечь.

– Привет! – улыбнулся Кёрли через полчаса подъехав к дому Брит на велосипеде.

– Хорошее настроение? – спросила его Брит.

– Да! – отвечал Кёрли. – Без особой причины!

– Как это без причины? – спросила Брит. – Поедем на любимое место! Я сделала сэндвичи, вернемся только к вечеру!

– Ура! Не хочу домой! – отвечал Кёрли, прокручивая педаль.

Через пять минут они уже неслись по дороге, все больше набирая скорость. Им нужно было как можно быстрее выехать с окраин, чтобы попасть на маршрут. Они ехали по велопути, чтобы скорее сесть на паром и пересечь залив Лоуэр.

– Большое путешествие! Ю-ху! – кричала Брит, обгоняя Кёрли.

– Чувствуешь, уже пахнет морской водой? – прокричал вдогонку Кёрли.

– Ага! – отвечала Брит. Она любила подъезжать к заливу, с него всегда дул приятный свежий ветер. Иногда, правда, от него бывало и холодно, но только не сейчас: на небе были редкие кучевые облака, волнения почти не было – солнце приятно золотилось на маленьких волнах. Было слышно, как они шуршат, прибегая к берегу. Неподалеку, у пирса, был виден паром. Чайки кружили над ним и что-то кричали.

Брит и Кёрли купили билеты, припарковали велосипеды в специально отведенном месте, и стояли на палубе, разглядывая воду.

– Будешь мороженое? – спросил ее Кёрли.

– Угу! – согласилась Брит. Она смотрела вдаль, погода и вправду была прекрасная и навевала только светлые мысли. Брит смотрела на чаек, парящих в потоках воздуха. Казалось, еще немного, и она услышит их счастливый смех, такими довольными они ей казались. Брит вдруг подумала, как же им с Кёрли повезло, что их поколение может так вот кататься на пароме, ездить на велосипедах вдвоем. Разве можно было представить такое свободное поведение в девятнадцатом веке? Ее бы точно оставили дома и заставили вышивать крестиком, или, увидев, как они симпатизируют друг другу их бы непременно обручили, и разве можно взрослым объяснить, что между парнем и девушкой возможна дружба? Ей было забавно слышать, что многие не верят в это явление. Она всегда вспоминала про Кёрли и про себя, они дружили с самого детства и знали друг друга так хорошо, как, наверное, ни одна пара не знает. Может быть, именно поэтому она и не влюбилась в Кёрли, он был ей как брат, пусть и очень симпатичный.

– Твое любимое! – Кёрли принес клубнично-банановый рожок. Брит вдруг подумала, как здорово он угадал или запомнил. «А вдруг... он...?» Брит тут же отогнала мысль о его влюбленности. Ей не хотелось об этом думать, ей казалось, это испортит чудесную многолетнюю дружбу. Тем более она не сможет ответить взаимностью, ведь она сейчас просто дико влюблена в Этана Эрикссона. – О чем задумалась? – спросил ее Кёрли.

– Как ты узнал, что это мое любимое?

– Я давно наблюдаю за тобой! – отвечал Кёрли, подмигнув.

– Неужели всегда ем его?

– В восьми случаях из десяти.

– А в остальные разы?

– Что-нибудь новенькое или такое же, как у меня!

– Ну, ты Шерлок Холмс! – рассмеялась Брит.

– В этом нет ничего сложного! Ты ведь тоже знаешь, сколько мне ложек сахара положить в кофе?

– Три и посыпать корицей! – отвечала, не задумываясь Брит.

– Ну вот, видишь! – обрадовался Кёрли.

– Все просто! – отвечала Брит, вгрызаясь в хрустящую вафельную трубочку.

Тем временем паром прибыл на место назначения, подростки скорее сошли на твердую землю и поехали вдоль берега, наслаждаясь красивым видом. Дул приятный бриз, на этот раз Кёрли обгонял Брит. Он ехал и поймал себя на мысли о том, что он

ни о чем больше не думает: только о дороге, о том, с какой скоростью едет, о запахе ветра, о шуме листвы, о том, что Брит едет за ним. Он вдруг подумал, что, наверное, это и есть счастье, когда все тревоги оставляешь где-то позади, где-то далеко. Нет, они не испаряются, они есть, но они где-то *там*. А ты здесь, и здесь ничего нет, кроме ветра, солнца и всего мира, огромного-огромного мира. Кёрли рассмеялся. Брит обрадовалась, ей показалось, она поняла, почему он смеется. Ей тоже было необыкновенно легко на душе. Через четверть часа они были уже на месте, сидели, свесив ноги вниз, к морю, ели сэндвичи, болтали без умолку обо всем сразу и ни о чем одновременно, а потом смотрели на проплывавшие облака и молчали.

Когда Брит вернулась домой, было уже поздно. Она, устало вздохнув, поставила велосипед в гараж. На кухне мама пила чай с молоком:

– Голодная? – спросила она, делая глоток.

– Угу! – отвечала Брит, заглядывая в холодильник.

– Куда ездили?

– В Бейшор Уотерфронт, на пароме... – подернув плечами сказала Брит, подогревая куриные грудки.

– Молодцы! Я так рада за вас! – мама улыбалась. – Только когда остаетесь одни, не забывайте про... – мама подняла бровь.

– Про что? – растерялась Брит.

– Ну что я тебе как маленькой должна объяснить!

- Нет, мам! Мам, да ты что! – возмутилась Брит, наконец, поняв о чем она.
- Не отнекивайся! Или ты хочешь сказать...
- Именно это и хочу!
- Послушай, я твоя мать, и я не совсем слепая. Я уже давно замечаю, что ты часто приходишь домой после двенадцати, залезая в окно.
- Мааам...
- Ну нет, не «мамкай», в этом нет ничего предосудительного, я тоже так делала. Просто будь осторожна.
- Мама, я вообще девственница!
- Я имела ввиду, не сломай ногу или шею, когда снова будешь лезть на дерево! – мама рассмеялась.
- Мама! – разозлилась Брит, но тут же смягчилась и обняла мать.
- Ну все-все, прости, – мама поцеловала ее в лоб., – обожаю, когда ты бесишься. А Маркус похоже тебя и вправду любит. Это видно!
- сказала она уже на полном серьезе.
- Мы просто друзья, мам.
- Может быть, это ты так считаешь, но мне со стороны виднее, как он на тебя смотрит. Он любит тебя.
- Ты же только что обещала меня не бесить!

– Я не обещала, я попросила прощения за бестактность. Мне почему-то казалось, что ваши чувства давно взаимны. Ты ведь тоже влюблена!

– От тебя хоть что-нибудь можно скрыть?

– Конечно! – улыбаясь, отвечала мама. – Например, мне совершенно не ясно в кого, если не в Маркуса. В этого качка-блондина, Виктора? Ох, он и вправду хорош!

– Неет... – покачала головой Брит.

– А зря! – мама Брит снова рассмеялась. – Какие твои годы, впрочем! Ну, в кого?

– Ой, мама... – Брит вздохнула. Ей вдруг захотелось поделиться с мамой своими чувствами. Ни одна из подруг ее не поняла бы и подняла на смех, да и с Кёрли такого не обсудишь, а мама, мама вроде все понимает.

– Ну что «Ой, мама!», разве можно влюбиться в кого-то не того? Ведь когда влюбляешься, это всегда «тот самый». Рассказывай, кто он, если хочешь, конечно.

– Ты будешь смеяться...

– Не буду.

– Клятва на пальчиках?

– Клятва на пальчиках! – обещала мама, держа дочь мизинцем за мизинец.

– Ладно... – вздохнула Брит. – Только я никому этого не говорила. Никому-никому.

- Это останется между нами, и я не буду подкалывать тебя, даже если это учительница биологии.
- Смотри, ты обещала! – пригрозила Брит, улыбаясь.
- Что, я угадала? – удивилась мама.
- Ну, почти. Это учитель.
- С кем не бывает! – даже немного разочарованно произнесла она.
- Учитель литературы... – вздохнула Брит.
- И почему он? – спросила мама.
- Сейчас фото покажу, хотя ты и сама помнишь, он был режиссером постановки! – Брит стала искать фотографию мистера Эриксона в телефоне.
- Помню-помню, ничего такой, интересный. Смотри, я угадала, что учитель и почти угадала, что все-таки блондин! – мама налила дочери слабого чая с теплым молоком. – Интересно, за что ты в него влюбилась? Уже поняла?
- Не знаю, так сложно сказать... – Брит отхлебнула чаю. – Я не хотела в него влюбляться...
- Смешно...
- И мне «смешно», это так банально! Влюбиться в учителя!
- Да уж, я тоже жутко переживала, когда влюбилась в интерна на практике. Мне это тоже казалось банальным, а потом, ну ты сама знаешь что потом.

– Думаю, моя история любви так не закончится, – улыбнулась Брит. – Я обречена.

– Ну да, почти со сто процентной вероятностью. А если вдруг что, я буду вынуждена сообщить в полицию.

– Снова шутишь, надеюсь!

– Я похожа на твоего врага?

– Стала бы я тебе рассказывать, если была бы похожа... – ответила Брит, пожав плечами.

– Ну, так за что еще, кроме невероятно синих глаз? – допытывалась мама.

– Сначала мне понравилось, как увлеченно он нам что-то рассказывал. Потом, ты права, глаза. В них что-то такое было, вот до сих пор никак не понять, кроме света и огня, кроме его доброты еще что-то... печальное...

– Романтика, угу... – кивнула мама. – Не волнуйся, скушай ягодку, – она протянула дочери малину.

– Есть малину и говорить о нем это почти преступление! – улыбнулась Брит.

– Слишком сладко? – мама подняла бровь.

– Я тебя так люблю, мам! – улыбнулась Брит.

– А потом я заметила, какие у него красивые руки. Знаешь, такие длинные пальцы, тонкие запястья. А еще он все время носит тонкий ремешок, рядом с часами. Никогда не снимает, и я все время смотрю на него и думаю, почему же он его носит? И

придумываю про этот ремешок разные истории, но не знаю, наверное, среди них нет ни одной правильной.

– Кто знает... Иногда я удивляюсь, какие в жизни бывают совпадения.

– Мне нравится в нем все... Как он торопливо ходит, как иногда неуклюже что-нибудь делает, знаешь, так смешно, то об доску запачкается, пока маркер стирает, то уронит что-нибудь, а потом снова все в порядке, и снова он такой... серьезный, такой... интересный! Он много шутит, но не все в классе его понимают, а улыбаюсь, но мне как-то неловко. А он иногда это замечает и мне становится еще более неловко, я краснею. Это так ужасно, мама!

– Это замечательно! Не переживай! – подбодрила ее мать. – А на тебя он смотрит?

– Смотрит, конечно! Но он на всех смотрит! Мы же его ученики!

– Нет, ты не поняла...

– Ты имеешь в виду... как он должен на меня смотреть? Как Гумберт на Лолиту? – Брит вдруг решила признаться еще в одной вещи.

– Ты все-таки читаешь...

– Да.

– Но ты же не так поймешь...

– А что там не так понимать? Ты же знаешь, я никогда не поступлю как Лолита, хотя после твоих шуток про презервативы я начинаю сомневаться...

- И ты бы не хотела, чтобы он повел себя как Гумберт? – со смешком спросила мама.
- Гумберт бы никогда не осмелел, если бы она не дала ему повода.
- Кто знает, мне кажется, он бы совратил ее рано или поздно. Но дело не в этом...
- Так как он должен на меня смотреть?
- Если угодно, «голодными глазами»! Ну нет, не так как Маркус на тебя смотрит, совсем не так, более сдержанно. Но видишь ли, ты не увидела этого в Маркусе, а значит, можешь не увидеть и в своем учителе. Именно в силу этой неопытности, ты можешь неверно понять набоковскую Лолиту. Ох, слышал бы папа о чем мы говорим... Даже смешно!
- Я думаю, не только для папы. В какой еще семье можно обсуждать с мамой Набокова?
- Видишь, какая ты везучая!
- Ну и ты тоже! – рассмеялась Брит.
- Если хочешь, мы можем обсудить последнюю серию Симпсонов,
– рассмеялась мама.
- Как-нибудь в другой раз... Я уже потрепалась о ней с Кёр... с Маркусом.
- Хорошо, что ты не рассказала о своей влюбленности Маркусу, ты разобьешь ему сердце!

- Да ладно сердце! Он меня уважать перестанет! Мы постоянно смеемся над одной училкой, мисс Гвиндл! Она бегает за Этаном, то есть за мистером Эриксоном.
- Смеешься над тем же, чем сама больна? Не хорошо!
- Ну, мы начали ржать над ней раньше, чем я сама влюбилась, а потом как-то резко прекращать не с руки...
- Ага, согласна, – снова кивнула мама, – подозрительно!
- А теперь вот я влюбленная... И что мне с этим делать? – спросила ее Брит.
- Наслаждаться! – отвечала мама. – Как по мне, будь то счастливая или несчастливая влюбленность, все равно все к лучшему! Почему-то, когда влюбляешься, лучше узнаешь себя.
- Наверное, не знаю, пока я просто скучаю.
- Ничего страшного, в сентябре увидите! – отвечала мама, утешая дочь. – Обратишь на него внимание, интересно, кто ты для него: просто ученица или нет.
- Конечно, просто ученица! – уверенно отвечала Брит.
- Ну конечно, едва ли он влюблен так же сильно, как ты, но что-то он испытывать к тебе может. В общем, посмотришь, просто ради интереса.
- И зачем ты это говоришь... – вздохнула Брит.
- Просто хочу подтвердить свою жутко романтичную теорию. Он тебе снится?

– Да, снится... – вдохнула Брит. – Не часто, и ничего такого, ты не подумай, максимум – целуемся...

– Мне почему-то кажется, что если человек тебе снится, и не просто так, а часто, значит, он тоже о тебе думает. Бред, конечно, согласна. Но что-то в этом есть... – мечтательно предположила мама.

– Знаешь, мам, мне иногда кажется, что тебе тоже шестнадцать, такие непростительные глупости ты говоришь!

– Спасибо за комплимент! – отвечала она. – Шестнадцать, не шестнадцать, а у меня для тебя тоже есть маленький секретик...

– Оу! Интересно, какой? – оживилась Брит.

– Обещай пока никому не говорить...

– Обещаю! – отвечала Брит, во второй раз за вечер взяв маму за мизинец.

– У тебя скоро будет еще братик или сестричка...

– Ого! – громко воскликнула Брит, и тут же, извиняясь, прикрыла рот рукой.

– Круто, да? – спросила ее мама, подмигнув.

– Еще как! – Брит улыбалась, она вдруг почувствовала себя такой счастливой, хотя с чего бы это ей радоваться, из детской снова будет доноситься плач и мама наверняка будет просить помочь, но... Брит была рада, потому что она видела, как невообразимо счастлива мама.

– Только тсс...

– Хорошо, но помни: рано или поздно это станет очевидно! – Брит рассмеялась.

– Буду говорить, что проглотила арбузную семечку.

– Договорились! – рассмеялась Брит.

На душе у девушки стало легко: она, наконец, выговорила и встретила понимание. Давно они с мамой не говорили, Брит была слишком занята своими мыслями и всякими делами, да и мама не часто находила время, постоянно занималась то одним, то другим. Брит, если честно, уже даже решила что мама пустила все на самотек, и решила не вмешиваться в ее жизнь, но, как показала вечерняя беседа, ничто не осталось незамеченным. Она просто предоставила ей свободу. Брит гордилась своей мамой. Она знала, что та у нее хорошая, но только сегодня поняла насколько. Брит, улыбаясь, пошла спать. Легла, сложила на груди и, полная спокойствия и счастья, уснула.

В ту ночь ей приснился удивительный сон. Наверное, тому «виной» мама, которая разбередила ее воспоминания. Брит снился незнакомый ей город, может быть она видела его на открытке, а может быть в каком-то фильме. Здания были старинные. Шел снег. На окне, о небольшом оцинкованном ведерке стояла охапка нарциссов. Белых, с желтыми серединками. На кухне был какой-то кавардак, не лишенный художественности, будто бы кто-то специально оставил на столешнице белую чашку с недопитым кофе, разлитым на блюдце, венские вафли, украшенные чуть завядшей мятой, два лимона и темно-красное яблоко. Брит смотрела на некоторое подобие натюрморта, и ей захотелось нарисовать или сфотографировать эту красоту. Она вдруг увидела холст. «Никогда в жизни не рисовала!» подумала она, повинуюсь

порыву и взяв в руки кисть. Ей понравилось наносить на холст крупные, эмоциональные мазки. «Это точно сон! Слишком хорошо получается!» подумала Брит, и чем больше она рисовала, тем сильнее в ее душе крепла нежность и ожидание чего-то прекрасного. Она очень хорошо чувствовала это *прекрасное* внутри себя, будто бы ее тело – это оцинкованное ведро, полное нарциссов. Она уже знала, кого она ждет. Брит ждала любимого. Ее сердце приятно билось в груди, то ускоряясь, то замедляясь. Она слушала саму себя и радовалась тому, что у нее есть сердце, и она дышит. Радовалась тому, что ее руки снова рисуют. Брит знала – он обязательно придет. Она не беспокоилась, она не смотрела на дверь, она просто ждала и рисовала, добавляя все больше линий, все больше цвета, все больше чувства своему холсту. Она прервалась, растерла листик мяты между пальцев. Ей показалось забавным это сочетание: запах свежей краски, мятные покалывания в носу, снег за окном и легкий, едва ощутимый аромат нарциссов. Брит закрыла глаза. Из ее сна ушли зрительные образы. Остались только ощущения. «Как жалко, что я не вижу его лица!» думала Брит, ощущая на губах чуть прохладный и сладкий поцелуй, такой сладкий, будто она ждала его целую тысячу лет.

***

Клэр с радостью приняла приглашение Инес. Она больше не обижалась на подругу, да и вообще тот скандал, как она теперь понимала, был абсолютно надуманным. Она, очевидно, просто устала от постоянного «дня сурка» в своей жизни и придумала бог знает что. Клэр даже обиделась сама на себя за такую глупость и не прощала до тех пор, пока не набралась смелости и не извинилась перед мужем за беспочвенные обвинения. В этот вечер Этан с удовольствием взял на себя обязанности няньки. Летом он подрабатывал журналистом, вспоминая прежнюю профессию, но

график у него был свободный. Клэр устроила себе праздник, как бы в продолжение всех приятных событий отпуска. Подкрасила выгоревшие на солнце волосы, чтобы те снова стали яркими, огненно-рыжими. Теперь они шли ей еще больше – кожа стала приятного, чуть золотистого цвета. Клэр радовалась, что, наконец, увидит Инес не дома. Как ей казалось, дома она превращалась в какую-то скучную женщину, замученную хозяйством и детьми, ходячую антирекламу семейного образа жизни. Клэр боялась, что если они продолжат встречаться с подругой дома, та разочаруется в ней. Клэр иногда ненавидела себя за свою «домашность», а сейчас радовалась глотку свободы от роли матери и жены. Ей нравилось, пусть всего вечером, чувствовать себя свободной. Свободной и счастливой. Они встретились, быстро обнялись, посмеялись, сели за столик, сделали заказ и сидели, изучая друг друга.

– Тебя не узнать! – сказала Клэр, глядя на Инес. Взгляд подруги неуловимо изменился.

– Это я тебе как раз хотела сказать! – отвечала Инес, удивленно глядя на Клэр, – они вдруг замолчали.

– Что нового? – спросила ее Клэр.

– Лучше ты расскажи, как отдохнули! – попросила ее Инес.

– Хорошо, просто слов нет... – Клэр счастливо улыбнулась и начала рассказывать про проделки детей, и про то, как Этан, несмотря на все предосторожности, обгорел на солнце в первый день, про холодную воду из-за шторма в самом начале отпуска, про то, как Заку понравилось плавать в море, про то, как Тори с удовольствием копалась в песке. Она все щебетала и щебетала, и звук ее собственного голоса казался немного странным и чужим,

она вдруг подумала, что все это страшно скучно и неинтересно, и совершенно не нужно ее подруге, но она продолжала говорить, ведь Инес ее попросила рассказать, а если она прервется, о чем ей вести беседу? Клэр вдруг испугалась где-то глубоко внутри себя, что ей нечего будет рассказать своей подруге, если она сейчас, вдруг, замолчит. Инес, напротив, слушала ее с удовольствием, пытаясь поставить себя на ее место, даже пытаясь представить себя на месте ее детей. Потом, Инес вдруг поймала себя на мысли о том, что ей совершенно все равно, о чем говорит Клэр. Ей нравилось смотреть на то, как то загораются, то тухнут искорки в ее глазах. Клэр то смотрела в глаза Инес, увлеченно что-то рассказывая, то смотрела в сторону, изучая окружающих, то разглядывала пенку на капучино. Инес и Клэр перекидывались ничего не значащими репликами, как мячиками, больше получая удовольствие от самого факта беседы, чем от ее содержания. Конечно, ни одна из них не догадывалась, насколько не важен предмет разговора противоположной стороне. Каждая думала, что ее тема более актуальна и интересна. Инес овладели смешанные чувства: с одной стороны болтовня подруги, если вдуматься, не несла совершенно ничего нового и была довольно таки скучна, с другой стороны – она настолько сильно устала от самой себя и своих невеселых и порой пугающих мыслей, что погружение в мир Клэр приносило не только какое-то разнообразие в ее собственный, но и некоторую долю удовольствия. Во-первых, как и раньше, Инес пыталась понять для себя, что же такое полноценная семья. Во-вторых, отвлечься от мыслей о Серджио. В-третьих, искренне радуясь за подругу, она все же сравнивала себя с ней и понимала, что сравнение в ее пользу. В-четвертых, несмотря на предыдущее умозаключение, она не переставала любоваться Клэр. Инес нравились ее красиво изогнутые брови. Нравились сексуальные ямочки в уголках губ. Нравился,

чертовски нравился ее новый цвет волос, благодаря которому она вмиг перестала быть «домашней серой мышкой», и стала больше похожа на себя внутреннюю, как казалось Инес. Насколько она помнила ее старый «допотопный» характер, то есть тот озорной и любопытный взгляд на жизнь, странно совмещенный с ее внешним спокойствием и даже некоторым занудством, который у нее был до того, как она решила остепениться. Потом, видимо, разум, спокойствие и умиротворение взяли вверх и погрузили ее в некоторый «кокон», из которого никак не могла вылететь бабочка. Но теперь Инес смотрела на огненные, страстные волосы Клэр и была уверена, что превращение уже началось.

– Ты знаешь, мне кажется, я устала от Этана, – вдруг выпалила Клэр. И сама будто бы испугалась собственных слов. Инес удивленно подняла брови и посмотрела на подругу в недоумении.

– Что ты имеешь в виду? – спросила Инес.

– Мне кажется, мы так долго вместе, что я знаю каждый его шаг наперед, каждое его слово, но при этом у него есть что-то, что он мне не говорит и говорить не собирается, и меня это бесит. Бесит!

– Клэр разозлилась и сверкнула глазами, Инес восхитилась скрытой в них энергии, чем бы она ни была вызвана.

– Это разве не нормально? – пожала плечами Инес. – Ты бы знала, как меня тошнит от моего нынешнего любовника...

– Скажешь тоже, «тошнит!» – усмехнулась Клэр. – Ты хотя бы их меняешь часто!

– Зря ты жалуешься, муж у тебя душа и красавчик!

– Да, у тебя тоже тот еще Дон Жуан, если ты *того самого* имеешь в виду? – кокетливо заметила Клэр.

– Да, не говори... – вздохнула Инес. – А ты никогда не изменяла мужу?

– Нет, что ты... – с гордостью, однако немного грустно заметила Клэр. – Я люблю его, просто... иногда... – Клэр не договорила. Ей показалось, что о таком лучше не говорить даже близкой подруге, особенно если учесть направление ее мыслей. Клэр боялась, что Инес неправильно поймет ее. Хотя разве можно понять это правильно? Вот, она сейчас рассказывает что-то о работе, о покупках, о новой сумочке, пара слов о любовнике... А все это не важно. Клэр смотрит на ее губы, с которых стерлась помада, но от этого они кажутся еще сексуальнее. «О, ну разве такое можно говорить! Разве такое можно думать!» про себя возмутилась Клэр, продолжая молчать. Только глаза ее ярко сверкнули. И это очень понравилось Инес, но и она не сказала подруге о своем странном чувстве.

– Ой, брось эти мысли! Пойдем в кино на какую-нибудь комедию, а потом ко мне, выпьем вина, послушаем музыки, расслабишься, отдохнешь от мыслей о семье, об Этане, о чем угодно. Больше ни слова про отпуск! И я не буду про работу! – вдруг энергично заявила Инес, попросив у официанта кофейной счет.

– Ты права! – довольно улыбнулась Клэр. Ей вдруг стало легко-легко на душе, будто бы подруга произнесла какое-то заклинание, после которого голову и вправду покидали надоевшие, обыденные мысли. Клэр подумала, что в ее симпатии к Инес нет ничего предосудительного и не стала заикливаться на том, что осознание

сексуальности подруги может быть чем-то большим, чем просто оценкой ее красоты.

В кино обеим удалось расслабиться и посмеяться от души, на сердце стало легко, и они шли домой к Инес, вспоминая шутки из фильма и из собственной студенческой жизни, продолжали смеяться и радоваться жизни. Впервые за последние пару лет Клэр шла по вечернему Нью-Йорку, не думая о том, что ее ждут дома, и вообще не думая о муже и детях. Клэр смотрела по сторонам, разглядывая витрины магазинов и прохожих, смотрела на закатное небо, по которому иногда пролетали патрульные вертолеты. Клэр дышала воздухом, совершенно не таким свежим, как на окраине, где они жили, но, тем не менее, вкусным. Возможно потому, что она успела соскучатся по городу. Она поймала себя на мысли, что звуки проезжающих машин, шаги пешеходов, окрики, смех, шорох листвы – все сливается в ритмичный шум, который идеально гармонирует с ритмом постепенно зажигающихся огней. Инес шла рядом и молчала, она тоже наслаждалась прогулкой по летнему городу, наслаждалась тем, что ее ничего не тревожит, наслаждалась обществом подруги. В такой момент, когда не было слов, им обоим казалось, их общение становится намного полнее. Ветер трепал распущенные волосы подруг и, так как они шли рядом, черные волосы Инес часто касались плеча Клэр и едва заметно щекотали ее кожу. Та непроизвольно щурилась.

Вдоволь нагулявшись, подруги поймали такси, и пока они ехали, Клэр решила на всякий случай набрать номер Этана.

– Все хорошо? – спросила она мужа.

– Уже укладываю детей спать, не волнуйся, – отвечал Этан, зевнув.

– Отдыхаешь?

- О, да! – довольно рассмеялась в трубку Клэр.
- Хочешь, оставайся ночевать, все равно я тебя уже не дождусь, засну. Устройте пижамную вечеринку... – улыбнулся Этан. – Если ты, конечно, с Инес!
- Он спрашивает, с тобой ли я! – рассмеялась Клэр, обращаясь к Инес. Инес рассмеялась.
- Слышу-слышу! Смотрите у меня! – почти строго сказал Этан. – Ладно, наслаждайся! – сказал он жене.
- Спокойной ночи! Не переживай... – нежно сказала Клэр, вешая трубку.
- Раз у тебя поправки к первоначальному плану... у меня есть идея!
- Какая? – глаза Клэр загорелись.
- Пойдем танцевать?
- Оу, ух ты! С удовольствием! – обрадовалась Клэр. – Только... только мне нечего надеть! – испугалась вдруг она.
- Все равно самое интересное начнется позже! Поехали ко мне, я тебе что-нибудь подберу из своей одежды!
- Как в старые времена мы ездили ко мне, помнишь? – спросила ее Клэр. Инес прекрасно помнила, особенно то время, когда она едва зарабатывала на оплату учебы и еду, и у нее не было денег на красивые новые наряды, но у них с Клэр был один размер и они постоянно менялись то одним, то другим, и выглядели на все сто процентов. Кто бы мог подумать? Инес улыбнулась.

Не сговариваясь, торопливо, они вышли из лифта, и зашли в квартиру, не очень много времени уделяя «обзорной экскурсии». Инес быстро показала подруге небольшую квартиру, и они мигом отправившись к шкафу, чтобы выбрать подходящий комплект.

– Тысячу лет не была на диско! – возбужденно тараторила Клэр, перелистывая вешалки с нарядами в небольшой гардеробной подруги. – Сколько у тебя деловых костюмов...

– Не так уж и много, просто на каждый случай требуется свой. Я наверное, когда-нибудь справочник составлю! Теплые шерстяные на зиму, легкие на лето, брючные, с юбкой, по фигуре и прямого кроя, для соблазнения и для того, чтобы, наоборот быть незаметной, черные, серые, вишневым, темно-синий, песочный и даже белый... целая наука!

– И что, во всем этом бизнес-великолепии осталось место для чего-то легкомысленного?

– Немного, – хитро улыбнулась Инес. – Но осталось! – извлекая из недр открытого шкафа черное платье, изысканно расшитое пайетками.

– Никогда бы не подумала, что блестки могут так красиво смотреться! – заметила Клэр.

– Такое бывает, если за изготовление платья берется дизайнер.

– О, это дико дорого! – заметила Клэр.

– Не знаю, это подарок. Возможно, поэтому оно плохо сидит на мне. Примеришь? – спросила ее Инес.

Через полтора часа Инес и Клэр растворились в толпе танцующих. Сердце Клэр учащенно билось то ли от громкой музыки и ярких огней, напомнивших ей о юности, то ли от быстрых танцевальных движений. Клэр танцевала, забыв обо всем. Инес невольно залюбовалась подругой: на ее лице играла счастливая улыбка. Не вымученная «все в порядке», не деловая «я рада вас видеть», не лицемерная «у меня все хорошо», а самая настоящая довольная счастливая улыбка. Инес тоже целую тысячу лет не была на танцполе просто так. До Серджио она иногда выходила «на охоту», но такого удовольствия, как с подругой она не получала давно. Не нужно было строить глазки, рисоваться, входить в роль, соблазнять, искать кого-то глазами, можно было просто расслабиться. От этого Инес было так удивительно легко, что она чувствовала, как в ее голове вместо всяких мыслей поселяются танцевальные мелодии и разноцветные огоньки, и ощущение это очень близко к наивысшему наслаждению. Подруги танцевали рядом, иногда нечаянно соприкасаясь. От этого будто ток пробежал по всему телу. Клэр чувствовала приятный аромат бергамота и мяты – ей нравились духи Инес.

– Да пусть все идет к чертям! – вдруг выругалась Клэр, подводя подругу к барной стойке.

– Твоя правда! – соглашалась Инес. – Отличная идея!

– Два яблочных мартини! – заказала Клэр.

Что было потом? Несколько зажигательных композиций, пара шотов калуа, два ягодных смузи со льдом под девизом «пора остановиться» и безудержное веселье. Оно так внезапно, непредсказуемо наступило, будто и не было нескольких лет «взрослой жизни», и они снова с головой окунулись в то время,

когда были «не разлей вода». Инес и Клэр смеялись, вспоминая старые «па», которые можно было танцевать в паре: они двигались синхронно, не сговариваясь, впадая в какой-то удивительный транс, ощущая единение друг с другом и с музыкой, которая их окружала.

– У меня завтра все болеть будет! – улыбалась Клэр. – Круче, чем фитнес! – рассмеялась она.

– Круче, чем секс! – рассмеялась Инес в ответ, продолжая двигаться под музыку. Ей не хотелось останавливаться. Приятное ощущение усталости разлилось по телу вместе с алкоголем, но подруги продолжали танцевать.

Клэр наслаждалась каждой минутой, хотя они и сливались в какой-то непонятный конгломерат звуков и света, движения, вкуса и запаха. Время шло быстро. Это она знала по опыту, так же как и то, что слишком долго задерживаться в клубе тоже нельзя: все-таки завтра днем нужно быть не ходячим-зомби, а полноценной мамой, полной энергии и сил. Клэр тяжело вздохнула, понимая, что уйти нужно будет никак не позже трех часов ночи, когда все самое интересное только начинается. Она чувствовала себя Золушкой на прекрасном балу, и, понимая, что у нее мало времени, она старалась «отрываться по полной», как они это раньше называли с Инес. Та, как будто читая ее мысли, предложила уйти, как только зазвучала какая-то скучная композиция.

Они снова ехали на такси, уставшие, довольные, пьяные, но не до безобразия, счастливые и будто бы двадцатилетние. На поворотах машину чуть заносило и их прижимало друг к другу. Подруги смеялись, наслаждаясь этим ощущением. У обеих все еще быстро колотилось сердце в груди. Инес нравилось это ощущение.

«Странное чувство, будто выпила слишком много кофе!» подумала про себя Инес, глядя в окно на разноцветные неоновые вывески и отражение Клэр.

Они молча поднимались в лифте и улыбались друг другу, переглядываясь, будто бы знают какой-то секрет.

– Кто-то обещал вкусное вино... – подняла красивую изогнутую бровь Клэр, потом вдруг залюбовавшись на зеркальное отражение обнаженной спины подруги.

– Ты не боишься напиться? – шутя, спросила Инес.

– От бокала ничего хуже не станет! – рассмеялась Клэр.

– Окей, уговорила... – сказала Инес. – Пижамная вечеринка?

– Почему бы и нет? Но через час я уже точно должна спать! – сказала Клэр, направляясь в душ.

– Ты знаешь, где полотенце? Свежее в шкафчике, на верхней полке справа! – крикнула ей вдогонку Инес. Она достала из холодильника бутылку вина, открыла ее и разлила по бокалам. Пока из ванной слышались успокаивающие звуки воды, Инес сидела на кухне, подперев рукой подбородок. Ей не было скучно, ей было просто хорошо. И больше никаких мыслей, как в телевизоре, у которого сломалась антенна. Шипение. Белый шум. Но приятный. Ощущения этого вечера возвращались к Инес. Она вспоминала то танцы, то как они прижимались друг к другу в такси. «Забавно все это» думала Инес. Повинуясь какому-то порыву, она взяла два бокала вина и направилась в комнату. Вдруг, навстречу ей из душа вышла Клэр. На бедрах у нее было полотенце. Инес застыла, избегая столкновения или находясь под

впечатлением – она не думала об этом. Она смотрела на красивое тело Клэр: на ее изящные плечи, покрытые каплями, на аккуратную грудь, тонкую талию, полотенце на бедрах. Дыхание Инес сбилось. Клэр тоже будто бы застыла, глядя на Инес как-то иначе, а как именно она сама понять не могла. Подруга вдруг показалась ей необыкновенно привлекательной в своем облегающем платье, под которым можно было с большим трудом, но все же разглядеть, тонкие линии белья. И хотя на самом деле это мгновенное замешательство, разделенное на двоих, длилось всего несколько секунд, обе подруги ощутили сильнейшее волнение.

– Я думала, ты несешь пижаму! – наконец проговорила Клэр.

– А я про нее забыла... и несу вино! – неловко, почти заикаясь, отвечала Инес, быстро поставив бокалы на столик и нырнув в гардеробную. Скрывшись от подруги, Инес прикрыла глаза и постаралась успокоиться. Ей казалось, ее сердце так быстро бьется, что сейчас выпрыгнет из груди. Она чувствовала свой пульс прямо где-то в горле, тепло поднималось к ушам, а потом быстрой волной спускалось все ниже и ниже. Инес открыла ящик, нашла какую-то футболку и свободные шорты. Руки ее тряслись. Инес снова прикрыла глаза и постаралась вдохнуть как можно глубже. «Я просто пьяна» подумала Инес, стараясь договориться сама с собой. Сознание рисовало перед глазами Инес интересные картины, девушка начинала мотать головой, пытаясь избавиться от этих волнующих видений.

– Ты куда пропала? – позвала ее подруга, заглядывая в гардеробную и нечаянно натолкнувшись на Инес, держащую в руках аккуратно сложенные вещи. Мягкая грудь Клэр коснулась обнаженной спины Инес, обе подруги испуганно отскочили друг

от друга, хотя на танцах, в одежде, подобные касания случались нередко.

– Ой, прости! – извинилась Клэр.

– Ты прости! – отвечала Инес, протягивая ей футболку и шорты. – Одевайся скорее, а то замерзнешь! – непослушными губами проговорила Инес, умоляя Бога, чтобы подруга как можно скорее натянула на себя что-нибудь отвратительно-бесформенное.

Клэр, борясь со странным чувством влечения, сфокусировалась на вине и старалась не смотреть на подругу. Инес казалось, что Клэр читает ее мысли и ей стало стыдно. Ей казалось, подруга не смотрит ей в глаза именно поэтому. Они сидели, пили чуть терпкое вино, неловко смеялись, смущенно улыбались, глядя друг на друга. У обеих чуть кружилась голова и каждая из них боялась случайно коснуться другой. Допив вино, Инес уступила свою кровать Клэр и, взяв покрывало и подушку, устроилась на диване. Клэр стало неловко. Ей показалось, что Инес заметила ее интерес к ней и испугалась ее. «Я бы и сама себя испугалась!» подумала она, устраиваясь поудобнее. К счастью, активные танцы и алкоголь сделали свое дело, и она быстро заснула, хоть и на новом месте. Обычно ей плохо спалось в гостях, здесь же она заснула как младенец. Чего нельзя сказать об Инес, которая так и не сомкнула глаз до рассвета, как ни старалась. Ей хотелось успокоиться и уснуть, но успокоиться она не могла. В ее голове был причудливый коктейль туманных ощущений, совершенно явного сексуального влечения, мыслей, отрицавших и осуждавших нахлынувшие эмоции и снова сексуального влечения. Инес не понимала себя. Инес боялась себя и в то же время наслаждалась своим состоянием. Ей вдруг показалось, что она никогда раньше не испытывала такого сильного и такого... «настоящего» что ли

возбуждения. Она смотрела на безмятежно спящую Клэр, на линии ее тела, скрытые тонкой простыней, слушала ее дыхание, и от этого ей становилось все более невыносимо, но это была такая сладкая невыносимость, совсем не похожая на ее приступы отвращения и тошноты, которые все чаще случались с нею последнее время. Только, наконец, уговорив себя поразмышлять на эту тему позже, она забылась сном, который был полон фантазий. Инес отпустила себя и крепко проспала два часа, пока их с Клэр не разбудил будильник, поставленный рыжеволосой подругой накануне.

***

Брит впервые в жизни ждала окончания лета. Еще никогда прежде летние каникулы не тянулись так долго – Брит так часто и так много думала об Этане, что начала скучать по нему и считать дни до нового учебного года. То и дело, прогуливаясь по улице или в парке, она замирала, увидев в толпе похожего на него человека. Ей казалось, что вот-вот он выйдет ей навстречу. Среди незнакомых, равнодушных лиц Брит пыталась разглядеть его лицо, его глаза. Среди всего летнего разнообразия футболок, гаваек и тостовок она искала глазами свою любимую клетчатую рубашку. Несколько раз она не знала, куда себя деть, когда случайно встречала его, прогуливающимся с детьми и женой. Она боялась на него смотреть, чтобы не выдать себя или, о ужас, не скомпрометировать его своим влюбленным взглядом. Она не хотела смотреть ни на его жену, ни на его детей. Но, отворачиваясь, старательно отводя взгляд, она все равно возвращалась к нему, потому что увидеть его и без того было редким везением, и было бы глупо вовсе не смотреть на него. Брит, пытаясь отвлечься, то и дело жевала разноцветный мармелад. Она выбирала только желтых или только зеленых мишек, или только

ракушки, или только длинных червячков со вкусом лимонада и ела ассорти по-отдельности. Ей нравились мармеладки без сахарного покрытия, гладкие, тягучие и упругие. Нравились мармеладки в форме яичницы. Она перебирала их и старалась съесть меньше, чтобы не растолстеть, но иногда, увлекшись книгой, она не замечала и съедала целую пачку предварительно разложенных по «кучкам» мармеладок. От этого ей становилось стыдно, но она тут же списывала свое маленькое обжорство на то, что она «в печали».

Брит была рада, что мама ее выслушала и поняла. Она больше не лезла к ней с расспросами и вообще вела себя на удивление корректно: не издевалась и не смеялась над ее откровением. Мама была единственной, кто был в курсе чувств Брит, девушка боялась признаться сверстницам в этом, кроме того, ее «ближайшей подружкой» был Кёрли, а он бы точно принялся издеваться над ней. Чтобы время шло быстрее, Брит поглощала книги одну за другой. Она дочитала Набокова, потом переключилась на Ибсена, ей казалось, его северные пьесы очень отдаленно, но связаны с мистером Эриксоном, ведь у него были норвежские корни. Ибсен тяжело читался, поэтому она прочитала только «Пер Гюнта» и «Кукольный дом», потом Брит взялась за Бредбери и Селинджера. Она читала книги «запоем», запираясь в своей комнатке и искренне не понимая, почему отчим называет огромный мир, открывшийся при помощи всех этих книг, ее подростковым «миром». Когда ей надоедало валяться в комнате или в саду и читать, она звонила Кёрли, или тот сам заходил за ней, отрывая от очередной книги, и они ехали кататься на велосипедах или шли в кино, часто ездили погулять в центре города, иногда заходили на какую-нибудь интересную выставку, потом собирались большой компанией в какой-нибудь уютной кафешке и целый день пили безалкогольный мохито, или манговый смусли, закусывая

прохладительные напитки какой-то чепухой вроде чипсов или орешков.

Так было и в один августовский вечер: Брит устала читать, позвонила Кёрли, а тот уже был на вечеринке у Виктора, Брит тут же скорее собралась и, не прошло и получаса, стояла у двери Виктора. За нею, как всегда, было много народа и играла музыка. Это было слышно. Вот кто-то открыл дверь. Брит зашла и оглядела помещение: Хуана, Ким и Кёрли с Карлосом играли в твистер. Виктор был ведущим, и, как всегда издеваясь, медленно произносил показания стрелки, определяющей положение игроков на игровом поле.

– Ничего себе вас раскорячило! – рассмеялась Брит.

– На тебя посмотрю... – прокряхтела Хуана. – Когда так припечет....

– Это еще не самое страшное! – заметил Кёрли, стараясь удержать равновесие.

– Не скажи! – отшутился Карлос, пропуская руку между ног Кёрли. – Вот лучше бы тут была Ким! – заметил он, хихикнув.

– Не посмотрю на правила! Врежу, если только попробуешь! – пригрозила Ким.

– Я сейчас упаду! – жаловалась Хуана, пытаюсь удержаться, выгибаясь причудливым мостиком. – Виктор! Черт тебя дерит! Что на стрелке?

– Левую ногу... – медленно произнес Виктор. – Переносим на...

– Виктор! – хором, не сговариваясь, взмолились остальные.

– На синий кружочек! – все так же медленно заявил блондин, поигрывая бицепсами.

– ААА! – прокричал Кёрли, пытаясь дотянуться первым до свободного кружка необходимого цвета.

– Лучше бы он молчал... – жаловалась Хуана.

– Правая рука на желтый! – быстро произнес Виктор. Это было неожиданно – ребята еще не до конца свыклись с только что принятыми весьма неудобными позами, чтобы так быстро менять их, сохраняя равновесие. Внезапно, Хуана, Кёрли и Карлос упали прямо на Ким. Она вскрикнула, потом принялась выбираться из-под «завала», ругая поочередно Виктора, Хуану и Кёрли с Карлосом последними словами. Это было до того смешно, что все начали заразительно смеяться, чуть ли не хрюкая от восторга.

– И я, я тоже хочу! – сказала Брит.

– А я больше не буду играть! – продолжала ругаться Ким, потирая ушибленный локоть.

– Тогда будешь за ведущую! – сказал Виктор.

– Я тебе отомщу! – сказала она. – Я все запомнила! Я злопамятная! Ты попал!

– Боюсь-боюсь! – рассмеялся Виктор. Брит уже было подумала, что зря она согласилась на игру, ведь от Виктора можно ожидать чего угодно! В общем-то, так и было! В начале игры он искал такое положение, чтобы оказаться ближе к ней, но, к его чести, он не прижимался к ней и не терся об нее, как это иногда бывало, конечно же, в шутку. Все равно было весело! Ким была хорошей ведущей, но замечая, что Виктору тяжело находится в каком-

нибудь положении долго, она все же дольше объявляла следующую позицию, пусть и остальным приходилось не сладко.

Другие ребята, не занятые в игре, просто наблюдали за ними и тоже смеялись над теми причудливыми положениями, которые приходилось принимать игрокам. Кто-то, конечно, просто бродил по дому, попивая газировку или что покрепче, из комнаты Виктора доносились азартные крики: кто-то играл в компьютер, еще несколько ребят гоняли мяч во дворе – было слышно, как он ударяется о гравийную дорожку. Брит вышла в сад. Когда родители Виктора были живы и пока его бабушка и дедушка были достаточно здоровы, чтобы ухаживать за ним, этот сад был очень красивым. Но и сейчас, когда Виктор остался один и изредка, от случая к случаю, подрезал какой-нибудь куст – полузаросший сад выглядел очень интересно, возможно, даже лучше, чем во времена былого «величия». Брит разглядывала белый шиповник, чьи лепестки красиво осыпались на чуть пожелтевший газон. Вдруг к ней подошел Виктор.

– Красиво, не правда ли? – спросил он вкрадчиво.

– Да, – вздохнула Брит, внутренне напрягаясь.

– Хотела побыть одна? Прости, я не хотел тебя беспокоить... – сказал он чуть отдаляясь от девушки. Брит стало неудобно.

– Да нет, все нормально, – Брит неловко улыбнулась.

– Мне всегда нравилось, как он пахнет... – сказал Виктор, срывая цветок и поднося его к лицу. Брит невольно залюбовалась происходящим: хрупкий, увядающий цветок казался еще более нежным в его мощных, накачанных и жилистых руках. У Виктора были красивые скулы и сексуальный подбородок. Брит успела

оценить все это, и, вместе с тем, успела подумать, как же удивительно то, что его магия совершенно на нее не действует, будто бы Виктор не мужчина, а мальчик или существо с другой планеты. Казалось бы, мистер Эриксон тоже блондин, и даже рост у них почти один и тот же, к тому же за Виктором бегают целые толпы, но... не работает и все! Брит непроизвольно приподняла бровь и хмыкнула.

– Чего ты? – спросил ее Виктор.

– Красиво! – заметила Брит.

– Что именно? – удивился он.

– Цветок в твоих руках... – задумчиво пробормотала Брит. Виктор улыбнулся.

– Я знаю, что будет так же красиво! – сказал он, молниеносно привлекая Брит к себе и целуя ее в губы, пока она не успела опомниться. На секунду Брит потеряла почву под ногами, голова ее закружилась, особенно от того, что она закрыла глаза, а туалетная вода Виктора так сильно напоминала ей любимый аромат... По всей видимости, Этан пользовался тем же. Но, осознав, что происходит, она оттолкнула Виктора.

– Виктор! – строго сказала она. – Зачем?

– Не удержался... – сказал он, глядя на нее с нежностью. – Прости... влюбленного дурака.

– Боже, Виктор! – расстроилась Брит. – О, Виктор!

– Мне казалось, тебе понравилось? – спросил он ее неуверенно.

– Конечно, я же не лесбиянка! – пожав плечами отвечала Брит. – Но я ничего не чувствую к тебе! – ее так возмутил поцелуй Виктора, что она только и могла отшутиться, причем как можно грубее, чтобы хоть как-то прийти в себя.

– Жалко! – вздохнул Виктор. – Я не хотел тебя обидеть.

– Верю, – отвечала Брит, опустив глаза.

– Моя неудачная попытка... останется между нами? – спросил он, осторожно приподняв подбородок девушки и заглянув ей в глаза.

– Конечно! Черт, так неловко... – смущенно улыбнулась Брит.

– Все хорошо, просто ты выглядишь такой влюбленной, но явно не в Кёрли! – заметил Виктор. – В прошлый раз между нами, кажется, проскочила искра, и я решил попытаться счастья.

– Это все твоя чертова туалетная вода... – почти рассмеялась Брит.

– Я рада, что теперь между нами все ясно. Надеюсь, ты больше не будешь пытаться меня соблазнить.

– У меня совсем нет шансов? – игриво спросил ее Виктор.

– Нет! Это был мой первый поцелуй! Он должен был быть другим!

– ответила Брит с укором. И тут же пожалела, что сказала это так резко. Но все же это было правдой. Она развернулась и пошла в дом.

Она подошла к Кёрли, вырвала из его рук ром с кока-колой и отвела в сторону.

– Пойдем отсюда! – сказала она тоном, не терпящим возражений.

– Что? Что случилось? – недоумевал Кёрли.

– Ничего особенного! – Брит энергично направлялась к выходу из дома.

– Тебя кто-то обидел? – спросил ее Кёрли.

– Нет, мне просто все надоело, и я хочу домой! – заявила Брит.

– Ну... хорошо... – Кёрли пребывал в замешательстве.

Подростки вышли на улицу. Брит несколько раз глубоко вдохнула и выдохнула. «Ладно, не конец света!» подумала она про поцелуй. Некоторое время они шли молча. Кёрли понял, что подруге хочется отмолчаться и не задавал лишних вопросов, но в голове роились разные варианты, и он все никак не мог понять, что же так сильно разозлило Брит. Но спрашивать и бесить ее сильнее он не хотел. Он хотел, чтобы она скорее успокоилась. Поэтому они сделали большой крюк, обогнув квартал с юга. Они шли и молчали. А Кёрли смотрел то на ее разноцветные кеды, то на свои кроссовки, то на саму Брит, украдкой. Она была до того красивой! Вначале щеки сильно разругались от гнева, но теперь краска спала и они были нежно-розовыми, ей шел этот румянец! Глаза сверкали, блестели, горели. Кёрли понимал, что еще немного, и он дойдет до ручки в своем обожании Брит. «Да сколько уже можно!» ругал он себя за то, что не решился признаться ей в кинотеатре, что не осмелился поцеловать ее, когда они сидели на берегу и любовались волнами. Сколько было таких случаев, когда он не решался? Кёрли начал перебирать варианты в голове: в полумраке гостиной у Виктора, однажды после концерта, еще – когда лежали в траве, накатавшись на велосипедах, и когда они остались после уроков и готовились к спектаклю, потом, в примерке, после удачного представления, дважды, нет, трижды, когда сидели у нее в комнате. И целых четыре раза во время летних прогулок на

закате. «Может быть, хватит уже трусить?» спросил себя Кёрли. Он чувствовал, что должен признаться Брит. Сегодня, да, сегодня. Кёрли пытался прокрутить у себя в голове нужные слова. Ничего не получалось. Мысли путались. Но ощущение любви и волнения крепло и, в конце концов, ощущение любви пересилило волнение. Кёрли остановился, как вкопанный. На этот раз была его очередь резко остановить Брит.

– Что? Что такое? – недоуменно спросила она, озираясь в поисках опасности, исходящей непонятно откуда.

– Слушай, да плевать, ох, бред... Нет, да... Я люблю тебя! Давно! И не спорь! – вдруг выпалил Кёрли. Он уже ругал себя за то, что сказал все совсем не так, и вовсе не красиво, не романтично, непонятно как, скомкано в общем. Кёрли весь сжался в ожидании реакции Брит на его слова. Брит онемела. Она просто разглядывала Кёрли, как будто увидела его в первый раз.

– Да что вы сегодня, сговорились что ли! Ооо! – Брит снова начала краснеть. Она невероятно злилась. – Кудряха, миленький! – сердце Кёрли забило часто-часто, но он уже начинал понимать, что что-то не так. – Ты же мне как брат! Ну как так можно! Как так можно! Ну что за день! Самый дерьмовый день в моей жизни!

– Брит! – воскликнул Кёрли, но тут же забыл, что же он хотел сказать, да и что ему сказать. – Как брат? – немного ожесточившись спросил он, собрав волю в кулак, чтобы голос его не прозвучал глупо.

– Как брат! – расстроено ответила Брит, и быстрым шагом пошла в сторону своего дома. Кёрли попытался догнать ее, но вдруг почувствовал, как в горле застревает предательский комок. Кёрли

остановился и дал ей уйти вперед. Им обоим нужно было побыть одним. «Как брат!» повторил про себя Кёрли.

***

Инес рано проснулась. Сначала ей показалось, что это от того, что вся комната, где она спала, наполнилась солнечным светом. Но потом она внезапно осознала, что проснулась от переполнявшего ее ... счастья. «Вот и утро новой жизни!» вслух сказала она, и ей показалось, что ее мысли, материализованные в слова, слетают с ее губ как мотыльки. Она улыбнулась и медленно потянулась в постели. Инес чувствовала удивительную легкость, будто бы все ее переживания, после принятия одного важного решения, вдруг растворились в воздухе. Нет, конечно, нет. Они не растворились. Они существовали. Инес это знала. Но ей надоело переживать по этому поводу. Она проснулась, и с этого дня Инес обещала себе, что все будет иначе. Среди бесконечных деловых костюмов она все-таки нашла старые студенческие джинсы. Сегодня был выходной, Инес намеревалась провести его наедине с самой собой, но, на этот раз, *наслаждаясь* своим обществом и одиночеством. Не только жизнь была «новой», но и сама Инес. Так она решила. За полтора месяца лета, с тех самых пор, как она осознала свою тягу к подруге, многое изменилось. Возможно, если бы ей самой рассказали о том, что произойдет в ее жизни, Инес бы не поверила. А сейчас она радовалась тому, что решилась на изменения. Она долгое время думала, и в какой-то момент поняла, что далеко не всегда те инструкции, которые звучат у нее в голове – ее собственные желания, ее стремления. Как будто ее мама поселилась в голове и постоянно говорила ей, что делать стоит, а чего не стоит. Как будто еще какая-то, другая Инес, боящаяся

всего на свете, инструктирует ее. И вот, однажды, она решилась все изменить: Инес продала машину, некоторые дорогие украшения, большую часть дорогих дизайнерских платьев, сняла недорогую двухкомнатную квартиру и переехала в другой район, чтобы было удобно жить вместе с мамой, пока лечение брата не закончится. Завтра они с Хосе приезжают, через неделю назначена операция.

Инес быстро собралась и вышла из дома. Она предвкушала ругань мамы, но ничего с этим поделать не могла: Инес шла в парикмахерскую, куда была записана на стрижку. Когда мастер коротко обрезал первую прядь, Инес чуть поколебалась в своем решении, но сказала себе «Так надо». Волосы летели на пол, становясь все короче. Инес смотрела на себя в зеркало и улыбалась. Вместе с ними уходило ее прошлое. Уходил ненавистный насильник-Руфус, уходили многочисленные покровители, помогавшие ей добиться многого и вместе с тем ничего (все ее достижения лопнули, как огромный мыльный пузырь), уходило все, что тревожило ее и делало ей больно, уходил Серджио. Правда, несмотря ни на что, Инес все же будет вспоминать о нем с теплотой. Он был единственным мужчиной, кто на самом деле ценил ее. Невероятно! Серджио удивил Инес. Это было во время их самой последней встречи. Инес тогда в очередной раз подумала, что сможет перебороть свою неприязнь к нему ради благого дела. Но сознание того, что она спит с ним ради денег, сознание того, что играет с его чувствами и с самой собой в «вынесу не вынесу», мысли о Клэр, цепь сложных ассоциаций-воспоминаний в которой Серджио становился очередным звеном: потным толстосумом, использующим ее тело ради наслаждения. Все это делало акт соития мужчины и женщины чем-то противоестественным, извращенным в подлинном значении этого

слова. Во время очередного приступа тошноты Инес снова скрылась в ванной, но забыла закрыть дверь – Серджио вошел и увидел ее сжавшейся и плачущей... Она хотела было накричать на него, а потом вдруг, будто плотину прорвало, говорила и говорила и говорила. Она говорила о том, что им надо расстаться, что это просто невозможно продолжать так дальше, что он вовсе не виноват и дело в ней, потом (в тот момент ей казалось это глупостью и слабостью) видя, с каким пониманием он к ней относится, она рассказала ему всю свою жизнь, а он все слушал, слушал и слушал. Когда Инес закончила говорить, она вдруг огляделась: Серджио и она сидели на кафельном полу, он завернул ее в большое полотенце и приобнял, чтобы успокоить.

– Я все понял, – сдержанно сказал он и вышел на балкон покурить. Серджио очень долго курил. Потом, наконец, вышел, оделся. – Ты молодец, что сказала. – Серджио похлопал ее по плечу и удалился. На следующий день Инес написала заявление по собственному желанию и уволилась. Серджио обещал предоставить ей хорошие рекомендации. А вечером, когда Инес вернулась домой, она обнаружила в почтовом ящике конверт без штемпеля и марок, в котором был банковский чек на двести тысяч долларов. К нему прилагалась записка: «Надеюсь, ты не поймешь меня превратно. Я просто хочу тебе помочь. Знай, что не смотря ни на что, ты очень много значила для меня. Удачи!» написал Серджио своим неровным почерком. Было видно, что он очень волновался. Парадокс: его деньги, его дорогие подарки только в начале их отношений имели для него ту же ценность, что и для нее. Она рассталась с ним из-за того, что ей казалось, она продает свое тело. Он подарил ей внушительную сумму, давая понять, что это не плата за отношения, какими бы они ни были. И еще: он начал отношения с Инес ища легкости и телесного наслаждения, но

судьба сыграла с ним злую шутку, и он обрел самую настоящую любовь в таких неожиданных обстоятельствах. Инес не сомневалась – он любит ее. Она знала, что она его счастье. Она знала, что после ее признания он еще больше заужал ее и... еще сильнее влюбился в нее. Но теперь и она, и он понимали, что дальнейшее развитие их отношений невозможно. Для Инес отношения с Серджио стали просто ирреальны и все. Как и отношения с любым другим мужчиной. Судьба ли это, или просто ее нелегкая жизнь, психологические травмы нанесенные другими или нанесенные Инес самой себе: теперь не имело значения. Инес изменилась. Инес прощалась с прошлым, и ей было одновременно немного грустно, что все так получилось, и в то же время необыкновенно хорошо от того, что впервые в своей жизни она делает действительно то, что хочет. Она учится слушать себя, узнает себя настоящую. В связи с этим она чувствовала огромную благодарность к Серджио, который не только понял ее и правильно повел себя при расставании, не показывая своих чувств (о, Инес могла догадаться о том, насколько сильными были его эмоции по этому поводу), не применяя никакой жестокости ни делом, ни словом по отношению к ней, но и очень сильно по-человечески помог ей. Инес не знала, как ему вернуть этот «долг» и должна ли она это делать. Две вещи она знала точно: Серджио освободил ее и она никогда этого не забудет. Ей больше никогда не придется вступать в связь с мужчиной ради денег, как бы ей ни было сложно. Лечение брата оплачено. Сама себя она всегда обеспечит. «Новая жизнь!» улыбнулась Инес, глядя на красивую незнакомку с ассиметричной стрижкой в отражении зеркала.

***

– Доброе утро, милый! Пора вставать! – сквозь сон Этан услышал голос жены. Для него ее слова слились в какое-то месиво, от

которого осталась только интонация. – Ты так счастливо улыбался во сне, я решила, что пора тебя разбудить, чтобы ты проснулся с тем же настроением... – говорила Клэр нежно.

– Ммм, – только и мог произнести Этан, пытаясь проснуться. Сон произвел такое сильное впечатление на него, что эмоции из сна до сих пор не отпускали его: хотелось закрыть глаза и досмотреть, чем же все закончится... Стоп. Что закончится? Этан, посмотрев на жену, забыл сюжет своего сна. Попытался вспомнить, что же его так взволновало. Только несколько образов проплыли перед глазами. Этан вдруг вздохнул. Он понял. Ему снова снилось его прошлое. Голландия, снег за окном, нарциссы и Магда, нет, не Магда. Брит. Ему снилась Брит. «Мда, чего только не вытворит подсознание. Она ведь и вправду немного похожа на Магду, никогда раньше не замечал этого. Да и зачем мне это замечать? Зачем мне последнее время так часто снится Магда? Если бы она знала, как мне бывает тяжело возвращаться в реальность...»

– Ты чего не отвечаешь? – чуть раздраженно спросила его жена.

– А ты разве что-то спрашивала? Я ничего не слышал! – спохватился Этан.

– О чем думаешь? Что-то приснилось? – повторила Клэр вопрос.

– Да, что-то странное. Уже не помню, что именно, но... не важно, забудь, – отвечал Этан, улыбнувшись. Он пристально смотрел на жену, стараясь окончательно проснуться, дать себе понять, где он находится. Клэр поцеловала его. Она вдруг подумала, что он у нее самый замечательный на свете, а остальные ее мысли – это все глупости. Поцелуй жены окончательно разбудил Этана. Будто бы рассеялся какой-то туман. Он дома. «Планета Земля, Северная Америка, штат Нью-Йорк, Нью-Йорк, Статен Айленд, Ардент

Хайте, авеню Ларедо, дом 56 А» как заклинание про себя произнес Этан Эрикссон. Тридцатисемилетний, женатый школьный учитель литературы с двумя детьми. Этан улыбнулся. Эта мысль показалась ему забавной: во сне ему было никак не больше двадцати. И сколько же ему на самом деле?

– Ты снова витаешь в облаках. Что тебе на завтрак? – спросила его Клэр, вставая с постели и натягивая домашние штаны и футболку.

– Давай лучше я! – предложил Этан. Ему нужно было привести мысли в порядок, а для этого нет ничего лучше, чем приготовить завтрак ранним воскресным утром. Этан поскорее поднялся с кровати, принял контрастный душ, оделся и направился на кухню. Клэр играла наверху с детьми. Этан мыл апельсины холодной водой, потом резал их пополам, чтобы выжать сок. Он вдруг улыбнулся. Каждый раз, когда он чистил, резал или ел апельсины, он вспоминал один счастливый вечер, никак не мог отделаться от этих воспоминаний. Впрочем, «отделаться» не совсем верное слово. Воспоминания не досаждали ему. От этого становилось сладко, кисло и немного горько, как тогда, когда вместе с мякотью случайно прожуеть апельсиновую косточку. «Если ты и вправду хочешь, чтобы я о тебе вспомнил, я о тебе вспомню. Хорошо, Магда. Ты же знаешь, ты же видишь, я так и ношу твой подарок. Жена сначала просила, чтобы я снял (она так и не знает, что это от тебя, а то бы, наверное, срезала с руки, пока я сплю), а сейчас привыкла. Не обижайся на меня, но и не зови меня больше, Магда. Это невыносимо! Сколько еще раз мне вот так просыпаться в Нью-Йорке? Я же счастлив здесь, у меня здесь семья, и жену я люблю. Нет, не спорь, люблю. Я стараюсь, я живу другой жизнью. Да что я рассказываю, ты и так все знаешь, Магда. Я выучился на журналиста, потом стал главредом, а это, веришь ли, только с виду такая важная, хорошая профессия, а на деле все только и делают,

что приходят и предлагают переспать за публикацию этого материала, за размещение той рекламы, просто так потому что «Разве можно мне отказать?», «Ты что, гей?», а потом в кабинет приходит какой-нибудь мальчик-журналист, который все слухи принял за чистую монету. Это все противно, Магда. Это все невыносимо. Я бы мог жить иначе, совсем по-другому с тобой. Но как мне жить? Наверное, ты бы хотела, чтобы я остался в Амстердаме. А я не могу. Там везде ты. А здесь тебя нет. Не было. И вот ты мне сегодня напомнила. Ладно, хорошо. Называй меня психом, сейчас испеку твои любимые блинчики. Ты любишь, и я люблю. Все любят. Вот бред, Магда! Ты только вдумайся, ты умерла шестнадцать лет назад, нет, уже, наверное, семнадцать, а я с тобой разговариваю и вот, собрался печь блины. Их съедят мои дети. Тебе не страшно, Магда? Так бежит время... Тебе уже все равно, ты, красиво выражаясь, уже в вечности. А мне как? Ты бы, может, хотела бы, чтобы я нашел такую же, как ты, и вовсе не можешь понять, что же я нашел в Клэр? А я в ней нашел то, что в ней нет ни капли тебя. Поэтому я ее могу любить. Совсем по-другому, но могу. Хочешь знать, почему еще я ее люблю? Хочешь знать, счастлив ли я?» Этан задумался, помешивая тесто для блинчиков. Он энергично работал венчиком, так чтобы не было комочков. Из-за этого даже появились небольшие пузырьки. «Счастлив, насколько могу. Знаешь, учителем работать совершенно другое дело. В этом хотя бы есть какой-то смысл. А знаешь, еще что радует? Что иногда бывают молодые люди живые, живые как мы с тобой когда-то были. Смеешься надо мной. Да-да, ты мертвее меня, ты победила, но я тоже не до конца живой. А жена у меня хорошая». Этан вылил первый блинчик на небольшую сковородку. Тесто зашипело, касаясь раскаленной тефлоновой поверхности. «Конечно, ты едва ли поняла бы ее, но все люди разные, так же? Она во многом разумнее меня, и знаешь, наверное,

это хорошо, иначе я бы плохо кончил. Она не такая как ты. Нет, иногда она в сотню раз спокойнее и терпеливее, а иногда непредсказуемо взрывается как бомба. Недавно вот, покрасила волосы в рыжий. Стала эдакой фурией. А еще чисто по-женски любит дорогие подарки. Совсем на тебя не похожа. И не любит татуировки. Терпеть не может нарциссы, не умеет ездить на велосипеде, зато (ты удивишься) она отличный серфер и прекрасно говорит по-французски, в отличие от тебя. Правда, в Париже мы еще не были. Не хочу. Что? Нравится тебе то, что я до сих пор не хочу в Париж? Да, я еще помню, как мы туда ездили с тобой, ты вывихнула ногу, и опиралась на меня, прихрамывая, а потом, чтобы догнать трамвай мне пришлось тебя взять на руки и пробежать так метров сто...». Этан рассмеялся. «И почему вдруг мне показалось тогда, что это последний трамвай? Они же там ходят круглосуточно! Видишь, я все помню. Это не плохо, это хорошо, что я помню. Я теперь знаю, что это правда: если любишь кого-то по-настоящему, даже когда человек уходит из твоей жизни, он навсегда остается в ней. Ты мне снишься, я видимо, все-таки скучаю по тебе. Хотя у меня все хорошо. Давно я с тобой не говорил. Давно о тебе не думал, давно жил совсем другой жизнью...» Этан продолжал жарить блинчики: Зак их просто обожал, у отца они получались просто идеально. Клэр давно сдалась и передала привилегию по приготовлению сгêре мужу. «Я всегда буду помнить тебя, но я прошу, больше не являйся мне во сне» пробормотал Этан, выливая тесто на сковороду.

– Что ты там все бормочешь? – спросила Этана жена.

– Я? Разве? – удивился Этан.

– Снова голландский! Практикуешься, чтобы не забыть? – спросила Клэр.

– Угу, – кивнул Этан. – Не хватает практики. Ты знаешь, я сам не заметил, как...

– Бывает! – пожала плечами Клэр. – Моя бабушка, та, которая из Канады, часто забывалась и говорила по-русски. Тоже бывало, бормочет что-то, смешно так и совсем непонятно, на польский похоже, сплошные согласные и шипение. – И зачем тебе нужен был голландский? Там и так все по-английски понимают.

– Красивый язык, мне понравился. Ну, еще у меня была девушка, и она меня научила на нем говорить немного... – сказал Этан, беззаботно переворачивая блинчик. Тревога покинула его. Ему вдруг показалось, что после воображаемого разговора с Магдой все будет хорошо.

***

Брит не виделась с Кёрли уже две недели. Воскресенье – последний день лета. Завтра в школу. Казалось бы, как раз то, чего она так долго ждала из-за Этана. А теперь как-то неловко. «Хочется скорее в школу, чтобы увидеть любимого. И не хочется в школу, потому что увидишь там Кёрли! Ужас!» Брит чувствовала себя без вины виноватой. Она боялась, что сделала Кёрли больно. Но она ничего не могла изменить: разве можно приказать себе любить? Разве можно перестать любить того, кого любить не следует, и полюбить того, кто любит тебя, усилием воли? Нет, никак нельзя. Очень жалко. Кёрли молчал. Кёрли не писал. Может быть, он не знал что сказать. Может быть, он теперь ее ненавидит. «Как глупо было бы потерять такого друга!» подумала Брит, тяжело вздохнув. «Может и вправду говорят, что не существует дружбы между мужчиной и женщиной? А я еще сомневалась!» девушка снова расстроилась. «Дружили одиннадцать лет! Целую

вечность! Можно сказать, всю жизнь! И вот тебе! «Люблю!» А я, если угодно, тоже его люблю, только не так. Совсем не так. И как ему это объяснить? Вот ведь сказала ему «как брата», а он обиделся. А он подумал, есть ли у меня выбор? Что же я ему должна была наврать из жалости, а потом встречаться с ним из жалости? Вот что ты молчишь, что ты молчишь!» снова злилась Брит, наблюдая, что Кёрли сейчас «онлайн». «И ведь первой не написать! Подумает, понадеется, что я что-то испытываю к нему. А я молчу и чувствую себя последней сволочью, он такой хороший, такой классный, а я его не люблю, то есть люблю, но люблю как-то не так, и что же мне теперь делать? С кем еще я так буду веселиться, с кем буду кататься на великах, не думая ни о чем? С кем буду ходить в кино? С кем еще можно так поговорить и помолчать, если все мои подруги нет-нет, да и начнут говорить об отношениях (а что мне им сказать, что я по уши влюблена в учителя? На смех поднимут), или про косметику, или про наряды. А мне все это не интересно! Я не хочу об этом! И вот что же такое получается если делать только то, что интересно? Слушала про литературу – влюбилась в учителя, поговорила с Виктором о музыке и искусстве, пошутила, подколола и он влюбился, а я-то думала, ему совсем другое нужно. Ладно Виктор, он быстро отойдет, будет ему утешение. Но Кёрли! Так внезапно! Зачем ему это? Думал ли он? Разве можно задать такой вопрос: «ты вообще думал, перед тем как признаться мне в любви, может нам это вовсе не надо?». Нет, нельзя. И почему в шестнадцать нельзя просто дружить, как раньше? Почему? Может потому, что мальчики и девочки внезапно становятся мужчинами и женщинами, и тут-то и начинаются все проблемы? Теперь я понимаю, почему Питер Пэн не хотел взрослеть. Зачем это нужно «взрослеть!», куда лучше оставаться всегда ребенком! Если бы только это было возможно! Хотя... что же тогда делать, если влюбляешься во взрослого, а ты

для него вечный ребенок? Ну уж нет, взрослеть тоже надо. Хотелось бы мне, чтобы Этан хоть на секунду увидел во мне женщину! Хотя бы на мгновение ощутить его взгляд, как во сне, чтобы понять, как это. Как это, когда ты любишь, и на тебя с желанием смотрит твой любимый?». Брит снова унеслась в мир грез. Она сидела у себя в комнате, у компьютера, слушала музыку и смотрела как бы сквозь экран, пытаясь представить как можно четче, как Этан посмотрел бы на нее. Что было бы, если бы она для него была такой же красивой и желанной, каким он является для нее. «Невозможная взаимность» подумала Брит. «Хотя бы мечтать никто не запрещает» подумала она, представляя, наверное, в сотый или в тысячный раз, как он приближается к ней, нежно обнимает ее за плечи и целует прямо в губы.

Брит нервничала с утра. Все валялось из рук, никак не могла собраться. Сначала ударилась ногой об угол кровати, да так сильно, что до синяка. Значит, платье отменяется. Потом с трудом выбрала, что надеть. Остановилась на привычных джинсах, майке и жилетке. Выбирала бижутерию, поняла, что потеряла любимые серьги. Стала искать – потратила слишком много времени. Потом вспомнила, что еще не успела помыть голову. Пропустила завтрак. В спешке выбежала с полу-мокрой головой на улицу.

– Брит! – окликнула ее мама.

– Что мам? – чуть раздраженно спросила Брит.

– Не нервничай! Все будет хорошо!

– Хотелось бы верить, мам! – поблагодарила ее девушка. – Только что такое это «хорошо»? – задала она вопрос самой себе. «Успеваю на школьный автобус!» промелькнула в голове мысль, когда ноги уже бежали в сторону ярко-желтого транспорта.

Первый учебный день всегда немного суматошный, но занятия все равно, как это ни странно, идут как обычно. Правда, уроки кажутся короче, потому что сначала идет обмен новостями, рассказы о лете и прочая болтовня. Новые учителя знакомятся с новыми учениками, в каких-то классах появляются новые предметы, где-то новые ученики. Все школьники за лето меняются: младшие классы вырастают на несколько сантиметров. Старшеклассники начинают басить, хвастаются пройденными уровнями компьютерных игр, старшеклассницы осваивают азы макияжа, хвастаются размером бюстгалтера или тем, как удалось похудеть. Образуются новые парочки, опять же. И распадаются.

– Привет! – поздоровался Кёрли. Он как-то нейтрально улыбнулся и сразу отвел взгляд.

– Привет! – ответила Брит, ей было неловко. Она посмотрела на Кёрли, но тот сделал вид, что чрезвычайно заинтересован содержанием своего рюкзака. Стал в нем рыться, будто ищет что-то важное. Брит сразу поняла, что он просто не хочет с ней говорить. От этого сердце ее сжалось. «Интересно, и долго он собирается дуться?» и тут он вдруг подошел к ней.

– Я тебе флешку записал! – сказал он, протягивая ей устройство.

– Что там?

– Музыка, как обычно! – ответил он, как-то неловко пожав плечами.

– погоди! – Брит строго посмотрела на него. – Ты не обижен на меня?

– Нет, с чего ты взяла? – ровным голосом ответил он.

– А почему молчал так долго? – спросила Брит.

– А что мне сказать? Я не знаю! – отвечал Кёрли. – Возьми лучше, дома послушай.

– Хорошо! – ответила Брит, улыбаясь изо всех сил, чтобы показать, что она ни в коем случае не расстроена и не понимает, что на самом деле чувствует Кёрли.

– Я не пойду на литературу! – вдруг сказал Кёрли, разворачиваясь у кабинета. – Есть другие дела!

«Спокойно!» подумала Брит, заходя в кабинет и кидая свои вещи на привычное место. Ей вдруг подумалось, как было бы здорово, если бы им заменили учителя литературы. Ей бы тогда не пришлось сдерживаться и скрывать свои эмоции при его появлении. «Странная мысль, если учесть, как долго ты мечтала его увидеть!». В результате Брит не могла оторвать взгляд от входной двери, ожидая прихода учителя. Ей вдруг стало до ужаса страшно, а что если эта ее шальная мысль – правда, и вместо Этана вдруг придет какая-нибудь старая гримза? Брит подперла подбородок рукой, делая вид, что ей скучно и лень даже голову повернуть. А сама вслушивалась, не идет ли он по коридору. Сама смеялась над собой, что боялась моргнуть и пропустить его появление. «Глупая, глупая дура» ругала себя Брит. И вдруг он появился: как всегда стремительным шагом вошел в кабинет, потом бережно повесил свой большой кожаный портфель рядом со столом, поправил мягкие бежевые рукава своего нового кашемирового свитера, хлопнул в ладоши и, как обычно, очаровательно улыбаясь, произнес:

– Добрый день, класс!

– Добрый день, мистер Эриксон! – послышался хор голосов разной степени веселости.

Он повернулся спиной к ученикам и принялся писать тему занятия на доске. Брит могла незаметно и безнаказанно любоваться им. Сердце ее счастливо билось, когда она смотрела на то, как его красивая, тонкая и вместе с тем необыкновенно сексуальная рука выводит синим маркером аккуратные буквы. Она смотрела на волосы, игриво завивавшееся на затылке и пыталась угадать их запах. Она очень четко представляла, как они могли бы щекотать ее губы, если бы она подошла и обняла его, вдруг, сзади. Брит вспомнила разговор с матерью и задумалась, а смотрит ли он на нее как-нибудь особенно? Девушка захотела, чтобы он скорее обернулся. Мистер Эриксон закончил писать тему на доске и обернулся. Он оглядел класс, как обычно, нейтрально. Начал рассказывать о Бернардe Шоу и «Пигмалионе». Брит, как и некоторые одноклассники, была знакома с этим произведением. Но большинство, это было видно, знали содержание данного произведения по фильму, и только делали вид, что читали книгу, чтобы «выслужиться» перед учителем. Брит решила лишний раз не высовываться, ей не нужна была показуха. Она ждала момента, чтобы задать действительно интересный вопрос и проследить за реакцией Этана. Тот внимательно слушал мнение других учеников и кивал. Брит замечала, что иногда он кивает просто, чтобы показать, что понял, о чем говорится, и все. Иногда кивал заинтересованно. Иногда слегка удивленно. А потом снова продолжал рассказывать о пьесе, чтобы перед прочтением ученики знали, на что обращать внимание. Брит записывала что-то в тетрадь, просто так, чтобы не слишком часто смотреть на него, не встречаться взглядом. Она боялась, что по ее лицу он сразу все поймет, он же такой понятливый. Несколько раз их взгляды

случайно встречались и, к своему удивлению, Брит заметила, что он первым отводит взгляд, хотя она сама смущалась настолько сильно, что, кажется, забывала дышать. Когда этот неловкий и волнующий момент повторился в четвертый раз, Брит почувствовала, как волнение охватывает все ее существо: он смотрел на нее! Он смотрел на нее не так, как обычно смотрит на других! Брит была поклясться чем угодно, она чувствовала в его взгляде какой-то странный магнетизм, зов, направленный к ней. Но что это значит? Значит ли это, что она действительно полная дура, которая уже не отделяет реального мира от мира грез и фантазий? Или это значит, что она неверно интерпретирует его взгляд? Или она видит то, что хочет видеть? Но как же можно ошибиться, если это пробивает наподобие разряда тока? Брит наблюдала за Этаном. Тот перемещался по классу, и еще ни разу не прошел близко от нее. Раньше такого не было, так что же с ним? Брит наблюдала Этаном, уже забывая о том, что это могут заметить другие. Он снова стоял у окна, как обычно, будто там невидимыми чернилами написано: стоять здесь! И снова свет, пробивавшийся через стекло и тени от деревьев, движущихся от легких дуновений ветра, играли на его лице. Он перелистывал страницы, цитируя несколько фраз Хиггинса и имитируя любопытный просторечный акцент Элизы Дулитл. Перевернул страницу, взглянул на Брит. «Ну, вот что это такое?» подумала Брит, недоумевая. Она невзначай коснулась собственного запястья. «Да у тебя сейчас выпрыгнет сердце!», но она была не права. Ее сердцу еще предстояли испытания. Брит ничего не могла поделать: она смотрела на высокий ворот свитера и представляла, как мягкая шерсть касается его нежной шеи. Ей казалось, она отчетливо чувствует каждую клетку своего тела, и будто бы все ее существо стремится к нему. Тело сидит на месте, развалившись на стуле, а

она уже будто бы в двух шагах от Этана. Странное такое ощущение.

– Если подумать над названием «Пигмалион», о чем вам оно говорит? Встречали ли вы где-нибудь еще такое? – задал вопрос мистер Эриксон. Класс некоторое время находился в замешательстве.

– Что-то знакомое... – послышалось со среднего ряда.

– Никак не могу вспомнить! – пробормотала Хуана.

– А что, мы должны это знать? – недовольно спросила Эби.

Брит подумала, что был такой миф в древней Греции, но решила не говорить об этом. Слишком очевидно. Видимо, не для всех. Девушка пребывала в замешательстве.

– Неужели никто не знает? – удивился мистер Эриксон, оглядывая класс. – Имя Галатей никому ничего не говорит? – он оглядел класс. – А где же Маркус? Он как потомок древних римлян должен быть ближе к данной тематике, разве нет? Маркус отсутствует. И что же? Никто не знает? Не помнит? – при слове «никто» он вдруг выразительно посмотрел на Брит. Как будто хотел сказать: «Неужели ты не знаешь? Ни за что не поверю!».

– Ненавижу этот момент! – проворчала Брит. – У одного древнегреческого царя была статуя, которую он сам изваял, и она ему так понравилась, что он попросил Афродиту, богиню любви, ее оживить и та исполнила его просьбу, и жили они долго и счастливо, – как можно более равнодушно постаралась сказать она.

– Все почти верно, – поддержал ее учитель, – нельзя утверждать наверняка, это все-таки миф, но насколько мне известно,

Пигмалион попросил Афродиту дать ему женщину столь же прекрасную, как и его творение, а богиня оживила саму статую.

– Да какая в сущности разница, если все счастливы! – пошутила Хуана. Несколько человек в классе рассмеялись.

– Тем более, что название пьесы Шоу является аллюзией на древнегреческий миф и как такового оживления статуи в данном произведении нет, – все-таки решила высказать свое мнение Брит. В результате она получила желанный уважительный взгляд мистера Эриксона, ну и в дополнение несколько завистливых от одноклассниц. «Неужели они тоже влюблены?» вдруг подумала Брит.

– Интересно, значит ли это, что Афродита просто не смогла найти столь же совершенной женщины? Значит ли это, что Пигмалион любил идеал? И значит ли это, что идеал достижим только в творчестве, но не в реальной жизни? – набралась храбрости Брит.

– Оххх... – тяжело вздохнул мистер Эриксон. – Вы, ученики, иногда такие вопросы задаете, на которые у меня, честное слово, нет ответа! Об этом можно долго размышлять, если это кому интересно, можем попробовать ответить на этот вопрос после урока.

– Я слышала, идеал вообще недостижим, нигде! – цинично заметила одноклассница Брит, Ники.

– Идеалы для всех разные! – послышалось с задней парты. – Вот для кого-то идеал, может быть, я! – задиристо заметил Дик. – А для меня идеал Джоанна Энджел!

–Ого-го! – засмеялся Крис, он явно понял, о чем говорит его друг.

– Мистер Эрикссон, видать, не в теме! – пошутил Дик.

– Нет, не в теме... – равнодушно заметил учитель. – Возможно, к счастью.

– Пока вы обсуждаете порно-звезд, урок уже подошел к концу! – громко заявила Эби, не переставая жевать свою любимую жвачку.

Послышался скрежет стульев, ученики вставали со своих мест и торопливо покидали класс. Брит твердо решила остаться и обсудить волнующую ее тему. Ей было очень интересно, что же мистер Эрикссон скажет по этому вопросу. Но вместе с тем ей было ужасно страшно обсуждать с ним тему любви. Она оглядела класс в надежде, что кто-то еще останется, что не только ей одной любопытно. Но, убедившись, что никого не осталось, она почему-то внутренне обрадовалась.

– Наверное, глупый вопрос, мистер Эрикссон, но ведь получается, что все влюбленные, как Пигмалион?

– Что ты имеешь ввиду, поясни, – учитель попросил ее развить мысль, ему было интересно проследить за ходом мыслей своей ученицы. Он уже был немало удивлен зрелостью ее суждений.

– Потому что, наверное, каждый из нас любит некий образ, и этот образ и является для нас идеалом – продолжила размышлять Брит, – Мы постоянно подбираем кого-то, кто ему соответствует, как у Набокова: Гумберт в детстве полюбил одну девочку, а она потом умерла – это, получается, образ. И он идеализированный. А потом он видит Лолиту и думает о ней, и подводит, подгоняет как бы под нужный образец. Так и получается? – Брит говорила, и слышала, как от волнения дрожит ее голос.

– Да. – отвечал мистер Эриксон. Во рту вдруг пересохло. Учитель разволновался, но старался не подавать виду. – Я смотрю, вы вышли за рамки школьной программы. Это похвально.

– А что же надо делать, если встречаешь свой идеал? – спросила Брит. Она сама удивилась собственной смелости, но вдруг про себя решила: «Все или ничего, мне нужно знать, что он думает».

– В идеальной ситуации... – мистер Эриксон сделал паузу, пытаясь понять, стоит ли ему отвечать на этот вопрос. Он чувствовал сильное волнение Брит, но не мог понять, с чем же оно связано. Он сам целый день украдкой смотрел на нее, потому что вчерашний сон будто бы вернулся к нему, едва он увидел ее в классе. Нет, она не была похожа на Магду, как бывают похожи родственники, но что-то в ней было такое, чего он не мог объяснить. Ее пшеничные волосы и зеленые глаза, чистые и невинные, и губы, такие красивые и нежные, но более всего что-то другое, неосязаемое. Сильное притяжение, такое сильное, как будто у него в груди спрятан большой магнит. Этан боролся с этим чувством. Оно не могло быть взаимным, оно в принципе не могло быть. Это его личное помешательство, просто девчонка чем-то отдаленно похожа на его прошлую любовь, а еще она просто милая и умная. «Милая и умная, поэтому объясню. Она должна понять» подумал он и продолжил говорить: – «В идеальной ситуации, если понимаешь, что человек твой, надо не раздумывая ни о чем просто делать то, что подсказывает сердце. Как в легендах рыцари добивались своих дам, несмотря ни на что, ни на какие условности или угрозы... – Этан продолжал говорить, но Брит не слышала ни слова, после того как он сказал «...делать то, что подсказывает сердце». Она смотрела на его шевелящиеся губы, он говорил, а она ничего не слышала от шума в ушах. Вот теперь ее сердце билось на полную мощность! Еще чуточку быстрее и выпрыгнет из груди

– так могла бы подумать Брит, если бы анализировала свои ощущения. Но она просто приблизилась к Этану, встала к нему так близко, что у нее все на секунду поплыло перед глазами: она чувствовала его дыхание, его тепло. Мистер Эриксон будто находился в каком-то оцепенении, Брит вдруг осмелела, и чуть встала на носочки, пытаясь его поцеловать, его рука нежно легла на ее плечо. Его губы были уже так близко, что дыхание Брит вдруг замерло. «Неужели?» только и успела подумать она.

– Не надо, Брит, – прозвучал его бархатистый баритон. Рука мистера Эриксона нежно отстранила девушку от себя. – Ты потом поймешь. Некоторые идеалы недостижимы. И поцелуй бы все испортил... – Брит посмотрела на него глазами, полными слез. Она ничего не могла с собой поделать. Слезы сами навернулись в самый неподходящий момент. Брит вдруг стало так ужасно стыдно, неуютно и плохо, что она мечтала только об одном: немедленно провалиться сквозь землю и исчезнуть. «И зачем я только это сделала? Что со мной было? На что я надеялась? О, какая же я дура! Дура! Дура!» ругала себя Брит, пулей вылетая из класса. «Недостижимый идеал! Идол я бы сказала! Не-до-сти-жи-мый! Идеал!» Брит вдруг разозлилась на него. «Он что, считает себя идеалом? Хотя, вполне заслуженно... О, нет!» думала она, вспоминая, на что решилась. «Стыдно, стыдно, стыдно! И о чем я только думала! Дура!» Брит продолжала ругать себя, на чем свет стоит, и, не заметив идущего навстречу Кёрли, столкнулась с ним.

– Ты что? Что случилось? На тебе лица нет! – спросил ее взволнованный друг.

– Ничего! – рявкнула Брит.

– Да нет, я же вижу! Стой! – остановил ее Кёрли. – Тебя кто-то обидел? – Брит посмотрела в его участливые глаза, такие родные и все-все понимающие, что не удержалась и разрыдалась в голос, прямо там, в школьном коридоре.

– Я дура! Я дура... – только и повторяла она, решив ни за что не рассказывать ему о причине своего плача.

– Такая же, как мисс Гвиндл? – спросил ее Кёрли, сразу догадавшись обо всем.

– Еще хуже! – ответила Брит, продолжая рыдать на его плече.

Мистер Эриксон сидел в кабинете, пытаясь прийти в себя. Издали, помимо обычного школьного шума, до него доносились рыдания Брит. Этаном Эриксоном овладели смешанные чувства. С одной стороны, он чувствовал гордость. Да, он гордился собой, он устоял перед искушением. Не совсем так, как устоял бы перед поцелуем хорошенькой шестнадцатилетней девушки любой честный мужчина. Он и сам не ожидал такого, но с ним в те мгновения творилось что-то невероятное: поэтому он позволил себе помедлить и подпустить ее слишком близко к себе, опасно близко. Настолько близко, что еще немного, и он бы не удержался. Но не удержался от чего? Вот, перед ним стоит юное существо... Нет, не то. Как раз поэтому он удержался. Но волнение охватило его по другой причине: перед ним стояла, будто ожившая, его любимая. Да, она была младше, чем та, которую он когда-то полюбил. Да, черты ее лица были другими, но какие-то мелочи... поворот головы, жесты, интонация, взгляд... Этану было не по себе, руки его слегка дрожали: «Это не она» убеждал себя учитель в очевидном факте. Чувства, которые он давно спрятал в глубине своей души, любовь, которую он так старательно забывал на

протяжении многих лет, стараясь не вспоминать о ней, не думать о ней вдруг вспыхнули. Не вовремя. Не к той. Его любимая давно мертва. А это другая девушка. Но вот она стояла перед ним, и он вдруг почувствовал тот же восторг, что и много лет назад. Он на мгновение забыл, кто стоит перед ним, он перестал думать, он начал чувствовать. В его голове пронеслась мысль, которую он сразу вычеркнул, сразу отклонил, сразу не принял: ему хотелось выбежать из кабинета, крепко обнять ее и целовать заплаканные, соленые щеки. Этан Эриксон сжал кулаки. А потом вдруг все поплыло перед глазами: Этан вдруг понял – нет, он не искал в Брит прошлую любовь, Магду. Все его сны говорили о другом, а он боялся это признать: Брит была на месте Магды. Да, эта шестнадцатилетняя школьница. Именно она занимала место Магды в его снах вовсе не потому, что у нее зеленые глаза и почти такие же, пшеничные волосы. Она чистая. Она светлая. Она настоящая. Такая далекая от всего этого мира, такая неземная, «не от мира сего», немного странная, совсем как он когда-то. А сейчас? До чего он дошел? Увидел свой идеал, свою так называемую Дульсинею, свою женщину... в лице подростка! Какое счастье, что ему хватило ума не поцеловаться с ней... Что бы он натворил тогда? «Ты старый дурак, сам знаешь, все это невозможно» отругал себя Этан, отгоняя мысль о том, что ему снилось. «Это все не нужно. Будь честен сам с собой: от того, что ты ее поцелуешь, время не повернется вспять и ты не станешь прежним. Тебе в любом случае нужно было бы от нее отказаться, даже если бы у тебя не было ни детей, ни жены. Такое бывает. Ты не искал утраченного. Тебе казалось, это невозможно. Казалось, ты без этого навсегда. А судьба посмеялась над тобой и подразнила тебя, что это возможно было найти. Махнула хвостом и исчезла. И что теперь? Рассказал ей про смелых рыцарей, которые не посмотрят на обстоятельства, а теперь сам сидишь, пытаешься собрать себя

по кусочкам. Хватит думать о себе: ты бы ей жизнь сломал, если говорить совсем серьезно. А ты ведь не из тех, кто соблазнит ученицу, займется с ней сексом в машине и забудет об этом на следующий день. Ты же чертов идеалист! Ты бы пошел дальше... Но зачем об этом рассуждать, если эти мысли по сути предательство Клэр? А разве она это заслужила? Нет. Вот мы говорили про идеалы, а ты чуть не оступился, чуть не нарушил высшую гармонию, чуть все не испортил. Весь мир разлетается на осколки, если не быть верным идеалам. Пока ты сумасшедший Дон-Кихот, твой мир держится. Как только ты впускаешь в него поправки и допущения – он начинает давать трещину. Казалось бы, всего лишь поцелуй, а что бы он сделал с ней? Она бы начала мечтать о втором, о третьем, а потом ты бы не удержался, и что тогда? Для нее стала бы нормой связь с женатым мужчиной старше нее. Ведь это любовь, а ради любви все можно оправдать! Для меня стало бы нормой обманывать жену, ведь я ее люблю совсем не так, как мог бы полюбить Брит, как когда-то любил Магду». Этан покачал головой. «Нет, я не хочу этого. Пусть она плачет. Пусть она злится на себя, на меня. Пусть считает глупостью, то, что испытывает ко мне. Пусть считает трусостью мой отказ. Пусть думает, что угодно. Но позже она должна понять: я сохранил ее, я сохранил самого себя. Мы оба чисты и оба ни перед кем не виноваты. И если я тем самым разбил ее сердце – наверное, это наименьшая из зол, которые я мог бы ей причинить. Уж лучше разбитое сердце и целый мир вокруг, чем мертвое, бесчувственное нечто в груди и раздробленная на тысячу осколков реальность».

Конец

